

Воронежский институт МВД России

**ПРЕСТУПНОСТЬ В СНГ:
ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Сборник

Часть 1

**Воронеж
2025**

ББК 67.99(2)
П73

Редакционная коллегия:

Председатель: С. В. Родин, *кандидат технических наук, доцент*

Заместитель председателя: Р. В. Бузин, *кандидат экономических наук*

Ответственный секретарь: Н. В. Гвоздева, *кандидат филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

С. А. Бражников, *кандидат исторических наук, доцент;*

А. И. Гайдин, *кандидат юридических наук, доцент;*

А. В. Кирнос, *кандидат политических наук, доцент;*

И. А. Кравцов, *кандидат юридических наук, доцент;*

Ю. А. Кравцова, *кандидат психологических наук;*

А. И. Ляпин, *кандидат педагогических наук;*

Е. А. Пидусов, *кандидат юридических наук, доцент;*

А. В. Пучнин, *кандидат юридических наук, доцент;*

Н. М. Савицкий, *кандидат исторических наук, доцент;*

Д. А. Ерошенко

Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия
П73 преступлений : сборник. Часть 1. – Воронеж : Воронежский институт
МВД России, 2025. – 288 с.

В сборнике содержатся материалы Международной научно-практической конференции «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений», проведенной 22 мая 2025 года в Воронежском институте МВД России.

Издание предназначено для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, студентов, адъюнктов, аспирантов и сотрудников правоохранительных органов.

П-58-90(II)-25

ББК 67.99(2)

© Воронежский институт МВД России, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Абдышев Н. М. Особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершённых детьми в Кыргызстане	9
Битиев Д. В. Роль прокуратуры в механизме государственной власти Южной Осетии	11
Бортников М. Н. Взаимодействие оперативных и следственных подразделений на этапе проверки сообщения о преступлении	14
Бражникова Е. А. Уголовно-процессуальные аспекты избрания отдельных мер пресечения и принуждения	20
Войток Е. В. Право несовершеннолетнего свидетеля на квалифицированную юридическую помощь: процессуально-правовой аспект реализации	22
Галямитдинов Д. Э. К вопросу значимости исторического развития становления иных мер процессуального принуждения для российского уголовного судопроизводства	24
Гущина М. А. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения	29
Давлетшина В. Э. Проблемы реабилитации в российском уголовном судопроизводстве	31
Дмитров Н. С. Производство процессуальных действий в отношении несовершеннолетних	38
Елфимов Д. А. Перспективы совершенствования процессуальной деятельности органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела	40
Карянова О. А. Сравнительно-правовой анализ производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в России и зарубежных странах	47
Кириллова В. И. Преступность среди мигрантов в странах СНГ: причины и последствия	49
Мальцева Э. А. Конституционный фундамент уголовного судопроизводства: правовые ориентиры современной России	53
Плугина А. В. Проблемы процессуальных особенностей участия специалиста в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: теория и практика	56
Притыкина А. А. Процессуальная самостоятельность следователя в России: дефекты правового гарантирования	58
Пряников А. В. О перспективах внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность следственных подразделений органов внутренних дел	61
Решетников И. А. Информационные технологии при производстве судебных экспертиз: организационные и правовые аспекты	63

Савенкова Д. В. Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики допроса в уголовном судопроизводстве	66
Савченко К. И. Технические средства как электронные носители информации в уголовном судопроизводстве	69
Соловьева С. А. Некоторые уголовно-процессуальные особенности производства по преступлениям в сфере миграции	72
Филатова С. Е. Классификация доказательств в уголовном процессе ...	77
Хугаев С. У. Расследование преступлений как направление деятельности прокуратуры Южной Осетии	79
Шибяев Н. А. Проблемы совершенствования института производства дознания	85
Шлыкова Л. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: от абстрактного к конкретному	94
Шулятицкий И. А. Разумный срок проверки сообщения о преступлении	97

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Баженова Е. Д. Проблемы уголовного преследования за хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств	99
Борисова О. Д. К вопросу о способах вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий	101
Бражникова В. И. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: характеристика и предупреждение	103
Братченко Б. Ю. Особенности детерминации нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	106
Братчиков В. Д. Некоторые вопросы института вменяемости в отечественном уголовном праве	109
Волкова С. С. Проблемы разграничения преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ, со смежными составами	112
Гончарова А. В. Перспективы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа	114
Горбулина Е. Ю. Меры предупреждения незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет	116
Грознова Д. Д. Некоторые особенности уголовного законодательства стран СНГ	118
Губанова М. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: генезис законодательного регулирования в России ..	121
Джавадов Т. М. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	124

Иващенко А. В. Грабеж и смежные составы преступлений: сходства и различия	126
Кудрявцева Ю. Е. Меры предупреждения скулшутинга в России	129
Кулешов В. О. Особенности субъективной стороны преступлений, совершаемых в соучастии	131
Курапова Д. А. Институт соучастия в уголовном праве	133
Латышев А. Б. О тенденциях преступности в России	135
Лебедев П. А. Организационная деятельность подразделений по делам несовершеннолетних, направленная на борьбу с пьянством и алкоголизацией несовершеннолетних	137
Логунов Н. Р. Криминологический анализ доведения до самоубийства	139
Мергенов А. К. Виктимологическая профилактика как специализированное направление предупреждения преступлений	141
Морозова С. О. Психические аномалии в преступном насилии	143
Никитина Е. С. О некоторых мерах профилактики хищений цифровой валюты	145
Парченко Д. А. Криминологическая характеристика и предупреждение контрабанды наркотиков	147
Перова Т. С. О субъекте и субъективной стороне вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления	150
Плугина А. В. Особенности квалификации преступлений, совершаемых с использованием социальной инженерии	153
Постникова А. В. Факторы, способствующие распространению криминальной субкультуры среди несовершеннолетних	155
Рогатова М. А. Динамика и структура преступности мигрантов	157
Сергеев М. П. Особенности конструирования нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации	159
Скачкова А. С. Уголовная ответственность несовершеннолетних за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков	161
Ткаченко М. Н. Преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	163
Третьяков М. К. Уголовно-правовое регулирование заражения ВИЧ-инфекцией в Российской Федерации	165
Филь Д. С. Право иностранных граждан на участие в публичных мероприятиях: баланс демократии и национальной безопасности	167
Фурса Д. Ю. Актуальные проблемы отграничения хулиганства от смежных составов преступлений	170
Храмченко М. Д. Государственная измена: проблема квалификации среди государственных служащих как специальных субъектов	173
Чернышова К. С. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма как деструктивное социальное явление, совершаемое несовершеннолетними	175

Чудаев А. С. Особенности уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемые с использованием IT-технологий	177
Шурухина Д. А. Система наказаний в уголовном праве: сравнительно-правовой анализ законодательства России и других стран	179

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Акопян К. А. Проблемы розыска лиц, скрывающихся от органов следствия, дознания и суда, в оперативно-розыскной деятельности	181
Алексеева К. В. Особенности проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов	183
Аленичева С. А. О некоторых психологических особенностях проведения оперативно-розыскного мероприятия «Опрос»	185
Алехин В. И. Актуальные проблемы противодействия оперативными подразделениями органов внутренних дел преступлениям в сфере распространения терроризма и экстремизма	187
Бадикова О. С. К вопросу об организации проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении представителей этнических преступных групп	189
Власюк П. А. Роль информационных технологий и цифровизации в выявлении и предотвращении коррупционных схем в правоохранительных органах	191
Гавриков А. М. Предупреждение сотрудниками полиции оперативных подразделений вовлечения несовершеннолетних в бесконтактный сбыт наркотических средств	194
Желтиков Д. В. Основные оперативно-розыскные мероприятия, проводимые при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних	196
Исаенко Д. Н. К вопросу о запрете препятствования правомерному исполнению служебных обязанностей сотрудниками уполномоченных структур, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность	198
Клиновой С. С. Особенности взаимодействия подразделений по экономической безопасности и противодействия коррупции с территориальными органами Росалкогольрегулирования при выявлении и пресечении преступлений на алкогольном рынке ...	200
Кочетов П. А. Долг перед памятью: оперативно-розыскные действия по восстановлению сведений о героях	202
Морозова С. Д. Цифровая среда как новый источник получения оперативной информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	205

Плохих Е. С. Будущее биометрических технологий в контексте искусственного интеллекта: от идентификации до предсказания преступных действий	207
Сухарева А. Р. О некоторых психологических аспектах проведения оперативно-розыскных мероприятий в ходе противодействия организованной преступной деятельности	210
Шацких А. П. Кибернетическое пространство как источник оперативной информации	212

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Абдышев Н. М. Проблемы и способы совершенствования использования специальных знаний	214
Безлюдная Д. Ю. Следственные ситуации по делам о мошенничестве с использованием интернет площадок	216
Белова В. В. Цифровые следы преступлений при расследовании отдельной категории преступлений	219
Викулов А. А. Значимые элементы криминалистической характеристики легализации преступных доходов, совершаемой с применением информационно-телекоммуникационных технологий	222
Волвенкина М. А. Киберпреступления: виды и способы их совершения ...	224
Гончаров Д. А. Использование биометрических технологий в криминалистике	226
Горобцов В. Н. Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых в сети Интернет	228
Губина В. В. Обнаружение, изъятие и анализ следов, образуемых при дистанционном сбыте наркотических средств и психотропных веществ ..	230
Добрецова Л. Д. Цифровой профиль подростка: риски и безопасность ...	232
Дорохина В. А. Наркотические вещества как предмет судебной экспертизы при расследовании преступлений	234
Еремейчев Е. Н. Организация расследования неправомерного доступа к компьютерной информации на первоначальном этапе	237
Исаенко Д. Н. Особенности криминалистической характеристики дистанционного мошенничества в условиях цифровой трансформации ...	239
Исатай А. А. Тактика получения криминалистически значимой информации с электронных носителей данных	242
Кудрявцева Ю. Е. Современные методы биометрии, используемые в криминалистике при раскрытии и расследовании преступлений	244
Линьков В. А. Использование технологий биометрической идентификации при раскрытии и расследовании преступлений	247

Лихачева Е. А. Особенности назначения и производства судебных экспертиз при расследовании вымогательств, сопряженных с распространением порочащих сведений в сети Интернет	249
Ломакин Д. Ю. Криминалистически значимые особенности личности потерпевших и обстановки преступлений экстремистской направленности	252
Меканина С. М. К вопросам анонимизации в сети Интернет	254
Мергенов А. К. Особенности организации расследования преступлений, связанных с привлечением дропперов	256
Мурсалова С. С. Анализ электронных платежных систем, как средства совершения преступлений	258
Перепечина В. В. Особенности осуществления операций с кибервалютами	265
Пряников А. В. О перспективах внедрения в административно-юрисдикционную деятельность органов внутренних дел инновационных информационных технологий	271
Саатбеков Э. Э. Криминалистическая характеристика доведения до самоубийства	273
Тимофеева В. Ю. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий	276
Тимошенко А. А. Исследования в области судебной дактилоскопической экспертизы в контексте новых технологий	278
Тириченко А. С. Психологический портрет преступника как метод криминалистического исследования	282
Французов А. В. Криминалистический портрет личности преступника, совершающего мошенничество с использованием сети Интернет	284
Шумейко С. А. Использование искусственного интеллекта в цифровой криминалистике	286

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

**Слушатель Воронежского института МВД России
Н. М. Абдышев**

Научный руководитель: У. Н. Ахмедов,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЁННЫХ ДЕТЬМИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Кыргызстан уделяет большое внимание защите прав и интересов детей, в том числе детей, находящихся в конфликте с законом, т.к. они являются важным звеном института семьи, частью общества и будущего государства. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики устанавливает особое производство в отношении детей, которые совершили преступления, ведь каждый отступившийся ребенок должен иметь возможность встать на правильный путь.

Уголовное судопроизводство Кыргызстана соответствует всем международным стандартам о защите детей, несовершеннолетних, совершивших преступления. Кроме того, ведется активное взаимодействие с мировыми сообществами и организациями, государствами, где особое место занимают страны-участницы СНГ в вопросах обмена теоретическими знаниями, а также правоприменительной практики, направленных на достижение эффективности регулирования предупреждения преступлений среди несовершеннолетних и их ресоциализацию.

Итак, в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, в ст. 5 УПК КР [1] законодателем закреплено определение, согласно которому ребенком, находящимся в конфликте с законом, является лицо, не достигшее 18-летнего возраста, являющееся подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным по делу.

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних нашло свое отражение в отдельной 54 главе в XIV разделе особого производства по делу УПК КР, где производство по уголовным делам в отношении детей, находящихся в конфликте с законом, осуществляется только лишь специализированными лицами, такими как специализированный прокурор, следователь, судья по делам детей и специализированный адвокат по делам детей, – в целом, имеющими общую трактовку как дополнительно прошедшие специализированное обучение по вопросам юстиции для детей.

Процедура выведения ребенка из уголовного судопроизводства начинается с того, что следователь принимает решение о прекращении уголовного дела, если ребенок впервые совершил небольшое или менее тяжкое

преступление, признал свою вину и не участвовал ранее в программах по выведению из уголовного процесса. Следователь составляет специальный договор, который подписывают все участники, включая ребенка, его законных представителей, адвоката и сотрудника органа по защите прав детей, также если ребенка дали под поручительство, то дополнительно могут подписать лица и организации, готовые взять на себя обязательства по исполнению договора. Данный договор включает условия, которые должен соблюдать ребенок, а его срок может варьироваться от 3 до 12 месяцев, в котором также могут быть прописаны меры, такие как предупреждение, возмещение ущерба, наложение обязательств или помещение на попечение, где возможно применение нескольких мер одновременно.

Постановление и договор подлежат утверждению прокурором. В случае отказа следователя или прокурора выведение может быть оспорено вышестоящим прокурором или следственным судьей, право на обжалование решения также имеет потерпевший. В то же время акты следственного судьи по данным вопросам не подлежат обжалованию, а контроль за выполнением условий договора остается на прокуроре, который утвердил его. Важно отметить, что исключение ребенка из уголовного судопроизводства не освобождает его от ответственности за возмещение ущерба или морального вреда, причиненного преступлением, что подтверждает его обязательства перед потерпевшей стороной.

Кроме того, необходимо, чтобы ребенку было объяснено, что на каждом этапе он вправе отказаться от участия в программе выведения из уголовного судопроизводства. При этом все признания ребенка о совершении преступления, а также любые данные, собранные в процессе выведения, не могут быть использованы против него в дальнейшем судебном разбирательстве. Если ребенок выполняет все условия, установленные договором, следователь принимает решение о его полном исключении из уголовного судопроизводства, подтвержденное постановлением о выполнении выведения.

Таким образом, совершенствование процессуальных механизмов, обеспечение доступа к квалифицированной юридической помощи и преодоление пробелов в межведомственном взаимодействии необходимы для создания гуманной и эффективной модели, отвечающей как интересам ребенка, так и запросам общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс КР от 28 октября 2021 года № 129 «Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики» (введен в действие Законом КР от 28 октября 2021 года № 126).

Слушатель Орловского юридического института

МВД России им. В. В. Лукьянова

Д. В. Битиев

Научный руководитель: Ю. П. Якубина,

кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

На официальном сайте Парламента Южной Осетии опубликован Закон «О прокуратуре Республики Южная Осетия» [1]. Из данного закона следует, что прокуратура Республики Южная Осетия представляет собой централизованную систему органов, которые от имени Республики осуществляют надзор за соблюдением Конституции страны и исполнением законов, действующих на территории Южной Осетии. Отметим, что данный закон не определяет роль прокуратуры в механизме государственной власти анализируемого государства. Однако данную роль представляется возможным определить через основные функции прокуратуры Южной Осетии.

Так, прокуратура осуществляет:

- надзор за исполнением законов различными органами исполнительной власти, органов местного самоуправления, военного управления и контроля;
- надзор за соблюдением прав и законных интересов, свобод человека и гражданина;
- уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Республики Южная Осетия [2];
- координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
- участие в рассмотрении дел судами, включая арбитражные суды, опротестование несоответствующих закону судебных решений всех видов (приговоров, определений, постановлений и т.п.);
- участие в правотворческой деятельности и др..

Таким образом, прокуратура в Республике Южная Осетия является важным правоохранительным государственным органом, который не относится ни к одной из ветвей государственной власти. Место прокуратуры в механизме государственной власти также и не определено в Конституции Республики Южная Осетия [3].

Важную роль в создании и формировании системы прокуратуры в Республике Южная Осетия сыграла Прокуратура Верховного суда СССР, когда начала строиться централизованная система органов прокуратуры, которая сохраняется и по сей день в странах постсоветского пространства, включая Республику Южная Осетия. С момента самоопределения, можно сказать, и началась самостоятельная история органов прокуратуры в Республике

Южная Осетия. Однако по сей день законодатель не определил четко ни роль, ни место прокуратуры в системе государственных органов, ни в механизме государственной власти, то есть имеется неопределённость правового статуса органов прокуратуры, что можно назвать недостатком действующего нормативно-правового регулирования. По нашему мнению, место прокуратуры в механизме государственной власти Республики Южная Осетия, в первую очередь, предопределяется ее надзорными полномочиями, так как именно данный орган обеспечивает законность на территории страны. Отрицать важность полномочий и функций органов прокуратуры на современном этапе не берется ни один из исследователей, это неоспоримо.

Отметим, что важная справочная информация о роли прокуратуры также отсутствует и на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации [4]. Генеральная прокуратура Республики Северная Осетия подчеркнула, что в информационной политике органов прокуратуры Республики Южная Осетия в последнее время происходят значимые изменения. Прокуратура стала проводить свою работу в условиях большей открытости, в непрерывной обратной связи со средствами массовой информации и общественностью [4].

Прокуратура Республики Южная Осетия составляет единую централизованную систему органов и учреждений и действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Республики Южная Осетия. Рассуждая о полномочиях Генерального прокурора отметили, что Генеральный прокурор Республики Южная Осетия вправе присутствовать на заседаниях Парламента Республики Южная Осетия, его рабочих органов, Правительства Республики Южная Осетия и органов местного самоуправления [5].

Прокуратура не участвует в сдержке и противовесах между органами государственной власти [6].

Таким образом, в рамках данной статьи автор проанализировал роль прокуратуры в механизме государственной власти Южной Осетии. Сделан вывод, что государство находится на пути своего становления, в связи с чем многие положения действующего нормативно-правового регулирования подвергаются изменениям с учетом экономического и политического развития Республики. Мы видим, что в Республике Южная Осетия на законодательном уровне однозначно не определен правовой статус прокуратуры, а также роль органов прокуратуры в механизме государственной власти Южной Осетии. Анализ научной и учебной литературы позволяет прийти к выводу, что на доктринальном уровне имеется существенный дефицит теоретического материала. Представляется, что для государства, которое находится на активном пути своего становления и развития, очень важно повышенное внимание уделять доктринальным основам, так как это помогает развивать и законодательную базу. Представляется, что роль прокуратуры в механизме государственной власти Республики Южная Осетия нуждается в

более полном и всестороннем исследовании. Теория прокурорской деятельности в Южной Осетии пока развита недостаточно. Однако роль прокуратуры в механизме государственной власти важна, и прежде всего, направлена на борьбу с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Парламента Республики Южная Осетия. – URL: <https://parliamentroso.org/node/83> (дата обращения 20.09.2024).
2. Защита прав и свобод человека в деятельности прокуратуры Российской Федерации и Республики Южная Осетия : сборник материалов круглого стола (Москва, 25 января 2019 г.) / под общ. ред. Г. Л. Куликовой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2019. – С. 54.
3. Конституция Республики Южная Осетия. – URL: <https://rsogov.org/republic/constitution?ysclid=mlawmsyxgp260917994> (дата обращения 20.09.2024).
4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://rsogenproc.su/about/history/> (дата обращения: 20.09.2024).
5. Официальный сайт Парламента Республики Южная Осетия. – URL: <https://parliamentroso.org/node/83> (дата обращения 20.09.2024).
6. Русак О. О. Из истории образования и деятельности органов прокуратуры Северной Осетии 1921–1924 гг. // Известия АлтГУ. – 2019. – № 4-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-obrazovaniya-i-deyatelnosti-organov-prokuratury-severnoy-osetii-1921-1924-gg> (дата обращения: 20.09.2024).

Слушатель Воронежского института МВД России
М. Н. Бортников
Научный руководитель: Е. И. Сидорова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НА ЭТАПЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В соответствии с задачами, которые уполномоченные должностные лица последовательно выполняют при проведении проверки сообщения о преступлении существует несколько вариантов такой проверки, которые условно можно объединить в три основные группы:

- 1) проверка при помощи следственных (процессуальных) действий;
- 2) проверка сообщения о преступлении, проводимая непроцессуальными действиями;
- 3) проверка с применением результатов оперативно-розыскной деятельности.

Требовать на данном этапе установления всех объективных и субъективных признаков состава преступления невозможно, так как те устанавливаются уже на стадии предварительного расследования.

В настоящее время в РФ отсутствует единый федеральный закон, посвященный регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. Механизм реализации требований уголовно-процессуального законодательства РФ по поводу регистрации и учету преступлений определен совместными ведомственными нормативными актами, а именно, единым приказом Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 года № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений», которым было утверждено Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях (далее Типовое положение) [1].

При поступлении сообщения о преступлении от конкретного лица заявителю в дежурной части органов внутренних дел или иных уполномоченных правоохранительных органов выдается талон-уведомление, где фиксируются данные о должностном лице, принявшем сообщение о преступлении, и дата его принятия. Отказ в приеме сообщения о преступлении можно обжаловать в прокуратуру либо в суд.

Цель проверочных мероприятий при проверке сообщений о преступлении заключается в следующем:

- 1) пресечь готовящееся преступление;
- 2) выявить следовую картину и организовать раскрытие «по горячим следам».

В противном случае несвоевременное проведение проверки способно привести к ситуации, когда отдельные следы преступления будут утрачены к началу расследования и будет уже невозможно полностью установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, а также должным образом определить пределы доказывания по конкретному делу.

Процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении закрепляет УПК РФ. Соблюдение процессуальной формы данных действий по проверке обязательно, иначе может возникнуть ситуация, при которой, например, будет невозможно использовать полученные сведения как допустимые доказательства по уголовному делу. Следовательно, получаемая в ходе проверки информация может использоваться как допустимая доказательственная база лишь тогда, когда полностью соответствуют положениям требований ст.ст. 75, 89 УПК РФ [2].

Важной задачей выступает рассмотрение системы проверочных действий, которые должностное лицо уполномочено производить при проверке сообщения о преступлении и их пределы, что определены границами стадии возбуждения уголовного дела (от получения сообщения до решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении дела).

На основании ч. 1 ст. 144 УПК РФ при производстве проверки сообщения о преступлении основными следственными действиями являются:

- осмотр места происшествия;
- осмотр документов;
- осмотр предметов;
- осмотр трупа;
- освидетельствование;
- получение образцов для сравнительного исследования;
- назначение экспертиз [3].

Производство проверки следственными действиями детального регламентируется соответствующими нормами уголовно-процессуального законодательства РФ. Важным аспектом раскрытия тематики данного параграфа является проведение проверки сообщения о преступлении, осуществляемой сотрудниками оперативных подразделений с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности, т.к. фиксация хода оперативно-розыскных действий и полученных результатов является важным этапом проведения проверочных мероприятий сообщения о преступлении. По результатам фиксации получают процессуальные документы, источники доказательств, в частности вещественные доказательства, сравнительные образцы для проведения судебной экспертизы и т.д. [4].

В соответствии с Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее Закон об ОРД), эти результаты могут использоваться как основание подготовки и осуществления следственных и судебных действий; повод и основание возбуждения уголовного дела; в процессе доказывания по уголовным делам [5].

По своей сути результаты оперативно-розыскной деятельности это оперативная информация, полученная непроцессуальным путем о признаках готовящегося, совершаемого, совершенного преступления либо лицах, которые его готовят, совершают или уже совершили и скрылись от правоохранительных органов. Следовательно, такие результаты выступают вспомогательным средством установления юридически значимых обстоятельств для принятия решения в порядке ст. 145 УПК РФ по итогу рассмотрения сообщения о преступлении. Результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в данном конкретном случае представляются в уполномоченный орган для проверки и решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо о вынесении отказа в этом [6].

Однако факты должны быть проверены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством РФ. В отечественной практике результаты ОРД в основном применяют при расследовании наиболее латентных преступлений. В случае, когда оперативный сотрудник правоохранительного органа некоторое время изучал и документировал преступную деятельность, УПК РФ предоставляет ему реализовать результаты ОРД на основании ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД, применив их в качестве обоснований и повода возбуждения уголовного дела [7].

Кроме того, данные о преступлении могут поступить и в сам орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, а также в орган предварительного расследования. В таком случае, при поступлении в орган, осуществляющий ОРД порядок оформления сообщения о преступлении будет связан с составлением оперативно-служебных документов, заведением дела оперативного учета и оперативной проверкой информации. После чего результаты ОРД на основании ч. 2 ст. 4 Закона об ОРД направляются уполномоченным должностным лицам для проведения проверки и принятия решения, согласно ст. ст. 144, 145 УПК РФ [8].

Таким образом, можно поддержать выдвигаемую отдельными авторами позицию, согласно которой результаты ОРД позволяют рассматривать как «свободный повод» к возбуждению уголовного дела сообщение о преступлении.

Согласно нормам, ст. ст. 1 и 6 Закона об ОРД, данная деятельность осуществляется оперативными подразделениями органа, осуществляющего ОРД за счет проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), в ходе которых в России обнаруживается большинство преступлений. Вместе с тем допускаются различного рода рейды, проверки, патрулирование, негласное сопровождение грузов, засады, перехват автотранспорта и т.п. [9].

При осуществлении проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении за счет проведения оперативно-розыскных действий важным обстоятельством является соответствие применяемых методов уголовно-процессуальному законодательству и их надлежащее документиро-

вание (документирование полученных результатов) с последующим представлением результатов ОРМ органам предварительного расследования.

Следовательно, для того чтобы следователь или дознаватель мог использовать полученные результаты ОРД для возбуждения дела, он должен детально их проанализировать при осуществлении процессуальной проверки в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ и исключить принятие необоснованного процессуального решения.

Порядок проведения ОРМ, как правило, закреплен в нормативных актах, которые регламентируют организацию и тактику их проведения. Однако недостаточно четкие формулировки, применяемые в них, приводят к противоречивой практике осуществления ОРД в разных российских регионах. Так, Ю. П. Гармаев отмечает, что в отдельных субъектах РФ наблюдения оформляют как оперативный эксперимент и наоборот, оперативная проверка заявления, контрольная закупка не соответствуют фактическому содержанию ОРМ его описанию в протоколе и т.д. [10].

Перечень целей и задач ОРД, определенный специальным законом, является исчерпывающим. Согласно ст. 2 Закона об ОРД приоритетной задачей ОРД выступает выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Следовательно, когда в ходе проведенного ОРМ преступление выявляется и есть сведения, достаточные для возбуждения дела, оперативные сотрудники должны пресекать противоправную деятельность таких фигурантов. Но на практике это происходит не всегда. Например, сотрудниками ОВД при проверочной закупке с участием гр. К. был выявлен факт организованного группового сбыта наркотиков гражданами П., С., А., П., А., М., Г. Оперативные сотрудники имели возможность пресечь преступные действия гр. П., С., но они не пресекли и не задержали преступников, а через три месяца с момента совершения теми первого преступления провели еще одно ОРМ «проверочная закупка» у гр. П., и С. по тем же основаниям, что фактически дало им возможность три месяца торговать наркотическими средствами и совершать новые преступления. В итоге, при рассмотрении обстоятельств данного дела в кассационной инстанции Верховный суд РФ признал результаты повторной проверочной закупки противоречащими Закону об ОРД и недопустимыми [11].

Кроме того, важным условием допустимости применения результатов ОРД для констатации преступления является проверка следователем того обстоятельства, что ОРМ должно быть проведено только уполномоченным органом и уполномоченным должностным лицом данного органа. В частности, на практике также известен ряд случаев, когда проверка материалов о совершенном преступлении, проведенная в ходе ОРМ признается незаконной на основании соответствующего ходатайства стороны защиты. Безусловно, следователь или другое уполномоченное должностное лицо должен установить того, кто получил результаты ОРД и кто их фиксировал, и его компетенцию. Например, в одном из дел, отказывая стороне защиты в

удовлетворении ходатайства о признании постановления о проведении ОРМ «оперативный эксперимент» незаконным, Верховный Суд РФ установил, что оперативные сотрудники Т. и И., находясь в составе специальной оперативной группы по проверке сообщения о преступлении принимали непосредственное участие в ОРМ, и каждый из них был наделен полномочиями на проведение и вынесение постановления на проведение данного ОРМ [12].

В другом случае суд прекратил дело в отношении гр. Е. за сбыт наркотических средств, указав что в проведении ОРМ «проверочная закупка» принимал участие дежурный следователь, начавший осмотр места происшествия, составивший протокол личного досмотра гр. Е. и изъятия у нее денежных средств, полученных в ходе ОРМ до получения результатов ОРМ в соответствии с ч. 4 ст. 11 Закона об ОРД [13].

Результаты ОРД следует оценивать также на предмет достаточности данных, которые указывают на признаки преступлений, с позиций того, что они обязательно должны подтверждать наличие либо отсутствие события преступления.

Таким образом, проверка сообщения о преступлении посредством оперативно-розыскных действий включает:

- 1) в результатах ОРД содержатся данные о признаках преступления;
- 2) результаты ОРД надлежаще задокументированы и своевременно представлены следователю или дознавателю;
- 3) всех результатов ОРД достаточно для вывода о наличии признаков преступления вне зависимости от характера совершенного преступления, его индивидуальных особенностей и конкретных обстоятельств дела [14].

Подводя итог вопросам, рассмотренным в настоящем параграфе, следует отметить, что результатом взаимодействия следственных и оперативных подразделений при проверке сообщения о преступлении выступает принятие следователем итогового или промежуточного решения.

На основании ст. 145 УПК РФ по итогам рассмотрения сообщения о преступлении следователь или иное уполномоченное должностное лицо вправе принять одно из следующих решений:

- 1) о возбуждении дела (ст. 146 УПК РФ);
- 2) об отказе в возбуждении дела;
- 3) о передаче сообщения по подследственности или в суд (ч. 2 ст. 20 УПК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. О едином учете преступлений (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и

представления учетных документов») : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) // Российская газета. – 2006. – № 13. – 25 янв. – С. 3.

2. Варнавский Д. А. Способы проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. – 2017. – № 13. – С. 9.

3. Комаров С. С. Взаимодействие дознавателя и оперативного сотрудника при проверке сообщения о преступлении // Российский следователь. – 2021. – № 9. – С. 21.

4. Масленникова Е. А. Особенности проведения обыска в пенитенциарных учреждениях // Российский следователь. – 2021. – № 1. – С. 8.

5. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

6. Тарасенко Е. А., Никитин Е. Л. Осуществление оперативно-розыскных мероприятий должностным лицом, проводящим проверку сообщения о преступлении // Законность. – 2019. – № 2. – С. 49.

7. Раззорова И. Н. Проблемы обеспечения прав участников в ходе проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. – 2019. – № 11. – С. 38.

8. СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

9. Терехин В. В, Несколько предложения по совершенствованию УПК РФ, вытекающих из анализа материалов следственно-судебной практики последних лет // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 4. – С. 41.

10. Гармаев Ю. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве. – Москва, 2005. – С. 8.

11. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 января 2013 года № 45-о12-77. – URL: [https:// garant.ru](https://garant.ru) (дата обращения 18.04.2025).

12. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2012 года № 47-о12-50. – URL: [https:// garant.ru](https://garant.ru) (дата обращения 18.04.2025).

13. Материалы кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 47.

14. Нуриев Т. М., Кутепов А. А. Надзор за соблюдением прав граждан органами внутренних дел при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Законность. – 2019. – № 8. – С. 27.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗБРАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ

Успешная работа системы уголовного правосудия напрямую зависит от применения мер пресечения. Эти меры призваны гарантировать должное поведение лица, обвиняемого или подозреваемого, во время предварительного следствия и судебного процесса. Целью института мер пресечения является предотвращение уклонения от участия в следственных действиях и судебных заседаниях, препятствования выяснению обстоятельств дела, а также совершения новых правонарушений. Тем не менее, реальное воздействие выбранной меры пресечения на дальнейшее поведение обвиняемых или подозреваемых, особенно в контексте совершения ими новых преступлений, является предметом обсуждений и нуждается в тщательном изучении.

Меры пресечения, предусмотренные ст. 98 УПК РФ, направлены на обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого на период расследования уголовного дела и судебного разбирательства.

В отличие от мер пресечения, меры процессуального принуждения не предполагают ограничения свободы. Они направлены на обеспечение возможности проведения следственных действий и участия определенных лиц в уголовном процессе. Меры процессуального принуждения применяются в случаях, когда возникает необходимость обеспечить явку лица для проведения следственных действий, предотвратить сокрытие или повреждение имущества, имеющего значение для дела, или обеспечить исполнение приговора.

Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает следующие виды мер пресечения:

1. Подписка о невыезде.
2. Личное поручительство.
3. Залог.
4. Домашний арест и др.

Избранные меры пресечения оформляются постановлением дознавателя, следователя или определением суда.

Несмотря на то что ограничения, применяемые к сторонам в уголовном деле, и меры пресечения, и меры процессуального воздействия различаются по своей сути, они преследуют единые задачи:

1. Достижение должного поведения сторон, участвующих в уголовном судопроизводстве.
2. Формирование благоприятной обстановки для глубокого изучения деталей при рассмотрении дела.

3. Обеспечение вынесения приговора.

Все эти задачи направлены на обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства и защиту прав всех его участников.

Институт мер пресечения и принуждения в уголовном процессе является ключевым для обеспечения правопорядка, подлежащего расследования и рассмотрения уголовных дел, а также защиты прав и законных интересов участников процесса. Применение этих мер должно строго соответствовать нормам УПК РФ, базироваться на обоснованном подозрении в совершении преступления, а также учитывать необходимость достижения целей, предусмотренных законом. Важным аспектом является соблюдение принципов законности, соразмерности, гуманизма и презумпции невиновности при избрании и применении мер пресечения и принуждения. Каждая мера должна быть оправдана конкретными обстоятельствами дела и не может носить карательный характер до вынесения обвинительного приговора суда. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этих мер выступает гарантией защиты прав граждан и предотвращения злоупотреблений со стороны органов предварительного расследования.

Необходимо постоянное совершенствование законодательства и практики применения мер пресечения и принуждения с целью обеспечения баланса между интересами общества в борьбе с преступностью и правами и свободами личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ксендзов Ю. Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения. // Право и политика. – 2020. – № 8. – С. 69–71.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; научн. ред. В. П. Божьев. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2014. – С. 255.
3. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт ; Высшее образование, 2009. – С. 170
4. Сумин А. А. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и продление срока содержания под стражей (актуальные проблемы) : монография. – Москва : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017. – С. 36.

**Курсант Луганского филиала
Воронежского института МВД России
Е. В. Войток
Научный руководитель: А. И. Черенкова**

ПРАВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СВИДЕТЕЛЯ НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ: ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ

Право на получение квалифицированной юридической помощи является конституционной гарантией [1], которая находит свое более подробное правовое регламентирование в специальных нормативных правовых актах. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом России каждый подозреваемый и обвиняемый имеет право обратиться за помощью адвоката, в том числе и бесплатной [2]. В настоящее время Россией созданы все условия для оказания бесплатной и доступной правовой консультации: по официальным данным на 2025 год действующий статус адвоката имеют 75 813 человек [3].

Однако в уголовно-процессуальном законодательстве есть и перечень случаев, когда присутствие адвоката обязательно, среди которых – участие несовершеннолетнего обвиняемого. Действительно, данная категория граждан является менее защищённой группой, поэтому особое внимание должно уделяться ей. В настоящее время достаточно много внимания уделено соблюдению прав и свобод несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, но еще одна очень важная фигура судопроизводства «ускользнула из поля зрения» – несовершеннолетний свидетель. Несовершеннолетним лицом признается субъект, не достигший возраста 18 лет. Они ограничены в реализации некоторых прав и свобод в соответствии с федеральным законодательством, но это не является проблемой для их участия в уголовном судопроизводстве, так как не установлены возрастные ограничения для свидетелей. Это означает, что привлечение несовершеннолетнего гражданина в качестве свидетеля является легальным требованием. Обратим внимание, что его права, в целом, ничем не отличаются от совершеннолетнего свидетеля. За исключением некоторых моментов: в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации законодатель выдвигает требования об обязательном присутствии во время допроса несовершеннолетнего лица законного представителя и педагога. Данное требование обусловлено необходимостью исключения психологического давления.

Однако законодатель «забыл» упомянуть о необходимости присутствия еще одного важного независимого лица в области права – адвоката. Как нами уже было ранее сказано, правовой статус несовершеннолетнего свидетеля практически ничем не отличается от совершеннолетнего. Так, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством свидетель имеет право на помощь квалифицированного юриста – адвоката. При этом

в законодательстве нет указания на то, что данный специалист должен быть бесплатным, что оставляет ряд вопросов о том, можно ли пользоваться подобной привилегией. Хочется сделать акцент на том, что у несовершеннолетнего субъекта отсутствует финансовая возможность оплатить юриста, следовательно, государство должно обеспечить его присутствие на безвозмездной основе.

Далее заметим, что Уголовно-процессуальный кодекс указывает: свидетель вправе являться на допрос с адвокатом. В то время как закон не устанавливает правомочие пользоваться помощью юриста в процессе иных следственных действий, что является существенным пробелом. Безусловно, перечисленные нюансы весьма негативно могут отразиться на юридической защищенности несовершеннолетнего.

Таким образом, мы предлагаем отразить в законодательстве право несовершеннолетнего свидетеля на бесплатную юридическую помощь. Также необходимо расширить перечень следственных действий, в рамках которых допускается участие адвоката.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы отметить следующее. На наш взгляд, в законодательстве должен быть найден баланс для возможности проведения эффективного расследования и реализации конституционно-правовых гарантий участников уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ от 2001 г. – № 52. – Ст. 4921.

3. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL <https://minjust.gov.ru/ru/> (дата обращения: 25.02.2025 г.).

К ВОПРОСУ ЗНАЧИМОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНЫХ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Для более углубленного изучения современных мер процессуального принуждения представляется необходимым изучения истории становления мер процессуального пресечения, часть которых с развитием уголовно-процессуального права России трансформируется, отделяется и приобретает статус иных мер процессуального принуждения.

Соборное уложение, принятое в 1649 году [1], многие ученые историки называют продолжением Русской Правды. Отличительной чертой данного нормативно-правового акта является тот факт, что законодателем были более конкретно и детально регламентированы нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие меру процессуального пресечения тюремное заключение.

В данный исторический период тюремное заключение как мера уголовно-процессуального принуждения применялась особенно часто.

Данный исторический период обеспечил законодателя огромным количеством практики применения данной меры. Практика применения в последующем стала основой для более детального урегулирования данного института уголовно-процессуального законодательства.

Н. И. Нарышкина, анализируя исследуемую меру пресечения, отмечает: упоминание о тюрьмах и тюремном заключении встречается в нем в 60 статьях [2], что говорит об особом внимании законодателя к такой мере пресечения как тюремное заключение.

Соборным уложением 1649 года так же были закреплены нормы, обеспечивающие должностных лиц правом принудительного доставления участника уголовного судопроизводства в орган, осуществляющий правосудие. Основным условием применения привода по отношению к лицу, была его неявка в суд.

Особенностью данной нормы уголовно-процессуального законодательства рассматриваемого исторического периода была предусмотренная ответственность приставов, которые по тем или иным обстоятельствам не выполнили указание вышестоящих должностных лиц о приводе не явившегося в суд лица. Наказанием за невыполнение привода было битьё богатами [3].

Следующем этапом развития института иных мер процессуального принуждения уголовно-процессуального права России является принятие Свода законов 1832 года [4]. В данном законодательном акте были

закреплены и регламентированы такие меры пресечения как: содержание в тюрьме и при полиции; домашний арест; полицейский надзор; отдача на поруки [5].

Данный перечень мер пресечения, установленный законодателем Сводом законов 1832 года помимо закрепления за должностными лицами, осуществляющих деятельность по раскрытию преступлений и осуществлению правосудия, права применения устанавливал нормы, регулирующие порядок реализации каждой меры.

Таким образом, законодатель исключил вероятность нарушения, установленных на то время, прав участников уголовного судопроизводства, в том числе подозреваемых и обвиняемых.

Доказательством тому, служит ограничение, установленное рассматриваемым нормативно-правовым актом на применение такой меры пресечения как отдача на поруки.

Данная мера пресечения применялась исключительно по отношению к тем лицам, чья вина в совершении преступления не предусматривающего тяжкого наказания доказана [6].

Устав уголовного судопроизводства от 1864 года [7] отличается от ранее принимаемых нормативно-правовых актов более детальным регулированием уголовно-процессуальных вопросов применения мер принуждения. Кроме того, законодателем были расширены возможности правоохранительных органов в части применения закрепленных мер пресечения [8].

Роль данного нормативно-правового акта в развитии иных мер процессуального принуждения нельзя переоценить, так как именно им были впервые закреплены такие меры как привод, денежное взыскание, наложение ареста на имущество и отстранение от должности. В Уставе уголовного судопроизводства от 1864 года данные меры были впервые названы иными мерами процессуального принуждения.

Новый нормативно-правовой акт регулирующий институт иных мер процессуального принуждения был принят в Советской России.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УПК РСФСР) от 1922 года [9] закреплял современные меры процессуального принуждения и порядок их применения, но в отличие от действующего законодательства не выделял изучаемые меры уголовно-процессуального права в отдельный раздел [10]. Таким образом, в период действия данного нормативно-правового акта исследуемый институт мер процессуального принуждения закреплялся, регулировался и применялся на том же уровне, что и меры пресечения данного исторического периода.

Исторически значимым событием в развитии уголовно-процессуального права России в части урегулирования института иных процессуальных мер принуждения принято считать временной период с 1960 по 2001 год [11].

Данный временной период берет своё начало с 1960 года, года вступления в силу нового нормативно-правового акта регулирующего исследуемый институт уголовно-процессуального права – УПК РСФСР [12].

Новизна данного законодательного акта заключается в особом подходе к урегулированию вопросов применения иных мер процессуального принуждения. УПК РСФСР, принятый в 1960 году, более тщательно регулировал порядок применения и реализации таких мер принуждения как: привод, обязательство о явке, отстранение от должности, наложение ареста на имущество и денежное взыскание.

Так, например, было установлено обязательное условие для применения меры принуждения привод, а именно лицо, в отношении которого предполагается применение привода, должно было нарушить обязательство явки по вызову следователя, дознавателя или суда, что так же пресекало вероятность нарушения прав обвиняемого и незаконное ограничение свободы человека.

Важно отметить, что уже на тот момент для применения по отношению к лицу меры принуждения привод, подозреваемый или обвиняемый должен был нарушить обязательство по неуважительным причинам.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый в 2001 году и вступивший в силу с 1 июля 2002 года [13] является следующим нормативно-правовым актом уголовно-процессуального права России характеризующийся как начало нового этапа развития института иных процессуальных мер принуждения

Данным нормативно-правовым актом законодатель установил систему мер процессуального принуждения, ранее отсутствующую в уголовно-процессуальном праве. Таким образом, ряд вопросов, возникающих у правоприменителей и лиц на кого направлено воздействие путем применения мер процессуального принуждения был решен.

Так, в отличии от ранее регулировавшего изучаемый институт процессуального права нормативно-правового акта, не выделяющего современные иные меры процессуального принуждения в отдельный раздел, УПК РФ от 2001 года закрепляет иные процессуальные меры принуждения выделяя их в отдельную главу кодекса.

Кроме того, были систематизированы остальные меры процессуального пресечения и принуждения путем выделения отдельного раздела, подразделяющегося на три главы.

Так, выделен целый раздел IV, посвященный мерам процессуального принуждения и состоящий из трех глав: главы 12 «Задержание» ст. ст. 91–96, главы 13 «Меры пресечения» ст. ст. 97–110 и главы 14 «Иные меры процессуального принуждения» ст. 111–118.

Исходя из этого, можно сделать вывод о важности норм, регулирующих меры принуждения и о необходимости выделения их в отдельный раздел. Выделение глав из раздела говорит о более точной формулировке и

более глубоком уровне регулирования вопроса о мерах принуждения.

Важно отметить, что данным фактом подтверждаются утверждения об огромном влиянии правоприменителей и практике применения отдельных норм на законодательные решения и нормативно-правовые акты.

Существенным нововведением является более тщательное урегулирование вопросов применения мер процессуального принуждения.

Так современным нормативно-правовым актом был уточнен круг субъектов в отношении, которых возможно применение закрепленных мер процессуального принуждения, включающий в себя: обвиняемого, подозреваемого, подсудимого; потерпевшего, свидетеля; гражданского истца; гражданского ответчика; эксперта, специалиста; переводчика и (или) понятого [14].

Помимо систематизации мер процессуального пресечения и принуждения с принятием и вступлением в силу УПК РФ от 2001 года впервые были выделены и закреплены такие иные меры процессуального принуждения как: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и денежное взыскание.

Важно отметить, что нельзя утверждать о совершенстве уголовно-процессуального права в части урегулирования вопросов возникающих при реализации норм института иных мер процессуального принуждения. Было бы неверным считать существующее уголовно-процессуальное законодательство решением всем ранее существовавших проблем рассматриваемого института права.

Развитие общества и технологий влечет за собой новые правоотношения и обстоятельства, влияющие на эффективность или возможность применения норм уголовно-процессуального права.

По сей день учеными правоведами разных отраслей права в первую очередь уголовно-процессуального, отмечается необходимость в более углубленном исследовании некоторых вопросов института иных мер процессуального принуждения. Так ими выделяются как проблемные вопросы, связанные с обеспечением конституционных прав и свобод участников уголовного процесса.

Таким образом, современные меры процессуального принуждения обладают богатой историей развития. Изначально существующие в наше время нормы регулирующие обязательство о явке и привод не были закреплены и применялись без законодательной базы. Практика применения данных мер процессуального принуждения с историческим развитием уголовно-процессуального права позволила законодателю установить порядок их применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соборное уложение 1649 года. // НПП Гарант-Сервис. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/> (дата обращения: 15.04.2025).
2. Нарышкина Н. И. Правовое регулирование тюремного заключения в России во второй половине XVII века // Уголовно-исполнительное право. 2012. – № 1. – С. 29.
3. Загидуллин М. Р. Нормы о юридической ответственности в судебном процессе в Соборном Уложении 1649 года // Научный журнал Ex iure. – 2018. – № 3. – С. 12.
4. Свод законов Российской Империи 1832 года. – Москва : Гарант-Сервис. – URL: <https://base.garant.ru/5431151/> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Манджиева Е. В. Этапы становления и развития иных мер процессуального принуждения в России // Академическая мысль. – 2018. – № 4. – С. 118.
6. Гайнов И. Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XII-XIX века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 4. – С. 110.
7. Устав уголовного судопроизводства от 1864 года. – Москва : Гарант-Сервис. – URL: <https://base.garant.ru/5431151/> (дата обращения: 15.04.2025).
8. Помошкова Н. В., Илюхина В. А. Нормативное обеспечение мер пресечения, не связанных с лишением свободы, по уставу уголовного судопроизводства 1864 г. историко-правовой аспект // Вестник ННГУ. – 2018. – № 3. – С. 140.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 15.04.2025).
10. Манджиева Е. В. Этапы становления и развития иных мер процессуального принуждения в России // Академическая мысль. – 2018. – № 4. – С. 118.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. – Москва : Гарант-Сервис. – URL: <https://base.garant.ru/1302000/> (дата обращения: 15.04.2025).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52, (ч. I). – Ст. 4921.
13. Мельников В. Ю., Гараева Т. Б. Основания, условия и цели применения иных мер процессуального принуждения // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 192.

ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

Протоколами (от греч. *protokollon* – первый лист манускрипта) в уголовном судопроизводстве Российской Федерации принято считать процессуальные акты, фиксирующие ход и результаты следственных, судебных и иных процессуальных действий. Уголовно-процессуальный закон регламентирует протоколирование следственных действий как основной способ фиксации факта производства следственного действия.

В соответствии со ст. 74 УПК РФ [1] протоколы следственных действий являются одним из основных источников доказательств в уголовном процессе. Их правильное оформление имеет ключевое значение в обеспечении законности уголовного судопроизводства и защите прав участников процесса.

Основные требования к процессуальной форме протокола включают:

- указание места, даты и времени составления;
- перечень участников с их подписями;
- описание действий в той последовательности, в которой они производились;
- фиксацию заявлений и замечаний участников;
- подпись следователя (дознателя) и иных лиц.

Одной из главных проблем процессуальной формы является недостаточная унификация и стандартизация протокола следственного действия. По мнению К. И. Скикун «законодательство РФ показывает явный недостаток в разработке чётких нормативов, регулирующих порядок выполнения этих процедур, что ведёт к правовой неопределённости в вопросах их весомости как доказательств. В дополнение, разнообразие региональных подходов подчёркивает отсутствие стандартизации в документировании этих действий в уголовных делах» [2].

Несмотря на детальную регламентацию в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), на практике возникают проблемы, связанные с нарушениями при составлении протоколов, что нередко приводит к их исключению из числа доказательств.

К типичным нарушениям процессуальной формы можно отнести:

1. Отсутствие подписей всех участников следственного действия.

В следственной практике часто встречаются случаи сугубо волевого отказа кого-либо из субъектов от подписания протокола. Отказ может быть вызван как правовой безграмотностью, способом выражения своего несогласия с позицией следователя, так и желанием в вызывающей форме проявить свой

правовой цинизм и презрение к органам предварительного расследования. В любом случае отказа следователь обязан предоставить участнику право на объяснение своего поведения, а также сделать в протоколе соответствующую запись, удостоверив ее своей подписью и подписью защитника. Оформленный таким образом протокол имеет юридическую силу и вполне может быть использован в качестве доказательств по уголовному делу.

2. Несвоевременное составление протокола.

Протокол составляется в ходе проведения следственного действия, когда фиксация результатов следственного действия происходит одновременно с обнаружением обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Допуская возможность составления протокола непосредственно после окончания следственного действия, закон исходит из того, что длительный разрыв времени приводит к снижению доказательственного значения результатов следственного действия. Практика знает случаи злоупотреблений, когда протокол составляется спустя несколько суток. Такого рода фальсификации, неточности или противоречия могут привести к исключению протокола из числа доказательств, а также послужить основанием для начала дисциплинарного производства в отношении следователя.

В системе уголовно-процессуального доказывания протоколы следственных действий занимают особое положение, являясь одновременно средством фиксации хода и результатов процессуальных действий и самостоятельным источником доказательств. Согласно ст. 83 УПК РФ, протоколы являются самостоятельным источником доказательств.

Протоколы следственных действий играют ключевую роль в доказывании по уголовным делам, однако их доказательственное значение напрямую зависит от соблюдения процессуальной формы. Совершенствование законодательства и правоприменительной практики позволит повысить качество следственных действий и минимизировать риски признания доказательств недопустимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Скикун К. И. Протоколы следственных и судебных действий как доказательства в уголовном процессе // Молодой ученый. – 2024. – № 52 (551). – С. 348–351.

ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В уголовном судопроизводстве концепция реабилитации представляет собой комплексное правовое явление, обеспечивающее компенсацию гражданам, необоснованно подвергнутым уголовному преследованию. Данный институт включает возмещение материального ущерба, компенсацию морального вреда и полное восстановление социально-правового статуса лица в трудовой, пенсионной, жилищной и иных сферах.

Реабилитация неразрывно соотносится с фундаментальными целями и основами уголовного процесса. Статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает равнозначность двух ключевых задач: защиты потерпевших от преступных посягательств и обеспечения неприкосновенности личности от неправомерного обвинения. Это положение подчеркивает сбалансированный подход законодателя к защите интересов всех участников процесса.

Принципиальное значение имеет часть 4 статьи 11 УПК РФ, закрепляющая императивное требование о возмещении вреда лицам, пострадавшим от неправомерных действий судебных и следственных органов. Данная норма выступает логическим продолжением общего принципа охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве.

Анализ современной судебной практики демонстрирует, что ежегодно рассматривается около тысячи дел, связанных с реабилитацией. При этом необходимо отметить, что фактическое число граждан, получивших оправдательные приговоры, а также количество прекращенных уголовных производств по реабилитирующим основаниям значительно превосходит указанный показатель [1, с. 54].

Включение главы 18 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, регламентирующей реабилитационные процедуры, представляет собой значительное достижение в развитии отечественного законодательства. Впервые законодатель сформировал целостный процессуальный инструментарий, позволяющий гражданам, необоснованно подвергнутым уголовному преследованию, реализовать свое право на восстановление нарушенного статуса и получение адекватных компенсаций материального и морального ущерба.

Тем не менее, формальное наличие специальной главы в УПК не решает всех проблем правового регулирования института реабилитации. В нормативной базе сохраняются существенные пробелы, создающие затруднения в правоприменительной деятельности.

Особое внимание вызывает неоднозначность судебной практики по делам о восстановлении прав лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию. Отсутствие единообразного подхода к разрешению подобных дел порождает правовую неопределенность и снижает эффективность предусмотренных законом гарантий.

Среди наиболее значимых проблем в этой области выделяется вопрос частичной реабилитации лиц, действительно совершивших преступные деяния. В части 3 статьи 133 УПК РФ закреплено право на реабилитацию для любого лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения при производстве по уголовному делу. Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 4 своего постановления разъяснил, что решения, уменьшающие объем обвинения, но не исключаящие его полностью (например, при переквалификации деяния со статьи 105 на часть 4 статьи 111 УК РФ), не предоставляют лицу права на реабилитацию.

Необходимо особое внимание уделить содержательному наполнению понятия «объем обвинения». Традиционная интерпретация данного термина включает совокупность инкриминируемых лицу противоправных действий с учетом их качественных характеристик – квалифицирующих элементов (будь то отягчающие, особо отягчающие или смягчающие обстоятельства), непосредственно влияющих на степень уголовно-правовой ответственности, а также количественного измерения вменяемых деяний.

Однако подобная трактовка обнаруживает определенную несогласованность с правовой позицией, которую сформулировал высший орган конституционного надзора Российской Федерации.

В юридической практике 2005 года высший конституционный орган России обратился к рассматриваемой проблематике при анализе ситуации гражданки Рысевой Н. Н. В документе об отклонении ходатайства заявительницы Конституционный Суд затронул фундаментальные аспекты данной правовой категории. Заявительница столкнулась с неординарной процессуальной ситуацией: часть эпизодов уголовного дела в отношении нее была прекращена вследствие процессуального решения государственного обвинителя об отказе от поддержания обвинения, тогда как производство по другому эпизоду было остановлено по процессуальному основанию истечения предусмотренных законом сроков давности уголовного преследования.

Данный казус демонстрирует сложность правоприменительной практики в контексте определения границ и содержания объема обвинения, что требует дальнейшего теоретического осмысления и практического уточнения. При этом судебная инстанция общей юрисдикции не сочла возможным признать за гражданкой Рысевой законное право на реабилитацию.

Конституционный Суд, хотя и не принял жалобу к рассмотрению из-за несоответствия формальным требованиям, указал на важный аспект: УПК РФ не содержит положений, исключающих возможность возмещения вреда лицу, в отношении которого прекращено уголовное преследование по

реабилитирующему основанию, даже если одновременно по другой части обвинения это лицо признано виновным или уголовное преследование прекращено по нереабилитирующему основанию.

В таких ситуациях суд вправе, руководствуясь принципами справедливости и приоритета прав человека, принять решение о частичном возмещении вреда реабилитированному лицу, если таковой был причинен в результате уголовного преследования по обвинению, не подтвердившемуся в ходе судебного разбирательства.

Современная судебная практика сталкивается с неоднозначными ситуациями, когда обвиняемый изначально подвергается заключению под стражу по обвинению в совершении тяжкого преступления (предусматривающего наказание свыше трех лет лишения свободы), однако в процессе судебного рассмотрения дела обвинение значительно смягчается. Существующий правовой механизм, регламентированный главой 18 УПК РФ, предусматривает возмещение ущерба исключительно при наличии доказанного причинения вреда [2, с. 99].

Такой правоприменительный подход вызывает обоснованные сомнения в его справедливости и соответствии принципам правового государства. Следует принимать во внимание, что выдвижение более серьезного обвинения является следствием профессиональной деятельности должностных лиц государственных органов, наделенных полномочиями осуществлять уголовное преследование. В случаях, когда подобное преследование признается необоснованным – будь то вследствие профессиональной ошибки или преднамеренных действий представителей следственных органов – а первоначальные процессуальные решения не находят подтверждения в итоговом судебном акте, сам факт такого преследования должен рассматриваться как причинение вреда личности.

По существу, лицо, подвергнутое мере пресечения в виде заключения под стражу по обвинению в деянии, которое оно фактически не совершало, испытывает неправомерное процессуальное давление и ограничение фундаментальных прав.

Подобная правовая презумпция могла бы стать основанием для применения института реабилитации в отношении лиц, подвергшихся неоправданному уголовному преследованию. Данная позиция неоднократно высказывалась в научных исследованиях, посвященных проблемам защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. В целях эффективного разрешения существующей правовой коллизии необходимо внести существенные изменения в действующее процессуальное законодательство. Представляется целесообразным реализовать следующие законодательные инициативы:

1. Требуется формальное и недвусмысленное закрепление в нормативной базе института частичной реабилитации граждан. Данный механизм должен применяться в ситуациях, когда происходит количественное сокращение предъявленного обвинения, уменьшается число инкриминируемых

эпизодов противоправной деятельности или осуществляется кардинальное изменение юридической квалификации деяния. Соответствующие положения необходимо интегрировать как в текст Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, так и закрепить в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

2. Принципиальным аспектом совершенствования законодательства должно стать установление правила, согласно которому основания для изменения квалификации действий осужденного лица в судебном приговоре не могут служить препятствием для реализации права на реабилитацию. Особенно важно закрепить, что даже факт допущения ошибок со стороны уполномоченных должностных лиц не должен становиться основанием для лишения осужденного возможности получить частичную реабилитацию в случаях, когда к нему применялась мера пресечения в виде заключения под стражу.

3. Уточнить формулировки частей 2 и 3 статьи 133 УПК РФ, предусмотрев, что право на возмещение вреда имеет «любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, в том числе в случае частичного прекращения уголовного преследования или изменения тяжести обвинения».

4. Конкретизировать в части 2 статьи 133 УПК РФ, что право на реабилитацию имеют:

- подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор (в том числе по отдельным эпизодам);
- подсудимый, уголовное преследование которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя (включая отказ по отдельным эпизодам);
- подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование которого прекращено по реабилитирующим основаниям (в том числе частично) [3, с. 77].

В современной правовой системе России сохраняется значительный пробел в механизме привлечения к материальной ответственности должностных лиц правоохранительных органов, чьи действия повлекли незаконное уголовное преследование граждан. Существующая практика предусматривает полную компенсацию вреда реабилитированным лицам из государственного бюджета, однако вопрос возмещения этих средств виновными должностными лицами остается нерешенным.

Правовая база для предъявления регрессных требований заложена в нескольких статьях Гражданского кодекса РФ. Законодательство предоставляет государству возможность требовать компенсации от судей за ущерб, причиненный при отправлении правосудия, но с существенным ограничением – только при доказанности вины судьи, подтвержденной вступившим в силу приговором суда.

Схожие нормативные положения распространяются и на сотрудников

следственных органов, прокуратуры и других правоохранительных структур. Однако статистика правоприменения свидетельствует о серьезном дисбалансе: при значительных суммах выплат реабилитированным гражданам практически отсутствуют случаи успешного взыскания этих средств с должностных лиц в порядке регресса.

Практическое применение регрессных механизмов демонстрирует крайне низкую эффективность. Попытки государственных органов взыскать выплаченные компенсации со следователей обычно не приводят к положительному результату при отсутствии формально установленной вины.

Иллюстративен пример, когда территориальное подразделение МВД России после компенсационной выплаты оправданному гражданину инициировало судебное разбирательство против следователя с регрессным требованием. Юридическим основанием выступала часть 5 статьи 15 Федерального закона № 342-ФЗ, закрепляющая право регрессного требования к сотруднику органов внутренних дел при возмещении вреда от его противоправных действий.

Ответчик оспорила требования, аргументируя отсутствие умысла на неправомерное привлечение гражданина к уголовной ответственности. Несмотря на выявленные служебной проверкой нарушения уголовно-процессуального законодательства, судебная инстанция отклонила исковые требования, не обнаружив виновных действий в поведении должностного лица.

Данная ситуация иллюстрирует конфликт правовых принципов. С одной стороны, следователь имеет право на уголовное преследование лица, основанное на законной правовой позиции и внутреннем убеждении. С другой стороны, существует институт гражданско-правовой ответственности за причиненный вред.

Одним из наиболее сложных аспектов функционирования института реабилитации выступает установление размера компенсаций лицам, признанным реабилитированными. В современной судебной практике вопрос о величине компенсационных выплат решается в индивидуальном порядке. Суды при этом руководствуются конкретными обстоятельствами каждого дела, применяя критерии разумности и справедливости при вынесении решений.

Вопрос компенсации реабилитированным гражданам приобретает особую актуальность в контексте ситуаций, когда лица подвергались заключению в рамках уголовного преследования. Данные обстоятельства требуют исключительно внимательного анализа при определении объема понесенного ущерба как морального, так и материального характера.

В современной правовой системе продолжает действовать нормативный документ, принятый еще в 1981 году. Этот акт регулирует механизмы компенсации ущерба в тех аспектах, которые не вступают в противоречие с положениями современной Конституции Российской Федерации и нормами Уголовно-процессуального законодательства.

Согласно данному документу, реабилитированному лицу подлежат возмещению следующие категории: компенсация неполученной заработной платы и пенсионных начислений, возмещение утраченного имущества, а также средств, затраченных на услуги юридического характера. Кроме того, подлежат возврату ранее взысканные судебные издержки.

Представляется целесообразным расширение спектра вариантов имущественной компенсации с учетом трансформации правовой реальности. Реализация данного предложения возможна посредством внесения соответствующих дополнений в постановления Пленума Верховного Суда РФ. Параллельно необходима разработка исчерпывающих и универсальных критериев материальной компенсации для реабилитированных по уголовным делам.

Отдельного внимания заслуживает аспект компенсации морального вреда. Показательным является следующий случай из судебной практики: гражданин, получивший реабилитацию, продолжительный период имел процессуальный статус подозреваемого без применения ограничительных мер. При рассмотрении дела суд руководствовался разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, предписывающими учитывать при определении размера компенсации интенсивность физических и психологических страданий, их взаимосвязь с индивидуальными характеристиками потерпевшего, а также дополнительные значимые обстоятельства, включая продолжительность уголовного судопроизводства.

В рамках судебного разбирательства истец представил требование о возмещении морального ущерба в размере 500 000 рублей. Представители стороны ответчика полностью отрицали обоснованность данного иска. По результатам рассмотрения дела суд вынес постановление, согласно которому компенсация морального вреда, причиненного продолжительным уголовным преследованием, была установлена в сумме всего 5 000 рублей.

Анализируя проведенное исследование, необходимо акцентировать внимание на нескольких существенных аспектах, требующих законодательного урегулирования.

Первостепенное значение имеет неразрешенный вопрос нормативно-правового регулирования института частичной реабилитации граждан. Особую актуальность данная проблема приобретает в ситуациях, когда происходит уменьшение объема обвинения. Сюда относятся, в частности, случаи изменения юридической квалификации деяния на преступление с меньшей степенью общественной опасности, сопровождающиеся переходом в иную категорию тяжести. Внесение соответствующих корректив в главу 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации представляется необходимым для обеспечения соответствия процессуальных норм конституционным положениям и формирования единообразной судебной практики. Во-вторых, нуждаются в конкретизации гражданско-правовые нормы, регламентирующие регрессную ответственность сотрудников правоохранительных органов. В-третьих, необходима детализация критериев оценки

ущерба, причиненного незаконным уголовным преследованием, включая нематериальные аспекты. Более четкая регламентация данных вопросов позволит унифицировать судебную практику в части определения размеров материальной компенсации лицам, реабилитированным в уголовном судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова Т. А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда : автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. – Москва, 2021.
2. Орлова А. А. Концепция реабилитации в российском уголовном процессе. – Москва, 2019.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник для вузов / ответственный редактор Г. М. Резник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025.

Курсант Воронежского института МВД России

Н. С. Дмитриев

Научный руководитель: И. С. Тройнина,

кандидат юридических наук

ПРОИЗВОДСТВО ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Преступления, совершаемые лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, то есть несовершеннолетними, на протяжении многих лет остаются актуальной проблемой.

Порядок проведения процессуальных действий, участниками которых выступают лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, строится на общем фундаменте общепринятых норм уголовного судопроизводства, но ввиду особого статуса несовершеннолетнего участника имеют свои особенности и свою специфику.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не закрепляет понятие «несовершеннолетний», однако в главе 50, а именно «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», прослеживается, что в ч.1 ст. 420 УПК РФ положения указанной главы распространяются в равной степени, на лиц, не достигших восемнадцатилетия на момент совершения преступления, а также на лиц, которые являются совершеннолетними, но на момент совершения преступления им не исполнилось восемнадцать лет.

Также обратим внимание на такой международный нормативный правовой акт, как «Минимальные стандартные правила ООН», которые определяют основную специфику защиты прав несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется судопроизводство, закрепляя их основные правовые гарантии [1].

Производство по уголовным делам, субъектом которых выступают несовершеннолетние, производится в усложненной форме, что обусловлено дополнительными процессуальными гарантиями лица, которому не исполнилось на момент совершения преступления восемнадцать лет [2].

При производстве процессуальных и следственных действий по категории преступлений, субъектом которых выступают несовершеннолетние, необходимо учитывать возрастные, психологические и иные особенности преступника.

Исходя из анализа норм уголовно-процессуального законодательства необходимо выделить следующие особенности производства процессуальных действий с участием несовершеннолетних:

1. Необходимо обязательное участие защитника. В данном случае адвокат может быть приглашен как по договору с законным представителем, на платной основе, так и бесплатным, назначаемым следователем (дознавателем) на основе 51 статьи УПК РФ. В свою очередь адвокат (защитник) присутствует при производстве каждого следственного действия, производимого с участием несовершеннолетнего, о чем свидетельствует наличие его подписей в соответствующих протоколах следственных действий.

2. При производстве каждого следственного действия присутствует законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, потерпевшего, в данном случае статус не имеет значения. В качестве законного представителя несовершеннолетнего могут выступать его родители (отец, мать), опекуны, либо иные лица, признанные официально по суду его законными представителями (сотрудники органов опеки и др.), которые также ставят свою подпись в специально отведенных графах в типовых бланках производства следственных действий.

Участие законного представителя обусловлено особым статусом несовершеннолетнего, гарантией защиты его законных прав. В данном случае следователь (дознатель) выносит соответствующее постановление о допуске законного представителя, как участника по уголовному делу.

3. Участие при производстве следственных действий психолога или социального педагога, если лицо не достигло шестнадцатилетнего возраста, но достигло четырнадцатилетнего возраста на момент совершения преступления, следователь (дознатель) приглашает для их производства и психолога и социального педагога, если же лицу на момент совершения преступления исполнилось шестнадцать лет, но не исполнилось восемнадцать – достаточно присутствия социального педагога.

По общему правилу следственные действия с участием подростков проводятся по месту проведения предварительного следствия, то есть вне зависимости от местожительства и местонахождения несовершеннолетнего.

Прослеживаются особенности в части порядка проведения следственного действия в виде допроса несовершеннолетнего. Производство же других процессуальных и следственных действий с участиями лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, не оговорено, в данном случае следователь (дознатель) поступает по аналогии, как и при производстве допроса, данный недостаток можно отнести к пробелам в уголовно-процессуальном законодательстве [3]. Данное обусловлено тем, что психика несовершеннолетнего, ввиду его возраста, неустойчива, уголовное преследование в отношении него является психотравмирующим фактором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»). Приняты Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985г. // Сборник международных договоров. – 1985.

2. Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 447.

3. Чернецова А. С. Содержание вызова несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Символ науки. – 2023. – № 3-3. – С. 204 – 207.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Совершенствование процессуальной деятельности органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела представляет собой одно из актуальных направлений развития уголовного судопроизводства, обусловленное необходимостью повышения эффективности уголовного преследования, обеспечения прав и свобод участников процесса, а также совершенствования процессуального регулирования. Стадия возбуждения уголовного дела является ключевым этапом уголовного процесса, определяющим дальнейшее направление расследования и судьбу уголовного дела в целом. В этой связи значимость данной стадии требует постоянного совершенствования организационных и правовых механизмов, регулирующих деятельность органов дознания.

Анализ современной правоприменительной практики показывает, что органы дознания нередко сталкиваются с рядом процессуальных проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела. В их числе можно выделить отсутствие четко закрепленных критериев достаточности оснований для возбуждения дела, пробелы в нормативно-правовом регулировании, недостаточную процессуальную регламентацию проверки сообщений о преступлениях, а также низкий уровень межведомственного взаимодействия и оперативности процессуальных решений. Данные аспекты требуют разработки научно обоснованных предложений, направленных на устранение выявленных недостатков и оптимизацию деятельности органов дознания.

Так, одной из актуальных проблем уголовного судопроизводства является вопрос законности и обоснованности решений дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам, подследственным органам предварительного следствия. В соответствии со статьей 151 УПК РФ, уголовные дела о преступлениях указанных категорий подследственны следователям различных федеральных органов исполнительной власти. Однако на практике органы дознания, являясь первичными субъектами, принимающими сообщения о преступлениях, нередко самостоятельно выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по преступлениям, которые должны находиться в компетенции следователей.

Сущность проблемы заключается в том, что дознаватели, не обладая полномочиями по расследованию таких преступлений, фактически принимают решения, определяющие дальнейшую судьбу уголовного дела. Это может приводить к нарушениям принципа процессуальной

подследственности, а также создавать риски необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела. Основными причинами таких решений могут являться как субъективные (недостаточная квалификация дознавателей, правовая неопределенность, перегруженность дознавателей малозначительными делами), так и объективные (пробелы в законодательстве, отсутствие четкого механизма взаимодействия между органами дознания и следствия).

В научной литературе существуют различные точки зрения относительно перспектив законодательного решения данной проблемы. Так, Л. А. Александрова в своем исследовании предлагает ввести в УПК РФ норму, предусматривающую прямой запрет на вынесение решения об отказе в возбуждении уголовного дела дознавателями по уголовным делам о преступлениях, подследственных органам следствия [1].

С указанной точкой зрения согласна и Д. Р. Москвина, которая, помимо прочего, отмечает необходимость возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий дознавателями по уголовным делам, подследственным органам следствия, в случаях, не терпящих отлагательства. В качестве примера в своем исследовании автор приводит деятельность оперуполномоченного, который провел оперативно-розыскное мероприятие «Проверочная закупка» с целью выявления факта сбыта наркотических средств и передал материалы в следственное подразделение, тогда как следовало самостоятельно перейти к уголовно-процессуальной деятельности в качестве сотрудника (должностного лица) органа дознания в условиях производства неотложных следственных действий [2].

В свою очередь, Е. Е. Колесникова указывает на нелогичность и бессмысленность направления материалов, заведомо не содержащих достаточных данных, указывающих на признаки преступления, в органы предварительного следствия по подследственности [3], тем самым отмечая важность наличия у дознавателей таких полномочий для оптимизации работы всех органов предварительного расследования.

Во многом признавая мнения ученых справедливым, вместе с тем указываем на необходимость прямого законодательного урегулирования данного вопроса, которое исключит дуалистический подход к толкованию норм уголовно-процессуального закона, регламентирующего данную сферу общественных отношений.

Еще одна из актуальных проблем, выявляемых в процессе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, связана с перечнем субъектов, обладающих полномочиями по проведению предварительной проверки сообщений о преступлениях в соответствии со статьей 144 УПК РФ. Данный перечень, закрепленный в части 1 указанной статьи, включает дознавателя, орган дознания, следователя и руководителя следственного органа, которые в пределах своей компетенции уполномочены проводить проверку поступивших сведений о преступных деяниях и принимать по ним соответствующие процессуальные решения. Формулировка данной нормы

свидетельствует о том, что законодатель рассматривает этот перечень как исчерпывающий, не предполагающий возможности расширительного толкования.

Однако анализ других норм УПК РФ выявляет определенные противоречия в регулировании данного вопроса. В частности, пункт 1 части 1 статьи 40.2 УПК РФ предусматривает, что аналогичными полномочиями обладает еще один субъект – начальник органа дознания. В данной норме прямо указано, что начальник органа дознания наделен правом «лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в их проверке», что фактически расширяет круг должностных лиц, обладающих соответствующими процессуальными полномочиями. Таким образом, возникает нормативное несоответствие, заключающееся в том, что в одной статье УПК РФ начальник органа дознания прямо указан в качестве субъекта, уполномоченного на проведение проверки сообщений о преступлениях, тогда как в другой – его полномочия в этом аспекте прямо не зафиксированы.

В целях устранения выявленного законодательного пробела представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в часть 1 статьи 144 УПК РФ путем дополнения перечня субъектов, обладающих правом на проведение проверки сообщений о преступлениях, начальником органа дознания. Такая корректировка позволит унифицировать правоприменительную практику, устранить существующее нормативное противоречие и привести уголовно-процессуальные нормы к единому содержательному и логическому стандарту, обеспечивающему четкое распределение полномочий между субъектами уголовного судопроизводства.

Также требует внимания и вопрос о праве начальника подразделения дознания на проведение проверки сообщения о преступлении. Анализ нормативных положений показывает, что среди субъектов, обладающих правом на проведение предварительной проверки, перечисленных в статье 144 УПК РФ, начальник подразделения дознания не упоминается.

Однако определенные вопросы вызывает содержание части 2 статьи 40.1 УПК РФ, согласно которой начальник подразделения дознания наделен рядом процессуальных прав, включая возможность возбуждения уголовного дела и принятия его к своему производству. На первый взгляд, это может свидетельствовать о наличии у данного должностного лица полномочий, предполагающих проведение проверки сообщения о преступлении. Однако подобная интерпретация вступает в противоречие со статьей 145 УПК РФ, которая определяет исчерпывающий круг субъектов, уполномоченных принимать процессуальное решение по итогам рассмотрения сообщения о преступлении, среди которых начальник подразделения дознания отсутствует.

Для устранения указанного противоречия и обеспечения единообразного регулирования представляется целесообразным внесение изменений в статью 145 УПК РФ путем включения в перечень субъектов, имеющих право принимать решения по результатам проверки сообщения о

преступлении, начальника подразделения дознания. Такое дополнение обеспечит процессуальную последовательность, приведет нормы УПК РФ к внутренней согласованности и позволит исключить возможные расхождения в толковании компетенции данного должностного лица.

Вместе с тем, с учетом рассмотренных положений, представляется странным отсутствие в ст. 40.1 УПК РФ указания на право начальника подразделения дознания самостоятельно принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела или направлении сообщения по подследственности. Следует согласиться с мнением А. А. Дядченко и А. А. Карпова о том, что отсутствие данного права нельзя назвать логичным, поскольку начальник подразделения дознания должен иметь возможность обладать всеми полномочиями дознавателя во всех случаях [4].

В научной уголовно-процессуальной литературе высказывается мнение о необходимости наделения подозреваемого правом ходатайствовать о производстве сокращенного дознания уже на стадии возбуждения уголовного дела [5]. Данная инициатива обусловлена стремлением к упрощению уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой тяжести и потенциальному снижению нагрузки на органы предварительного расследования. Однако реализация такого подхода требует внесения комплексных изменений в законодательство, направленных на систематизацию процессуальных норм и обеспечение правовой определенности в вопросах упрощенного уголовного преследования.

Помимо прочего, одну из ключевых проблем уголовного судопроизводства, непосредственно затрагивающую эффективность деятельности органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела, представляет собой вопрос о допустимости признания доказательствами сведений, полученных на этапе проверки сообщения о преступлении. В научной доктрине отмечается, что отсутствие четкого процессуального регулирования данного аспекта приводит к правовой неопределенности, что, в свою очередь, может создавать риски нарушения принципов допустимости доказательств и процессуальной законности [6].

Следует подчеркнуть, что дознаватель, являясь одним из первых участников уголовного процесса, несет ответственность за фиксацию первичной информации о преступлении и принятие мер по ее проверке. Однако отсутствие процессуального статуса у полученных в этот период сведений ставит под сомнение возможность их использования в дальнейшем ходе расследования. Это создает значительные правоприменительные сложности, поскольку первичная информация, будучи зачастую ключевой для установления обстоятельств преступления, не всегда может быть положена в основу доказательной базы уголовного дела.

Отсутствие в УПК РФ четкого определения должностного лица органа дознания также представляет собой значительную проблему, затрагивающую вопросы деятельности органа дознания на стадии возбуждения

уголовного дела. В научной доктрине неоднократно отмечалось, что это создает правовую неопределенность в деятельности органов дознания, а также может вызывать сложности в правоприменительной практике, связанные с разграничением полномочий между различными субъектами уголовного процесса [7]. Прежде всего, следует подчеркнуть, что УПК РФ оперирует понятием «орган дознания», но при этом не содержит четкого определения «должностного лица органа дознания», что приводит к разночтениям при квалификации процессуального статуса сотрудников, уполномоченных осуществлять дознание. В результате возникает необходимость руководствоваться нормами иных нормативных актов, что противоречит принципу процессуальной определенности. Это особенно актуально в связи с частым возложением функций дознавателя на участковых уполномоченных полиции, эффективность и необходимость которого также вызывает дискуссии в научном сообществе.

Кроме того, важно подчеркнуть, что наиболее распространенным нарушением в ходе рассмотрения сообщения о преступлении является нарушение процессуальных сроков [4].

Несмотря на закрепленное в части 1 статьи 144 УПК РФ требование о принятии решения по поступившему сообщению о преступлении в трехдневный срок, правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к увеличению сроков рассмотрения таких сообщений до 10 суток. Формально это не является нарушением уголовно-процессуального законодательства, поскольку УПК РФ допускает возможность продления срока с согласия начальника органа дознания. Однако на практике такие решения нередко принимаются по формальным или необоснованным основаниям, что снижает эффективность стадии возбуждения уголовного дела и может приводить к затягиванию процессуальных решений.

В связи с этим представляется целесообразным внесение изменений, направленных на повышение обоснованности и контроля за продлением сроков проверки. Во-первых, ходатайство о продлении должно проходить процедуру согласования не только с начальником органа дознания, но и с начальником подразделения дознания, что обеспечит дополнительный уровень контроля за обоснованностью такого решения. Во-вторых, перед согласованием продления начальник подразделения дознания должен оценить объективную необходимость продления путем анализа уже выполненных процессуальных действий, их полноты, всесторонности и соответствия установленным требованиям.

Если в ходе проверки будет установлено, что дознавателем не были своевременно приняты меры по рассмотрению сообщения о преступлении, при отсутствии объективных препятствий для их выполнения, следует не только ограничиться продлением срока, но и рассмотреть вопрос о привлечении должностного лица к дисциплинарной ответственности. Такой подход позволит не только повысить уровень исполнительской дисциплины

среди дознавателей, но и минимизировать случаи искусственного затягивания сроков рассмотрения сообщений о преступлениях. В результате будет обеспечено более строгое соблюдение процессуальных сроков и повышена эффективность работы органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, совершенствование процессуальной деятельности органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела требует комплексного подхода, включающего как изменения законодательства, так и отдельные организационные меры. В частности, необходимо устранение законодательных пробелов, касающихся прав и обязанностей дознавателей, их компетенции на стадии возбуждения уголовного дела, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики. Важным направлением является регламентация отказа в возбуждении уголовного дела по делам, подследственным следователям, что исключит возможность самостоятельного принятия решений дознавателями по таким преступлениям и приведет к более четкому распределению полномочий между органами предварительного расследования.

Вместе с тем, в целях устранения нормативных несоответствий необходимо расширение перечня субъектов, уполномоченных проводить предварительную проверку сообщений о преступлении, путем включения в него начальника органа дознания, а также законодательное закрепление в ст. 144 и ст. 145 УПК РФ полномочий начальника подразделения дознания на проведение проверки сообщений и принятие процессуальных решений.

В целях устранения правовой неопределенности также представляется целесообразным закрепление в УПК РФ определения должностного лица органа дознания, что позволит четко определить его полномочия и исключить правоприменительные коллизии.

Наконец, важнейшим условием повышения эффективности деятельности органов дознания является соблюдение сроков рассмотрения сообщений о преступлениях, что требует разработки механизма контроля за необоснованным продлением сроков проверки, который должен заключаться в согласовании ходатайства о продлении сроков проверки с руководителем подразделения дознания, а также введения мер неотвратимости дисциплинарной ответственности за несоблюдение процессуальных сроков. Все указанные меры направлены на создание более эффективной и прозрачной системы предварительного расследования, обеспечивающей баланс между необходимостью оперативного реагирования на преступления и соблюдением прав участников уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Л. А. Полномочия сотрудников органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 228.
2. Москвина Д. Р. Компетенция полицейского органа дознания в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. – 2024. – № 3 (89). – С. 38.
3. Колесникова Е. Е. Пределы компетенции органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 10(61). – С. 614.
4. Дядченко А. А., Карпов А. А. Проблемы реализации полномочий по осуществлению процессуального контроля начальником подразделения дознания // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2023. – № 4. – С. 198.
5. Гирько С. И. Унификация процессуальной формы досудебного производства - ускоренное дознание: современное состояние и перспективы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2019. – № 4. – С. 18.
6. Сretenская А. Г. Эффективность деятельности органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Спутник высшей школы. – 2024. – № 4(19). – С. 230.
7. Даниленко И. А., Косогов М. С. Полномочия органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. – 2024. – № 4. – С. 183.

Курсант Воронежского института МВД России

О. А. Карянова

Научный руководитель: У. Н. Ахмедов,

кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В настоящее время прослеживается сокращение влияния со стороны правоохранительных и государственных органов на различные виды преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних или с их участием. Наше общество сталкивается с девиантным поведением подростков.

В связи с этим активно развивается ювенальное право, международно-правовые акты, которые гарантируют права и законные интересы несовершеннолетних. Анализируя вышеупомянутые отрасли, можно проследить, что в каждой из них отдельная роль отведена преступлениям, уголовной ответственности и возможным наказаниям несовершеннолетних, поскольку это является весьма острой проблемой во многих странах, в том числе и России.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России «несовершеннолетние» – это лица, которые к моменту совершения противоправного действия (преступления) не достигли возраста 18 лет. Этой дефиниции придерживается и уголовно-процессуальное законодательство Беларуси. В УПК Кыргызской Республики эта категория лиц определяется как «дети, находящиеся в конфликте с законом».

Рассматриваемое понятие имеет особо важное значение, так как для указанной категории лиц предусмотрены особенности и различные ограничения судебного разбирательства, уголовного преследования, применения мер юридического характера и т.д. Обусловлено это рядом особых прав, которыми обладают несовершеннолетние, в отношении которых ведётся уголовное судопроизводство, а также тем, что им требуется большая защита со стороны государства.

Несовершеннолетние являются специфическим субъектом, необходимо устанавливать ряд обязательных обстоятельств при расследовании и раскрытии преступлений. Статья 421 УПК РФ и статья 531 УПК Республики Казахстан обязует следователей выяснять следующие обстоятельства:

1. Полная дата рождения несовершеннолетнего (число, месяц, год).
2. Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности.
3. Влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

Также при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних применяются не только основные принципы уголовного судопроизводства, освещённые в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), а также главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики

Узбекистан, но и специфичные принципы уголовного преследования, которые основаны на возрасте и психологических особенностях несовершеннолетних. К примеру, принцип приоритета воспитательного воздействия, главной целью которого является восстановление несовершеннолетнего в обществе и предотвращение рецидива.

В 2013 году в УПК РФ были внесены изменения, касающиеся особенностей производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Такие изменения были внесены Федеральным законом № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» от 28.12.2013 г. Ст. 191 УПК РФ закрепляет производство таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний на месте с участием несовершеннолетних. В данных следственных действиях главной особенностью выступает способ получения информации от несовершеннолетнего гражданина, а именно – вербальный. Такие особенности закреплены в целях повышения уровня реализации гарантий несовершеннолетних в ходе производства указанных следственных действий.

К таким гарантиям относятся:

- 1) производство следственного действия с обязательным участием педагога или психолога;
- 2) время непрерывного производства следственных действий в отношении несовершеннолетних сокращается;
- 3) использование технических средств – видеозаписи или киносъемки, в общем порядке.

Таким образом, можно сделать вывод, что в российское уголовно-процессуальное законодательство, а также законодательство зарубежных стран на протяжении всего времени вносятся какие-либо изменения, касающиеся производства по делам несовершеннолетних в том числе. Также отечественное законодательство обеспечивает защиту прав и свобод как всего населения, так и несовершеннолетних в частности, а также устанавливает повышенные гарантии несовершеннолетних при участии в отдельных следственных действиях и уголовном судопроизводстве в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астемирова М. А. Эволюция института освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский следователь. – 2016. – № 12. – С. 56.
2. Батыщева И. В. Особенности тактики отдельных следственных действий по делам вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. – № 24. – С. 78.
3. Перякина М. П. Международные основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1. – С. 159.

**Курсант Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
В. И. Кириллова
Научный руководитель: Л. В. Кокорева,
кандидат юридических наук, доцент**

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ МИГРАНТОВ В СТРАНАХ СНГ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В настоящее время проблема преступности среди иностранных граждан и мигрантов вызывает значительный общественный и государственный интерес, что связано с активным обсуждением взаимосвязи миграционных процессов и уровня правонарушений, преступлений [8; 9, с. 4]. Современный мир характеризуется глубокой взаимозависимостью государств, которые не могут развиваться в условиях полной изоляции. Экономические, социальные, политические, культурные и научные связи формируют единое пространство взаимодействия, способствуя интенсивному обмену ресурсами, технологиями и информацией. Это стимулирует рост миграционных потоков, чьи участники руководствуются разнообразными целями, включая, в отдельных случаях, вовлечение в противоправную деятельность. Отметим, что международная организация по миграции прогнозирует, что к 2050 году численность международных мигрантов может достичь 321 млн человек [10].

Преступность иностранных граждан выделяется в криминологии как отдельный объект исследования, поскольку ее специфика обусловлена необходимостью наличия специального субъекта – лица, не являющегося гражданином страны. Согласно российскому законодательству, к данной категории относятся лица, имеющие гражданство другого государства или не обладающие гражданством вовсе. При этом в научном дискурсе преступность мигрантов рассматривается как совокупность всех правонарушений, совершенных данной группой, с учетом их социального положения и особенностей адаптации в принимающем обществе.

Ученые отмечают, что миграция, понимаемая как перемещение людей через границы территорий с изменением места жительства, все чаще сопровождается кризисными явлениями – экономическими, политическими или социальными. Эти факторы формируют новые вызовы, влияя на криминологические аспекты миграции. Важной характеристикой преступности иностранцев остается ее латентность: статистика фиксирует такие случаи лишь после раскрытия правонарушения и установления личности преступника.

Согласно данным МВД России [11; 12] за 2024 год, наблюдается снижение числа преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, на 0,9%, а количество привлеченных к ответственности уменьшилось на 3,8%. Их доля в общем массиве расследованных

преступлений составила 4,3%. Отмечено сокращение тяжких и особо тяжких преступлений: на 6,7% уменьшилось число убийств и покушений, на 6,2% – преступлений против собственности, на 12,3% – связанных с незаконным оборотом наркотиков. Эти тенденции свидетельствуют о динамике, требующей дальнейшего анализа и адаптации мер профилактики с учетом глобальных миграционных процессов.

При этом уровень преступности среди мигрантов в регионах России отличается значительной вариативностью, что напрямую связано с интенсивностью миграционных потоков, наиболее высокой в крупных городах. Особую озабоченность вызывает криминализация миграционных процессов, когда пересечение границы происходит с нарушением законодательства или под прикрытием легальных целей, но с намерением заниматься преступной деятельностью. Для преступности мигрантов в России характерен так называемый этнопрофессионализм – систематическое занятие противоправными действиями как основным источником дохода, что предполагает специализацию в криминальных навыках и интеграцию в соответствующую субкультуру.

Личность преступника-мигранта в юридической науке определяется через сочетание социально-психологических черт, демографических особенностей и ситуативных факторов, провоцирующих правонарушения. Исследователи, такие как И. Е. Нежибецкая и А. А. Шугаев [13], выделяют группы мигрантов-преступников, включая граждан с постоянным местом жительства, лиц без гражданства и тех, кто ведет маргинальный образ жизни. Ключевой причиной преступности среди незаконных мигрантов считается деформация правосознания – искажение восприятия правовых норм, ведущее к противоправным действиям.

В научных публикациях также отмечает влияние менталитета на девиантное поведение: уровень взаимной толерантности между мигрантами и местным населением, обусловленный культурными различиями, способен усиливать конфликты и правонарушения. Детерминанты преступности мигрантов формируются на трех уровнях: предмиграционные условия, обстоятельства, стимулирующие переселение, и факторы адаптации в новом обществе. Среди характеристик преступников-мигрантов выделяются маргинальность, отсутствие постоянного дохода, частая смена места жительства и связь с этническими группировками.

Бесспорно, миграционная преступность порождает ряд социальных рисков: угрозы безопасности населения из-за конкуренции на рынках труда и жилья, межнациональную напряженность, рост ксенофобии, экстремизма и даже террористические угрозы, связанные с проникновением боевиков через миграционные каналы. Считаем, что для противодействия этим вызовам требуется комплексная государственная политика, включающая совершенствование миграционного учета, контроль за деятельностью диаспор, правовое просвещение иностранцев через информационные материалы,

создание центров поддержки с юридической и социальной помощью, ужесточение законодательства в сфере пребывания мигрантов, а также организацию системного трудоустройства через региональные центры занятости. Эти меры направлены на снижение криминальных рисков и укрепление национальной безопасности.

Проведенный анализ проблемы преступности среди иностранных граждан и мигрантов демонстрирует ее высокую социальную и криминологическую значимость в условиях глобализации. Несмотря на наблюдаемое снижение отдельных категорий преступлений, включая тяжкие и особо тяжкие, проблема сохраняет актуальность из-за латентности преступлений, специфики миграционных процессов и их взаимосвязи с криминальными рисками.

Ключевой особенностью преступности мигрантов является ее структурная сложность, обусловленная этнопрофессионализмом, деформацией правосознания, а также социально-экономическими и культурными факторами. Личность преступника-мигранта формируется под влиянием маргинализации, отсутствия стабильности и интеграции в принимающее общество, что усугубляется межнациональной напряженностью и ксенофобией.

Миграционная преступность порождает системные угрозы: от роста экстремизма до рисков террористической деятельности. Противодействие этим вызовам требует комплексного подхода, сочетающего ужесточение миграционного законодательства, совершенствование правового просвещения, поддержку адаптации мигрантов и усиление контроля за криминогенными группами.

В заключение отметим, что преступность среди мигрантов – серьезная проблема среди стран всего мира, в том числе стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Причины миграционных преступлений многогранны, а их последствия наносят существенный вред общественному порядку и безопасности конкретного государства. Результаты анализа статистических данных МВД России указывают на позитивную динамику в сфере миграционных преступлений, однако устойчивое снижение преступности возможно лишь при условии реализации сбалансированной государственной политики, учитывающей как профилактические меры, так и социально-экономическую интеграцию мигрантов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубление понимания детерминант преступности в условиях трансформации миграционных потоков и разработку превентивных стратегий, адаптированных к региональным особенностям. В конечном итоге эффективное управление миграционными процессами станет ключевым фактором обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
5. О миграции населения : Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (дата обращения: 20.04.2025).
6. О внешней миграции : Закон Кыргызской Республики от 17.07.2000 № 61. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/350/edition/1273106/ru> (дата обращения: 20.04.2025).
7. О внешней трудовой миграции : Закон Республики Беларусь от 30.12.2010 № 225-З. – URL: <https://mvd.gov.by/uploads/dgim/225.pdf> (дата обращения: 20.04.2025).
8. Особенности расследования преступлений, связанных с организацией незаконной миграции : учебное пособие / Под ред. А. В. Мироновой. – Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2019. – 96 с.
9. Процессуальное оформление следственных действий и решений по уголовным делам о преступлениях в области миграции: образцы процессуальных документов : учебное пособие / Л. В. Кокорева. – Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. – 118 с.
10. ООН: число мигрантов в мире к 2050 г. превысит 320 млн человек. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3268763> (дата обращения: 29.04.2025).
11. МВД России отмечает снижение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации за 2024 г. – URL: <https://мвд.рф/news/item/58545520> (дата обращения: 29.04.2025).
12. МВД отметило сокращение в 2024 году числа получивших гражданство России почти на 45%. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1016802> (дата обращения: 29.04.2025).
13. Нежибецкая И. Е., Шугаев А. А. О некоторых проблемных аспектах предупреждения преступлений мигрантов в России // Гражданские право. – URL: <https://base.garant.ru/5245848/> (дата обращения: 20.04.2025).

**Курсант Луганского филиала
Воронежского института МВД России
Э. А. Мальцева
Научный руководитель: А. И. Черенкова**

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФУНДАМЕНТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Конституция Российской Федерации гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. Действительно, действующий Основной Закон уделяет правовому положению личности особое внимание, в частности, когда речь о нарушении ее интересов, особенно посредством совершения преступлений. Именно поэтому наше правовое государство ставит перед собой цель – увеличить раскрываемость преступлений. Однако в данной ситуации важно соблюдение баланса между интересами гражданина и государства в процессе расследования и раскрытия преступлений.

Поэтому в Конституции России закреплены фундаментальные принципы уголовного судопроизводства. Именно данные конституционные смыслы представляют уголовную политику, проводимую государством. В данной ситуации важно обратить внимание на то, что в 1993 году Конституция России начинала новый исторический этап своего развития, транслируя некоторые новеллы в юриспруденции, том числе и в сфере уголовных правоотношений.

Рассмотрим некоторые из них.

Так, в Конституции России на смену «прокурорскому санкционированию» (существовавшему в СССР [2]) пришел институт судебного разрешения для реализации некоторых уголовно-процессуальных действий. Например, для заключения лица под стражу в настоящее время необходимо согласие суда, а не контрольно-надзорной ветви власти в лице прокуратуры. Аналогичная ситуация обстоит с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища. Перечисленные конституционные нормы нашли свое закрепление и в Уголовно-процессуальном кодексе [3], чем вызвали очень неоднозначную реакцию общества правоведов. Неоднозначность эта обусловлена прежде всего изменением баланса сил между различными ветвями власти в сфере уголовного судопроизводства. С одной стороны, усиление судебного контроля расценивается как важный шаг на пути к обеспечению прав и свобод граждан, защите от произвола и необоснованного вмешательства в их частную жизнь. Суд, будучи независимым и беспристрастным арбитром, призван объективно оценивать обоснованность

ходатайств следствия об ограничении конституционных прав, не допуская злоупотреблений. С другой стороны, это существенно затруднило и замедлило процесс расследования преступлений. Получение судебного разрешения требует времени и усилий, что может негативно сказаться на оперативности следственных действий, особенно в случаях, требующих немедленного реагирования. Кроме того, высказываются опасения относительно возможности судей и их способности адекватно в дальнейшем оценивать дело при вынесении приговора, после того уже неоднократно суд автоматически выступал на стороне обвинения, заключая лицо под стражу или ограничивая его иные личные права и свободы.

Помимо перечисленного, Конституция закрепляет такие принципы, как презумпция невиновности, право граждан на участие в отправлении правосудия (суд присяжных), право на получение квалифицированной юридической помощи, право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Отдельное внимание стоит обратить на тот факт, что перечисленные конституционно-правовые гарантии находятся во второй главе Конституции. Данная глава по своей правовой природе является «жесткой», то есть внесение изменений в ее содержание возможно путем принятия нового текста Конституции, разработанного Конституционным Собранием (его правовой статус законодательно до сих пор не установлен). «Жесткость» Конституции защищает права и свободы от политических злоупотреблений, обеспечивая предсказуемость и стабильность. Однако чрезмерная «жесткость» может препятствовать адаптации уголовного законодательства к новым вызовам, таким как новые преступления, развитие технологий и трансформация ценностей. Это приводит к отставанию законодательства от реалий жизни, его неэффективности и подрыву доверия к правовой системе. Поиск баланса между стабильностью и гибкостью конституционных норм является ключевым для защиты прав граждан и поддержания правопорядка.

Однако поправки к Конституции 2020 года продемонстрировали, что в настоящее время нормы Основного Закона находятся в динамичном развитии, поэтому не исключено, что в скором времени они затронут и фундаментальные основы уголовно-процессуального законодательства. К тому же денонсация некоторых международных договоров таких как Конвенция о защите прав человека и основных свобод [4] перестала ограничивать законодательство России необходимостью соблюдения обусловленных стандартов.

Подводя итоги, хотелось бы сказать следующее. Конституционно-правовые гарантии являются важнейшим атрибутом уголовного судопроизводства. Однако некоторые положения требуют пересмотра и дальнейшего совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.

2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Ведомости Верховного Совета СССР от 7.10.1977 г. – № 41 – ст. 617.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ от 2001 г. – № 52. – Ст. 4921.

4. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // СЗ РФ от 2023 г. – № 10. – Ст. 1566.

**ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Участие специалиста в досудебных стадиях уголовного процесса, регламентированное ст. 58 УПК РФ, призвано обеспечить использование специальных знаний для повышения объективности и состязательности судопроизводства. Однако действующее законодательство содержит ряд пробелов, которые негативно влияют на практику. На стадии возбуждения уголовного дела специалист выполняет вспомогательные функции, такие как содействие в изъятии электронных носителей (ст. 164.1 УПК РФ) или осмотре места происшествия, однако его роль ограничена. Ключевой проблемой является невозможность получения заключения специалиста по инициативе стороны защиты, в отличие от эксперта, что нарушает принцип равноправия сторон. Законодатель не определяет момент приобретения специалистом процессуального статуса, порядок его оформления, а также необходимость предупреждения об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307–308 УК РФ). Например, вовлечение специалиста в уже начатое следственное действие требует дополнительных законодательных уточнений, таких как фиксация данных о нем в протоколе или оформление отдельного документа. Кроме того, инициатива привлечения специалиста принадлежит исключительно стороне обвинения (ст. 144 УПК РФ), что создает дисбаланс в возможностях доказывания. Как отмечает Е. В. Елагина, формальное отсутствие процессуальных сторон на этапе проверки сообщения о преступлении лишает защиту права формулировать вопросы специалисту, что противоречит цели состязательности [1].

На стадии предварительного расследования специалист привлекается для обеспечения прав участников процесса, например, при допросе несовершеннолетних (ст. 191 УПК РФ), или проведении следственных действий, таких как обыск или осмотр. Однако здесь возникают противоречия. Во-первых, заключение специалиста, в отличие от экспертного, не заменяет судебную экспертизу (ст. 196 УПК РФ), но на практике используется для оценки выводов экспертов [2]. Верховный Суд РФ допускает такой подход, однако отсутствие четкой регламентации порядка допроса специалиста в суде приводит к смешению его статуса со свидетелем. Во-вторых, доказательственное значение заключения специалиста остается неопределенным из-за отсутствия требований к применению исследовательских методик, что снижает его достоверность. Например, в делах о наркотиках (ст. 228.1 УК РФ) акты медицинского освидетельствования часто оформляются без

соблюдения единого стандарта, что вызывает сомнения в их объективности. В-третьих, судебная практика демонстрирует противоречия: так, отсутствие педагога при допросе несовершеннолетнего может стать основанием для возврата дела прокурору, однако в аналогичных ситуациях иные суды игнорируют это нарушение.

Для устранения указанных проблем необходимы системные изменения законодательства. Во-первых, требуется расширить правовой статус специалиста, закрепив в ст. 58 УПК РФ его право давать заключения на всех досудебных стадиях, включая возбуждение дела, по ходатайству защиты. Это позволит уравнивать возможности сторон в использовании специальных знаний. Во-вторых, необходимо унифицировать процессуальные правила: ввести в УПК РФ стандартизированную форму заключения специалиста с обязательным указанием методов работы (аналогично ст. 204 УПК РФ для экспертиз) и предусмотреть предупреждение об ответственности по ст. 307 УК РФ при его составлении [3]. В-третьих, целесообразно сблизить терминологию, заменив в УПК РФ узкие термины («педагог», «врач») на общее понятие «специалист» с указанием профиля (например, «специалист-медик»), что устранил путаницу в статусах. Например, внесение в ст. 178 УПК РФ (осмотр трупа, эксгумация) указания на участие «специалиста в области судебной медицины» вместо «врача» повысит точность правового регулирования.

Реализация этих мер позволит усилить роль специалиста как инструмента обеспечения состязательности, устранить дисбаланс в доказывании и повысить доверие к результатам следственных действий. Так, дополнение ст. 144 УПК РФ отсылкой к порядку привлечения специалиста (по аналогии со ст. 271 УПК РФ) снизит риски процедурных нарушений.

Таким образом, совершенствование института специалиста требует комплексного подхода, направленного на гармонизацию законодательства и судебной практики, что в конечном итоге будет способствовать реализации целей уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елагина Е. В. Заключение специалиста: некоторые проблемы формирования и использования // Криминалисть. – 2016. – № 2 (19). – С. 44–49.
2. Липявкина В. В. Особенности участия специалиста в уголовном судопроизводстве // Актуальные исследования. – 2025. – №. 7 (242). – С. 40–43.
3. Шульц В. Л. Особенности процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве // Криминалисть. – 2024. – №. 2. – С. 151–156.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИИ: ДЕФЕКТЫ ПРАВОВОГО ГАРАНТИРОВАНИЯ

Процессуальная самостоятельность следователя, безусловно, входит в число фундаментальных основ уголовного судопроизводства. На первый взгляд, этот принцип воспринимается в качестве аксиомы, однако, при более детальном анализе действующего законодательства России можно обнаружить ряд процессуальных дефектов в контексте его гарантирования.

Впервые процессуальная самостоятельность следователя была сформулирована в Основах уголовного судопроизводства 1958 года [1]. В настоящее же время в действующем законодательстве не закреплена такая категория как «процессуальная самостоятельность следователя» в качестве основополагающего принципа его деятельности, поэтому вести речь о её наличии мы можем исключительно из производных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Так, в соответствии с упомянутым нормативным правовым актом следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции осуществлять предварительное следствие по уголовному делу [2]. Можем предположить, что процессуальная самостоятельность следователя выражается в праве самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

Однако на данном этапе мы можем столкнуться со следующими проблемами, так как реализация большинства процессуальных действий, действительно, допускается исключительно с согласия суда, а прокурор и руководитель следственного органа в пределах своей компетенции имеют право отрицательно реагировать, если деятельность следователя на их взгляд выходит за рамки законности. Например, прокурор согласно пункту 3 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уполномочен требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия, а в соответствии с частью 1 статьи 39 того же нормативного правового акта руководитель следственного органа «уполномочен отменять незаконные или необоснованные постановления следователя и нижестоящего руководителя следственного органа» и др. То есть в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством решения следователя могут быть обжалованы руководителю следственного органа,

прокурору или же в суд [2]. Таким образом, три субъекта уголовного процесса (суд, прокурор, руководитель следственного органа) вправе признавать решение следователя незаконным, тем самым отменяя его. Хочется сделать акцент на том, что это является значительным ограничением самостоятельности следователя, которую мы привыкли считать константной расследования.

Безусловно, уголовно-процессуальное законодательство позволяет следователю отстаивать процессуальное решение, которое принято им по делу, тем самым обеспечивая определенную степень независимости. Так, законодательство предоставляет право следователю обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке решения прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, а часть 3 статьи 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепляет право следователя обжаловать указания руководителя следственного органа руководителю вышестоящего следственного органа. Однако относительно последнего процессуального права возникают также сомнения, поскольку обжалование решения своего непосредственного начальника может породить определенные риски для личности, а также конфликт интересов.

Следовательно, система такой подчиненности формирует зависимое положение от многих органов. На наш взгляд, модель выполнения контрольно-надзорных функций со стороны суда является в какой-то степени неоправданной конкретно в рамках российского законодательства. За рубежом данная система выглядит несколько иначе ввиду различия процедуры предварительного следствия, где роль следователя выполняет следственный судья, а его деятельность контролируется прокуратурой [3]. Но все-таки остальные собственные решения должностное лицо принимает единолично и несет за них персональную ответственность.

Таким образом, можем сделать следующие выводы относительно проведенного исследования. Процессуальная самостоятельность следователя является важным фактором, способствующим обеспечению справедливости в уголовном процессе.

Однако в настоящее время следователь ограничен в контексте принятия самостоятельных решений и, в большей степени, является техническим исполнителем, а не квалифицированным юристом. Мы предлагаем исключить судебное санкционирование в качестве одной из форм контроля, а также сделать возможным принятия со стороны следователя решений без императивного согласования с соответствующими инстанциями. Это позволило бы повысить уровень профессионализма следователя, а также сделать его деятельность более мобильной.

Перспективы развития этой темы требуют комплексного подхода, включающего как изменения в законодательстве, так и повышение профессионального уровня работников следственных органов. Уважение к независимости следователя является необходимым условием для достижения правосудия и защиты прав граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (с изменениями на 12.06.90) (не действует с 01.07.2002 на основании Федерального Закона РФ от 18.12.2001 № 177-ФЗ) // Ведомости Верховного Совета СССР, № 1, 1959 год, Свод законов СССР. – 1990. – Т. 10. – С. 577.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 2001 г. – № 52. – Ст. 4921.
3. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных стран: Англия и Уэльс, Германия и Франция : учебное пособие / Федеральное агентство по образованию, Сибирский федеральный ун-т, Юридический ин-т. - Красноярск : ИПК СФУ, 2008. – 139 с.

Курсант Воронежского института МВД России

А. В. Пряников

Научный руководитель: П. Г. Смагин

**О ПЕРСПЕКТИВАХ ВНЕДРЕНИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Информационная технологизация общества проникла практически во все сферы общественной жизни: медицину, образование, спорт, науку и т.д. Стоит отметить, что некоторая информация стала уязвимой и недостаточно защищенной. Процесс информатизации не прошел мимо правоохранительной системы, а в частности – деятельности следственных подразделений органов внутренних дел.

В январе-декабре 2024 года зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, или на 1,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 28 субъектах Российской Федерации, снижение – в 57 субъектах (снизилось на 0,4%). Отметим, что четыре преступления из пяти (84,8%) совершаются с использованием сети Интернет [1].

На данный момент представляется актуальным внедрение систем искусственного интеллекта (далее – систем ИИ) в деятельность следственных подразделений органов внутренних дел. Стоит выделить самый перспективный проект – система ИИ «Клон». Главной задачей этой системы ИИ является проверка подлинности изображений, видеозаписей [2]. Данная система будет очень полезна для выявления фальсификаций и манипуляций с визуальными материалами, которые в соответствии со ст. 74 УПК РФ являются доказательствами. Говоря об использовании данной системы в следственной практике, стоит отметить, что ее функции могут значительно оптимизировать деятельность следственных подразделений в производстве предварительного расследования.

Внедрение в деятельность следственных подразделений органов внутренних дел систем искусственного интеллекта также имеет определенные правовые проблемные аспекты. Дело в том, что законодательное определение данного явления отсутствует в нашей стране, что можно выделить в качестве первой проблемы в области правового регулирования технологий искусственного интеллекта. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. искусственный интеллект назван в числе основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий [3]. Однако, хотя системы искусственного интеллекта уже используются во многих областях общественной жизни, законодатель до сих пор не предпринял никаких попыток закрепить

внедрение систем ИИ на правовом уровне, что ставит под вопрос законность внедрения данных систем не только в ОВД, но и в других областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступность и правонарушения. Статистический сборник за 2019–2024 гг. ФГКУ ГИАЦ МВД России. – Москва, 2024.

2. Полиция будущего. – URL: <http://ipa-russia.org/wp-content/uploads/2019/08/Полиция-будущего.pdf>. (дата обращения: 09.07.2025)

3. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 2017. – 10 мая.

Курсант Воронежского института МВД России

И. А. Решетников

Научный руководитель: А. И. Гайдин,

кандидат юридических наук, доцент

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Судебная экспертиза играет ключевую роль в отправлении правосудия, что особо проявляется на сегодняшний день, ввиду активного развития компьютерных и информационных технологий. Однако в современной России, несмотря на высокий уровень технологического прогресса, существуют правовые пробелы и организационные вопросы, связанные с использованием компьютерных технологий в экспертизах, чему в настоящей статье уделяется особое внимание.

В контексте правовой сферы судебная экспертиза определяется через призму статьи 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1], где она описывается как процессуальное действие, включающее в себя проведение экспертом исследовательской работы и подготовку заключения по вопросам, требующим наличия специализированных знаний в определенной области.

С научной точки зрения судебная экспертиза рассматривается как исследовательская деятельность, осуществляемая экспертом на основе глубоких специализированных знаний, которые необходимы для анализа и оценки обстоятельств, связанных с предметом экспертизы.

В соответствии с положениями ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], в п. 2 данного нормативного правового акта дается следующее определение информационных технологий: это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, а также способы реализации указанных процессов и методов. Однако в научной литературе наблюдается тенденция к сокращению объема понятия «информационные технологии» путем отождествления его с «цифровыми технологиями» или «программными средствами», что, по нашему мнению, не находит должного обоснования.

В контексте применения информационных технологий в сфере судебно-экспертной деятельности возникает значимая проблема, заключающаяся в отсутствии унифицированной терминологической базы.

В настоящее время практически ни одно судебно-экспертное исследование, выполняемое как государственными, так и частными экспертными организациями, не обходится без применения современных цифровых

технологий, что свидетельствует об их неотъемлемой роли в обеспечении качества и надежности экспертных заключений.

Одним из принципов осуществления судебно-экспертной деятельности является принцип применения передовых достижений научно-технического прогресса. Его реализацию возможно проследить через использование Лабораторной информационной системы управления (LIMS) [3], направленной на повышение эффективности судебного производства, снижение влияния субъективных факторов на исход судебно-экспертной деятельности и сокращение временных рамок проведения судебных исследований и экспертиз.

В современных условиях интеграция информационных технологий в судебно-экспертную деятельность становится необходимым условием повышения качества и эффективности экспертных исследований.

Внедрение инноваций в экспертную деятельность происходит по двум направлениям. Первое направление использует достижения в математике, инженерии и естественных науках, а также адаптирует цифровые технологии для судебно-экспертных задач. Второе направление формализует знания в криминалистике и судебной экспертизе, выделяет ключевые элементы и разрабатывает специализированные системы на их основе.

Применение таких технологий, как Лабораторная информационная система управления (ЛИМС), позволяет оптимизировать процессы поиска, сбора, хранения и обработки данных, что в свою очередь способствует уменьшению влияния субъективных факторов, снижению временных затрат и повышению достоверности результатов экспертиз.

Перспективы развития судебно-экспертной деятельности связаны с дальнейшим внедрением современных информационных технологий, что позволит не только повысить эффективность работы лабораторий, но и улучшить качество экспертных заключений, гарантируя при этом безопасность и защиту информации.

Практика судебно-экспертных исследований цифровых данных сталкивается с рядом проблем.

Основные из них:

Технологические проблемы, связанные с развитием цифровых технологий, усложняющих исследование и анализ аппаратных и программных средств.

Правовые проблемы: отсутствие нормативных требований к квалификации эксперта в области КТЭ, отсутствие руководящих инструкций, методик по порядку производства КТЭ экспертными учреждениями.

Организационные: увеличение негосударственных экспертных организаций, которые, позиционируя себя в качестве квалифицированных специалистов в сфере судебных компьютерных технических экспертиз (КТЭ), зачастую не обладают соответствующим уровнем [4].

Таким образом, информационные технологии оптимизируют экспертную практику и повышают достоверность результатов, но требуют адаптации методик и совершенствования законодательства из-за правовых и организационных вызовов. Также важно учитывать этические аспекты при работе с образцами, соблюдая баланс между правами человека и принципами правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
3. Идзиковский В. И. Горшкова Е. А. ЛИМС – автоматизированная система управления для лаборатории, или нечто большее? // Современная лабораторная практика. – 2012. – № 3 (19). – С. 10–24.
4. Камалова Г. Г. Состояние и перспективы компьютеризации судебной экспертизы // Информационные технологии в науке, образовании и производстве (ИТНОП-2018). VII Междунар. науч.-техн. конф. : сборник трудов конференции. – Белгород, 2018. – С. 254–258.

Слушатель Воронежского института МВД России

Д. В. Савенкова

Научный руководитель: Н. Ю. Дутов,

кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ДОПРОСА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Производство допроса достаточно подробно урегулировано действующим Российским законодательством, однако отдельные вопросы, приводящие к процессуальным ошибкам, остаются нерешенными, вызывают затруднения в правоприменительной практике.

Одна из проблем, которую необходимо осветить, связана с применением систем видео-конференц-связи на досудебной стадии в ходе допроса и вытекает из определения времени производства данного следственного действия.

В соответствии с нормами части 3 статьи 189.1 УПК РФ, фиксация временных параметров в протоколе следственного действия требует двойной локализации – как по месту его оформления, так и по месту нахождения допрашиваемого лица. В рамках одного часового пояса данное требование не порождает существенных сложностей. Однако в условиях трансграничных процессуальных действий, когда участники находятся в регионах с выраженной временной разницей (до 11 часовых зон на территории РФ), возникает правоприменительная коллизия. Она связана с необходимостью соблюдения части 3 статьи 164 УПК РФ, запрещающей проведение допросов в ночной период (с 22:00 до 6:00 по местному времени).

Актуальность обозначенной проблемы обусловлена отсутствием прямых механизмов разрешения указанного противоречия в действующей редакции статьи 189.1 УПК РФ. В научной дискуссии Х. Х. Рамалданов [1] предлагает компенсировать данный пробел путём получения электронного заверенного согласия участника процесса (с использованием ЭЦП) при необходимости проведения допроса в ночные часы. При этом авторская позиция предполагает определение временного регламента следственного действия исключительно по часовому поясу инициатора допроса (следователя/дознателя), требуя от противоположной стороны лишь формального согласования отклонения от стандартного временного режима.

Мы считаем, что искусственное «привязывание» временного критерия к локализации одной из сторон создаёт асимметрию в обеспечении гарантий ст. 164 УПК РФ: если для инициатора допроса действие происходит в дневное время, то для допрашиваемого оно может приходиться на ночной период. Это противоречит смыслу законодательных ограничений, направленных на защиту прав участников процесса от чрезмерного вмешательства в

частную жизнь и обеспечения психофизиологической адекватности даваемых показаний. Таким образом, предложенный механизм не устраняет, а институционализирует коллизию, подменяя объективный временной критерий субъективным согласованием.

О. А. Теплякова, Б. Б. Бидова, Ю. В. Быстрова, А. А. Комоско предлагают определять дату и время допроса по месту нахождения допрашиваемого лица, поскольку следователь, в производстве которого находится уголовное дело, не должен получать согласие на проведение следственного действия в ночное время, в отличие от других участков [2, 3].

По мнению А. В. Савельева, проблема состоит в технической стороне вопроса, поскольку в настоящее время чаще всего у следователей отсутствует техническая возможность производства допроса путем использования видео-конференц-связи [4]. Тем не менее, законодатель предусмотрел возможность проведения отдельных следственных действий, в том числе допроса с использованием видео-конференц-связи, и это вполне оправданно. Для преодоления данной проблемы необходимо решить вопросы технического оснащения следственных органов необходимым оборудованием, а также провести надлежащее обучение сотрудников.

На наш взгляд, следует учитывать положения ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ, где содержится ссылка на необходимость соблюдения правил ст. 164 и главы 26 УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 164 УПК РФ, производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Следовательно, при допросе с использованием видео-конференц-связи ночным не должно быть время ни по месту допрашивающего, ни по месту нахождения допрашиваемого. Практически это можно организовать, если определить дату и время допроса так, чтобы разница во времени не превышала шести часов. Для более эффективного применения рассматриваемой нормы целесообразно внести в ст. 189.1 УПК РФ некоторые уточнения относительно обозначенного вопроса. Кроме того, в ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ, на наш взгляд, сделано излишнее указание на наличие технической возможности. Это было бы логичным, если бы следователь обязан был проводить допрос с использованием видео-конференц-связи. Однако это всего лишь право следователя, которое он может реализовать, исходя из конкретных обстоятельств и независимо от того, есть техническая возможность или ее нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рамалданов Х.Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1. – С. 121–128.

2. Теплякова О. А. Актуальные проблемы проведения допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи на досудебном

производстве // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. – Серия 2. Юридические науки. – 2023. – № 1 (36). – С. 33.

3. Проблемы проведения допроса путем использования систем видео-конференц-связи / Б. Б. Бидова, Ю. В. Быстрова, А. А. Комоско [и др.] // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 342–343.

4. Савельев А. В. Проведение следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи // Вопросы российской юстиции. – 2022. – Вып. 17. – С. 594.

Курсант Воронежского института МВД России

К. И. Савченко

Научный руководитель: У. Н. Ахмедов,

кандидат юридических наук, доцент

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ЭЛЕКТРОННЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Электронные носители информации по своей характеристике могут быть отнесены к разновидностям технических средств в уголовном судопроизводстве.

Некоторые исследователи обозначают ряд проблем, связанных с использованием электронных носителей информации:

- невозможность заблаговременного определения необходимости изъятия таких носителей;
- отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации четкого определения понятия «электронный носитель информации» [1];
- не вполне оправданное требование об обязательном участии специалиста исключительно в действиях, таких как обыск и изъятие, при этом не учитываются следственные мероприятия, такие как осмотр, наложение ареста на имущество и другие [3].

Вышеназванные проблемы вполне обоснованно выделены, так как не во всех ситуациях для того, чтобы изъять электронные носители требуется участие специалиста, так как следователь сам обладает достаточными специальными познаниями. Среди проблем в вопросах применения цифровых технологий при расследовании преступлений, по мнению В. Г. Гриба, И. О. Тюниса, следует выделить общие проблемы, к которым относятся организационные, правовые, и частные проблемы, к которым относятся научно-технические, методические, как элементы криминалистической техники [2]. Следовательно, можно утверждать, что если следователь, дознаватель обладают достаточными знаниями и навыками, используемыми в повседневной деятельности применительно к некоторым техническим средствам, то приглашение и участие специалистов при производстве различных процессуальных действий теряет свою актуальность, т.е. следователь, дознаватель сами могут применять эти технические средства, причем УПК РФ в целом допускает такое и регламентирует частично.

В качестве иллюстрации из практики судебных разбирательств можно рассмотреть следующий случай. Защитник на слушании выдвинул ходатайство о признании протокола обыска недопустимым доказательством, утверждая, что он был составлен с серьезными нарушениями УПК РФ (статья 182), так как в нем отсутствовала запись об участии специалиста в момент изъятия электронных устройств. Суд отметил, что «для изъятия ноутбука,

телефонов и системного блока без жесткого диска специальных познаний не требуется, в связи с чем специалист при производстве обыска не участвовал, а протокол обыска является допустимым доказательством» [4]. В этом случае, полагаем, решение суда было вполне обоснованным и законным.

Необходимо регламентировать участие специалиста при производстве процессуальных действий в зависимости от усмотрения следователя, дознавателя, которые производят выемку или обыск. Электронные носители информации, как технические средства, могут выступать в двух формах. Первая, когда электронный носитель информации выступает средством совершения преступления или предметом преступления. В этом случае они являются непосредственно доказательствами по уголовному делу и обладают самостоятельным значением доказательственного характера. А вторая, когда электронные носители информации являются непосредственно носителем сведений (информации) и выступают средством обеспечения производства процессуальных действий, т.е. фиксируют необходимые сведения, передают их или воспроизводят в уголовном судопроизводстве. В УПК РФ отсутствует конкретное определение для электронных носителей информации. Ю. Н. Соколов описывает электронные носители как «юридически неопределенное понятие» [5]. Согласно ГОСТ, электронный носитель информации представляет собой материальный объект, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью вычислительных технологий. На наш взгляд, уместно говорить об электронном носителе сведений. В УПК РФ нет термина информация; вместо этого используется понятие сведения (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Можно утверждать, что электронные носители информации, как технические устройства, обладают рядом характерных особенностей:

- это материальный объект, созданный человеком;
- предназначены для хранения или записи электронной информации;
- используют программное обеспечение для функционирования;
- способны многократно сохранять, изменять и воспроизводить записанные данные;
- имеют ограничения по допустимому объему встроенной памяти;
- обладают возможностью передачи информации как с помощью контакта, так и без него, при этом сохраняя оригинальные данные.

Учитывая перечисленные характеристики, присущие электронным носителям информации, постараемся сформулировать их четкое определение. Мы считаем, что электронные носители информации представляют собой технические устройства, имеющие определенный объем внутренней памяти, которые могут содержать или предназначены для записи электронной информации с последующей возможностью ее сохранения, редактирования или воспроизведения. Эти устройства также обладают функцией как контактной, так и бесконтактной передачи данных, при этом сохраняется полнота передаваемой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1).
2. Родивилина В. А. Технические средства в уголовном процессе // Уголовный процесс. – 2016. – С. 47–54.
3. Гриб В. Г., Тюнис И. О. Криминалистика и цифровые технологии // Российский следователь. 2019. – № 4. – С. 9–12.
4. Приговор № 1-299/2013 от 21.10.2013 Первомайского районного суда города Мурсанска Мурманской области Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 21.05.2025 г.).
5. Соколов Ю. Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе // Информационное право. – 2017. – № 3. – С. 22–26.

Курсант Воронежского института МВД России

С. А. Соловьева

Научный руководитель: Н. А. Моругина,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

В соответствии с УПК РФ иностранный гражданин, так же как и гражданин Российской Федерации (далее – РФ), имеет равнозначные права при осуществлении в отношении него уголовного судопроизводства, но с некоторыми особенностями ввиду его специфического правового статуса.

Именно об этом и пойдет речь в данной научной статье.

По итоговой оценке численности населения Федеральной службы государственной статистики РФ на территории РФ выявлено значительное увеличение случаев миграции.

Так, к примеру, по итогам 2024 года миграционный прирост в России составил 568,5 тыс. человек, по сравнению с 2023 годом – повысился в 2,8 раза, тогда как число прибывших насчитывало 203,6 тыс. человек [6].

И в данном случае стоит отметить, что количество преступлений, совершенных иностранными гражданами в 2024 году, увеличилось почти втрое по соотношению с показателями за 2023 год [3].

Российская Федерация, являясь участником ряда международных договоров, гарантирующих права человека, в том числе и право на справедливое судебное разбирательство в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, призывает к необходимости обеспечения законности и справедливости при расследовании данной категории уголовных дел и требует учета специфики УПК РФ и международных обязательств.

Так, прежде чем совершать какие-либо процессуальные действия с данной категорией лиц, сотрудникам правоохранительных органов необходимо уведомить консульство государства, жителем которого является иностранный гражданин, к примеру о факте его задержания или применении мер пресечения, связанного с ограничениями свободы передвижения. Консульство может оказать помощь своему гражданину, в том числе предоставить юридическую помощь (в лице защитника) в соответствии с Венской конвенцией о консульских сношениях 1967 года [1].

В настоящее время обращение в консульство о задержании или применении мер пресечения иностранного гражданина стало обычной практикой, что позволяет работникам консульства своевременно оказывать необходимую помощь своим гражданам. Но в случаях, если иностранный гражданин или лицо без гражданства разыскивается за совершение преступления в другом государстве, после его тщательной проверки, а также при наличии оснований, может быть принято решение об его экстрадиции.

Что же стоит понимать под термином экстрадиция?

В ст. 460 УПК РФ закреплено понятие «экстрадиция» как передача лица, в отношении которого ведётся уголовное преследование или которое осуждено за совершение преступления, государством, на территории которого оно находится, запрашивающему государству.

Однако данный термин многими учеными рассматривается немного иначе.

Так, А. В. Плотников придерживается мысли, что экстрадиция представляет собой передачу одной страной, где лицо обвиняется в совершении преступления, другому государству для привлечения его к уголовной ответственности или исполнения вынесенного ему приговора [8, с. 69–83].

А. С. Подшибякин считает, что экстрадиция должна рассматриваться в виде цели передачи лица, осуждённого или преследуемого в уголовном порядке в пределы подсудности одного государства из пределов подсудности другого в соответствии с актом международной судебной взаимопомощи по уголовным делам [9, с. 40].

Считаем, что более содержательней выглядит определение понятия экстрадиции предложенное В. М. Волженкиной, согласно которому экстрадиция это прежде всего *процедура*, согласно которой государство может запросить и получить лицо, которое скрывалось имея цель в дальнейшем привлечь к уголовной ответственности или для обеспечить исполнение приговора из страны под чьей уголовной юрисдикцией преследуется это лицо [2, с.183].

Следует учитывать, что если преступление совершено иностранным гражданином или лицом без гражданства на территории РФ, впоследствии оказавшимся за ее пределами, и невозможности производства процессуальных действий с его участием на территории страны, все материалы возбужденного и расследуемого уголовного дела передаются в Генеральную прокуратуру РФ, которая решает вопрос о их направлении в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования, на основании ст. 458 УПК РФ.

Напомним, что в отношении лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, действует особый порядок уголовного производства, включающий в себя несколько этапов:

1. Процессуальные действия в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ, производятся с согласия иностранного государства, на службе которого находится или находилось лицо, пользующееся иммунитетом, или международной организации, членом персонала которой оно является или являлось. Информация о том, пользуется ли соответствующее лицо иммунитетом и каков объем такого иммунитета, предоставляется Министерством иностранных дел РФ на основании ч. 2 ст. 3 УПК РФ.

2. При возбуждении уголовного дела наличие дипломатического иммунитета не является обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу в отношении иностранцев (ст. 24 УПК РФ). Поэтому уголовное дело может быть возбуждено при наличии признаков преступления соответствующей статьи УК РФ, если на момент совершения преступления имелись достаточные данные, указывающие на наличие такого иммунитета, [4, с. 124].

3. Прекращение уголовного дела в отношении иностранных граждан обычно производится либо за отсутствием состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 5 УПК РФ), либо в связи с изменением обстановки (ст. 6 УПК РФ) при выезде лица за пределы территории России [10].

Кроме того, считаем, что необходимо выделить уголовно-процессуальные некоторые особенности производства уголовного преследования в отношении «мигрантов»:

1. Обязательное участие переводчика

Важно, при предоставлении права на переводчика, чтобы данное лицо обладало не только лингвистическими знаниями, но и понимало юридическую терминологию и особенности уголовного процесса в соответствии с ч. 2 ст. 18 УПК РФ.

Так, если подсудимый не владеет языком, на котором осуществляется судопроизводство в соответствии с ч. 3 ст. 18 УПК РФ процессуальные документы должны быть переведены на понятный подозреваемому (обвиняемому) язык. Зачастую, разъяснение прав иностранным гражданам носит формальный характер, т.е. не всегда обеспечивается понимание ими своих прав и возможностей, особенно при отсутствии квалифицированного переводчика.

Приведем пример: из материалов определения Верховного Суда РФ от 10 декабря 2009 г. следует, что в период предварительного расследования уголовного дела постановление о привлечении П. в качестве обвиняемого не было переведено на ингушский язык и перевод указанного процессуального документа обвиняемому не был вручен, как позже пояснил в судебном заседании кассационной инстанции сам обвиняемый, ему понятно, что срок содержания его под стражей продлен, но не ясно, из чего при этом исходил суд и на чем основано такое решение суда, так как судебное заседание было проведено без переводчика, постановление о продлении срока содержания под стражей от 22 октября 2009 г. ему не было вручено в переводе на ингушский язык, что противоречит ст. 18 УПК РФ [7].

2. Установление личности иностранного гражданина или лица без гражданства, которое может быть затруднено из-за отсутствия у него документов, удостоверяющих личность, либо наличия подложных

В таких случаях необходимо проводить дополнительные мероприятия по установлению личности и направлять запросы в компетентные органы иностранных государств для подтверждения личности и гражданства.

3. Установление законности пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории РФ (наличие визы, разрешения на временное проживание, вида на жительство и т.д.).

Данная процедура имеет важную роль при избрании меры пресечения, но существуют случаи необоснованного применения этих норм, мотивированные риском того, что лицо может скрыться от следствия и суда. Кроме того, не всегда в должной мере учитываются права иностранных граждан при избрании уголовно-процессуальных мер.

Приведем пример: в начале 2023 г. следственным отделом в г. Москве было возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц. В рамках данного дела в жилище гражданина Ж., являющегося подданным иностранного государства, был проведен обыск, после чего его допросили в качестве свидетеля. Спустя некоторое время следователь вновь пригласил Ж. для допроса – на этот раз в качестве подозреваемого, избрав в отношении него подписку о невыезде и надлежащем поведении, притом что обвинение ему предъявлено не было.

С момента избрания меры пресечения прошло более 10 суток, по истечении которых соответствующее постановление об отмене меры пресечения не выносилось. Когда следователь снова вызвал Ж., то на этот раз задержал его на 48 часов в порядке ст. 91–92 УПК РФ, при этом подписку о невыезде подзащитный не нарушал. После допроса в качестве подозреваемого Ж. было предъявлено обвинение, и он был помещен в ИВС. Следователь в свою очередь направил в суд ходатайство об избрании в отношении Ж. меры пресечения в виде домашнего ареста, мотивировав возможностью оказания подследственным давления на участников уголовного судопроизводства, а также сокрытия от органов следствия и суда за пределы России, поскольку он является иностранным гражданином.

Однако суд не удовлетворил ходатайство следователя, сославшись на то, что совокупность этих обстоятельств не является достаточным основанием для избрания меры пресечения, связанной с ограничением свободы [5].

Считаем, что соблюдение всех указанных особенностей уголовно-процессуального производства в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства является необходимым условием обеспечения не только законности и справедливости, но и защиты данной категории лиц.

Анализ практики применения уголовно-процессуальных мер в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, учет особенностей при уголовном производстве показывает, что несмотря на существующие положительные тенденции, имеются серьезные проблемы, требующие комплексного решения. Кроме того, необходима разработка практических рекомендаций по усовершенствованию уголовно-процессуальной деятельности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, преобразование законодательства, а также повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов позволит улучшить эффективность

уголовного судопроизводства и укрепить международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венская конвенция о консульских сношениях и факультативные протоколы от 19 марта 1967 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901943> (дата обращения 22.02.2025)

2. Волженкина В. М. Нормы международного права в российском уголовном процессе : монография. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. – 359 с.

3. Информационная статья. – URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item> (дата обращения 22.02.2025)

4. Информационная статья. – URL: <https://studizba.com/lectures/jurisprudencija/konspekt-lekcij-po-ugolovnomu-processu/32285-osobennosti-proizvodstva-podelam-s-uchastiem-inostrannyh-grazhdan.html> (дата обращения 21.02.2025)

5. Информационная статья. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/to-chto-podozrevaemyy-inostranets-ne-osnovanie-izbirat-domashniy-arest/> (дата обращения 21.02.2025)

6. Информационная статья. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025> (дата обращения 22.02.2025)

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2009 г. № 66-О09-219. – URL: <https://www.vsrfr.ru/files/13362/?ysclid=m88bz27xwi851186946> (дата обращения 21.02.2025)

8. Плотников А. В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примере РФ и США) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 4.

9. Подшибякин А. С. «Экстрадиция как форма международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью // Проблемы борьбы с транснациональной преступностью : материалы междунар. науч.-практ. конф. г. Сочи. 10-11 октября 2000 г. – Краснодар, 2000. – С. 40.

10. Родителева Я. Н. Предварительное расследование по уголовным делам с участием иностранцев, пользующихся дипломатическим иммунитетом. – URL: <https://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/11/016roditeleva.pdf> с.124 (дата обращения 21.02.2025)

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ

Курсант Воронежского института МВД России

С. Е. Филатова

Научный руководитель: И. Г. Савицкая,

кандидат юридических наук, доцент

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Доказательства занимают центральное место в уголовном процессе, поскольку они служат основой для установления истины по делу, вынесения законного и обоснованного судебного решения. Эффективность расследования во многом зависит от понимания доказательств и их правильной классификации, которая позволяет упорядочить виды сведений, используемых в процессе доказывания. Доказательства являются основой для принятия судебного решения и служат гарантом соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Кроме того, классификация доказательств способствует четкому проведению процедуры их получения.

Согласно статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь и дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Эти сведения получают из предусмотренных законом источников. Важно отметить, что доказательства должны быть получены с соблюдением процессуального порядка, иначе они могут быть признаны недопустимыми, в соответствии со ст. 75 УПК РФ.

В рамках уголовного процесса доказательства могут быть разделены по различным критериям. Основными признаками доказательства являются его источник, а также процессуальная роль в уголовном судопроизводстве. Все доказательства должны быть получены в соответствии с требованиями закона, а также соответствовать принципам относимости, допустимости и достаточности.

В соответствии с этими признаками, доказательства могут быть разделены на прямые и косвенные. Прямые доказательства подтверждают факт совершения преступления, например, показания свидетелей, которые видели совершение преступления, вещи или документы, которые могут служить доказательством вины. Косвенные доказательства, в свою очередь, дают сведения о фактах, из которых вытекают основные обстоятельства дела. Примером таких доказательств могут быть следы, оставленные на месте преступления или результаты экспертных исследований, которые позволяют рассуждать о связи подозреваемого, обвиняемого с преступлением.

Еще одним важным критерием является классификация доказательств по форме. В уголовном процессе доказательства могут быть представлены в таких формах как: письменные, вещественные, а также показания и заключения экспертов.

Письменные доказательства включают в себя различные документы, например, договоры, письма, счета и другие бумаги, которые могут свидетельствовать о совершении преступления.

Вещественные доказательства – это материальные объекты, такие как орудия преступления, личные вещи подозреваемого или потерпевшего, которые могут быть использованы для установления обстоятельств преступления.

Показания свидетелей, потерпевших и обвиняемых могут быть ключевыми элементами для установления вины. Заключение экспертов, таких как судебные медики, криминалисты или химики, играют важную роль в расшифровке сложных или специфических фактов, которые невозможно установить без специальных знаний.

Важным условием использования доказательств является их допустимость. В соответствии с принципами уголовного судопроизводства, доказательства, полученные с нарушением закона, не могут быть использованы в качестве основания для вынесения решения. Например, если доказательства были получены незаконным путем, в результате пыток или угроз, они подлежат исключению. Нарушение прав обвиняемого или других участников процесса при сборе доказательств приводит к их недопустимости в суде. Особое внимание стоит уделить классификации доказательств по степени их достоверности. Это условие включает в себя доказательства, которые являются бесспорными, а также те, которые нуждаются в дополнительной оценке. В процессе судебного разбирательства доказательства могут подвергаться проверке и анализу, что позволяет суду оценить их достоверность.

Таким образом, классификация доказательств в уголовном процессе – это важный инструмент, который помогает правильно организовать сбор, анализ и представление доказательств в суде. Классификация доказательств по различным категориям позволяет организовать эффективное расследование, соблюдение прав участников процесса и вынесение справедливого судебного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс. Учебник. – Москва : Эксмо, 2022. – 960 с.
2. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право России. – Москва : Статут, 2020.
3. Пашкевич И. М. Современные проблемы классификации доказательств // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 4. – С. 45–50.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 03.05.2025).

Слушатель Орловского юридического института

МВД России им. В. В. Лукьянова

С. У. Хугаев

Научный руководитель: Ю. П. Якубина,

кандидат юридических наук, доцент

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Согласно законоположениям главы VII статьи 87 Конституции Республики Южная Осетия прокуратура Республики Южная Осетия от имени государства осуществляет высший надзор за точным и единообразным исполнением указов Президента Республики Южная Осетия и иных нормативных правовых актов на всей территории Республики Южная Осетия. Органы прокуратуры Республики Южная Осетия составляют единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров Генеральному прокурору Республики Южная Осетия [1].

Прокуратура Южной Осетии – это орган уголовного преследования и высшего надзора, который является координирующим звеном в борьбе с преступностью. Прокуратура Южной Осетии играет важную роль в расследовании преступлений на территории республики (статья 1). Она обеспечивает законность и обоснованность следствия, контролирует деятельность правоохранительных органов и защищает права и законные интересы граждан. Прокуратура Южной Осетии проводит независимое расследование преступлений, назначают дополнительные проверки, допросы свидетелей и потерпевших, участвуют в судебном процессе и представляют обвинение уголовного преступника. Таким образом, прокуратура Южной Осетии играет важную роль в обеспечении законности и правопорядка на территории республики.

В свою очередь Закон «О прокуратуре Республики Южная Осетия» 10 октября 2007 года № 92 регламентирует, что «в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства Прокуратура Республики Южная Осетия осуществляет :

- надзор за исполнением законов министерствами, государственными комитетами, комитетами и иными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов;

- надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина министерствами, государственными комитетами, комитетами и иными органами

исполнительной власти, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций;

- надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие;
- надзор за исполнением законов судебными приставами;
- надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу;
- уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством, действующим на территории Республики Южная Осетия (далее по тексту – РЮО);
- координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [2].

Стоит также отметить, что 11 октября 2023 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Южная Осетия. В рамках данного сотрудничества РФ и Южной Осетии, в соответствии с достигнутыми договоренностями, ежегодно повышают свою квалификацию по различным программам в Академии Следственного комитета Российской Федерации десятки следственных работников Южной Осетии, прокуроров, прокуроров-криминалистов [3].

Роль прокуратуры в расследовании преступлений в Южной Осетии выражается в том, что: во-первых, прокуратура является одним из ключевых органов, ответственных за расследование и уголовное преследование преступлений на территории республики; во-вторых, сотрудники прокуратуры Южной Осетии осуществляют надзор за законностью предварительного следствия, обеспечивают соблюдение прав и свобод граждан; в-третьих, прокуратура может самостоятельно проводить расследования по особо важным или резонансным делам (статья 29).

Определим основные направления работы прокуратуры Южной Осетии:

- расследование тяжких и особо тяжких преступлений, таких как убийства, разбои, коррупционные преступления и др.;
- надзор за следственными действиями органов внутренних дел и других правоохранительных органов;
- представление интересов государства в судебных процессах;
- координация деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью.

Вся деятельность прокуратуры в Южной Осетии имеет свою специфику, а именно: необходимость учитывать этнические, политические и социально-экономические особенности региона; тесное взаимодействие с

правоохранительными органами Российской Федерации; особый акцент на противодействие трансграничной преступности и коррупции.

В расследовании преступлений важную роль играет координационная деятельность органов прокуратуры. Осуществление надзора за действиями всех правоохранительных органов обеспечивается прокурором, который в данном направлении деятельности занимает главенствующее положение [4].

Прокуратура Южной Осетии является важным государственным органом, ответственным за надзор за исполнением законов, расследование преступлений и поддержание государственного обвинения в судах. Эффективная работа прокуратуры важна для поддержания правопорядка и борьбы с преступностью в Южной Осетии.

Отметим явные успехи в деятельности прокуратуры Южной Осетии. Так, следственное управление Генеральной прокуратуры Южной Осетии с начала 2023 года возбудило 26 уголовных дел, касающихся преступлений экономической направленности. В рамках этих уголовных дел был выявлен ущерб, причиненный госбюджету в размере 132 миллионов 803 тысяч рублей. На сегодняшний день возмещено 29 миллионов 116 тысяч рублей – непосредственно денежными средствами, а также имуществом на сумму в размере 17 миллионов 590 тысяч рублей [5].

Государство взяло на себя ответственность за соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Именно этот орган играет важную роль в государственном механизме обеспечения защиты законных прав и интересов граждан. Достижение поставленных целей возможно только при эффективном функционировании системы органов государственного управления, на которые непосредственно возложены контрольно-надзорные функции. Относительно вопроса внутриорганизационной деятельности прокуратуры следует отметить, что она строится по предметно-зональному принципу.

Необходимо отметить, что на территории Южной Осетии при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено УПК РФ. Таким образом, в соответствии с УПК РФ производство по уголовному делу может вестись только по нормам УПК РФ, действовавшим во время принятия указанного постановления. В связи с этим необходимо разработать и ввести в действие свои законы, и в этом направлении ведется работа законодательного органа республики.

Помимо этого, в целях реализации основных прав и свобод человека и гражданина Генеральный прокурор РЮО ежегодно выезжает в регионы с участием своих заместителей и руководителей правоохранительных органов. Осуществляя расследование преступлений как одного из направлений деятельности прокуратуры Южной Осетии, Генеральный прокурор лично держит под контролем соблюдение законности должностными лицами. Так,

Следственным управлением Генпрокуратуры Южной Осетии возбуждено пять уголовных дел в отношении бывшего главы комитета парламента республики по законодательству, законности и местному самоуправлению гр. Г. Установлены факты совершения Г. преступлений с использованием им своего служебного положения. Генпрокуратура Южной Осетии сообщала о том, что подозревает Г. в мошеннических действиях и намеревается ходатайствовать о лишении его депутатской неприкосновенности. Парламент Южной Осетии освободил от должности главы парламентского комитета по законодательству, законности и местному самоуправлению и лишил депутатского мандата депутата от «Единой Осетии» Г. Генеральным прокурором Южной Осетии было направлено представление в парламент республики о даче согласия на лишение депутата Г. неприкосновенности и возбуждение в отношении него уголовного дела. На заседании парламента было принято решение о досрочном прекращении полномочий депутата Г. на основании пункта «д» части 1 статьи 4 Закона «О статусе депутата парламента Республики Южная Осетия».

По данным следственных органов, в настоящее время проводится комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по установлению всех обстоятельств совершенных преступлений данным лицом; расследование продолжается.

Ежегодно выезжая в регионы, Генеральный прокурор проводит прием населения. На встречах, которые проходят с участием глав местных администраций и их ответственных лиц, разрешается большинство жалоб и заявлений, в том числе устных, многие ставятся на контроль.

Особый статус и полномочия по расследованию преступлений накладывают на прокуратуру Южной Осетии особую ответственность, так как от эффективности ее работы зависят прежде всего соблюдение прав и свобод человека и гражданина, социальная справедливость, неукоснительное соблюдение законности и уровень доверия общества к институтам государственной власти [6].

Осуществляя уголовное преследование, органы прокуратуры проводят расследование по делам о преступлениях, отнесенных уголовно-процессуальным законодательством, действующим на территории Республики Южная Осетия, к их компетенции.

Прокурор вправе принять к своему производству или поручить подчиненному ему прокурору или следователю расследование любого преступления (статья 29).

Итак, Прокуратура Южной Осетии занимается расследованием преступлений как одним из основных направлений своей деятельности. Кроме того, она осуществляет надзор за следствием в уголовных делах, контролирует законность и обоснованность проводимых действий правоохранительных органов, а также участвует в судебных заседаниях по уголовным делам.

Прокуратура Южной Осетии имеет штат квалифицированных специалистов, которые занимаются расследованием различных видов преступлений – от мелких правонарушений до серьезных уголовных преступлений. Они сотрудничают с другими органами правопорядка для обеспечения реализации правосудия и защиты прав граждан.

Прокуратура Южной Осетии также принимает меры по предотвращению преступлений, проводит профилактическую работу с населением и организациями, чтобы снизить уровень преступности на территории республики. Ее задача заключается не только в привлечении к ответственности виновных лиц, но и в обеспечении безопасности и защите прав граждан.

Таким образом, расследование преступлений является важным направлением деятельности прокуратуры Южной Осетии, что позволяет обеспечить справедливость и защиту законности на территории республики.

Республика Южная Осетия стремится к участию в международных интеграционных процессах и активно выступает за создание кавказской системы региональной безопасности, за мирное разрешение всех спорных вопросов. Легитимность государственного суверенитета Республики Южная Осетия, законность процесса формирования государства, его жизнеспособность и эффективность послужат надежной основой для признания другими странами. Россия была и остается для Республики Южная Осетия неизменным гарантом спокойствия и общенациональной безопасности. Важно подчеркнуть, что стратегическому союзу с Россией нет ни политической, ни экономической, ни культурной альтернативы [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Южная Осетия от 8 апреля 2001 г. (ред. от 11.04.2019). – URL: <https://parliamentroso.org/node/3567> (дата обращения: 25.09.2024).

2. О прокуратуре Республики Южная Осетия : Закон от 10 октября 2007 года № 92 (ред. от 15.07.2008). – URL: <https://parliamentroso.org/node/83> (дата обращения: 25.09.2024).

3. Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Южная Осетия от 11 октября 2023 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 25.09.2024)

4. Цехмистер Е. В., Слесарев А. В. Особая роль органов прокуратуры в правоохранительной системе государства // Право и правопорядок в фокусе научных исследований : сборник научных трудов. – Хабаровск : Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2024. – С. 163–170

5. Ни один правонарушитель не избежит наказания : Собаев о расследовании экономических преступлений. – URL: cominf.org (дата обращения: 25.09.2024).

6. Бибилова С. Г. Роль прокуратуры Республики Южная Осетия в реализации положений Конституции Республики Южная Осетия по защите прав и свобод человека и гражданина в условиях частичного действия законодательства Российской Федерации // Защита прав и свобод человека в деятельности прокуратуры Российской Федерации и Республики Южная Осетия: сб. материалов круглого стола (Москва, 25 января 2019 г.) / под общ. ред. Г. Л. Куликовой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2019. – 166 с.

7. Джагаев У. Ф. Практика реализации Генеральной прокуратурой Республики Южная Осетия требований закона о защите прав участников экономической деятельности // Практика реализации судами и прокуратурой требований закона о защите прав участников экономической деятельности : сборник статей по материалам круглого стола, проведенного в рамках V Московского юридического форума, Москва, 06 апреля 2018 года / Под ред. Т. И. Отческой. – Москва: РГ-Пресс, 2018. – С. 18–24.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ

Несмотря на нормативную урегулированность института дознания как самостоятельной формы предварительного расследования, практика его применения продолжает порождать многочисленные теоретические и правоприменительные проблемы. В условиях динамичного развития законодательства и возрастающих требований к эффективности досудебного производства особую актуальность приобретает исследование указанных проблем и научное осмысление направлений дальнейшего совершенствования института дознания.

Анализ функционирования института дознания в системе предварительного расследования в Российской Федерации позволяет выделить ряд проблем, носящих универсальный характер и отражающих системные дисфункции всего уголовного судопроизводства. Одной из таких глубинных проблем, существенно влияющих на правоприменительную практику дознания, выступает преобладающий обвинительный уклон уголовного процесса. Этот уклон, характерный для отечественной уголовно-процессуальной модели в целом, наиболее отчетливо проявляется именно в рамках дознания – упрощенной и ускоренной формы досудебного производства.

Сокращенные сроки расследования, предельная ограниченность процессуальных ресурсов и акцент на формальные признаки завершенности дела объективно подталкивают дознавателя к восприятию своей функции не как поиска истины, а как обязательного доказательства вины конкретного лица. В таких условиях существенно затруднено проведение полноценного анализа альтернативных версий произошедшего, критическая оценка доказательств защиты, проверка алиби и установление обстоятельств, смягчающих либо исключающих вину. Вследствие этого в ходе дознания может формироваться лишь внешне логичная, но по сути односторонняя конструкция обвинения, в рамках которой доминируют презумпции вины, а не невиновности.

Практическое воплощение данной тенденции приводит к ряду негативных последствий. Прежде всего речь идет о повышенной вероятности совершения судебно-следственных ошибок, включая случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, не являющихся действительными субъектами преступления [1]. Иными словами, в стремлении обеспечить «процессуальную результативность» дознаватель зачастую оказывается ограниченным во времени и лишенным объективных условий для построения всесторонней доказательственной базы. В конечном счете, это подрывает доверие

к институту дознания как к механизму достижения справедливости и нарушает фундаментальный принцип презумпции невиновности, закрепленный в статье 49 Конституции Российской Федерации и статье 14 УПК РФ.

Продолжая рассмотрение обозначенной выше проблемы обвинительного уклона и упрощенного подхода к установлению обстоятельств совершенного преступления в рамках дознания, необходимо обратиться к конкретным предложениям по реформированию соответствующего института, изложенным в научной литературе. В частности, обоснованные пути решения данной проблемы систематизировал и исследовал А. С. Бадмаев, справедливо отмечающий, что на сегодняшний день обсуждение путей совершенствования дознания все чаще смещается от идеи модернизации его действующей модели к необходимости частичной отмены последних изменений, которые существенно упростили и деформировали первоначальное содержание института.

В частности, ученый подчеркивает, что целесообразным представляется возвращение к более жестким критериям применимости дознания. В этой связи предлагается законодательно закрепить, что производство дознания возможно исключительно по уголовным делам о преступлениях, обладающих признаками очевидности, и относящихся к категории небольшой и средней тяжести. Это ограничение направлено на предотвращение необоснованного применения упрощенной формы расследования к делам, требующим более глубокой процессуальной проработки и сбора доказательственной базы.

Одновременно с этим обосновывается необходимость пересмотра временных рамок дознания. Предлагается допустимым установить базовый срок дознания в пределах 15–20 суток с возможностью его продления прокурором не более чем на дополнительные 10–20 суток, в зависимости от сложности дела. Не менее важной представляется инициатива по пересмотру круга субъектов, наделенных правом осуществлять дознание. В частности, предлагается исключить следователей Следственного комитета Российской Федерации из числа лиц, уполномоченных производить дознание в отношении определенных категорий субъектов, перечисленных в подпунктах «б» и «в» пункта 1 части второй статьи 151 УПК РФ [2].

Представляется, что путем указанных реформ можно разгрузить органы, осуществляющие дознание, от сложных уголовных дел, которые целесообразно расследовать в форме предварительного следствия, при этом сократив сроки производства дознания и упростив его процедуру. Однако тогда встанет вопрос о чрезмерной нагрузке на следственные подразделения, которые сегодня также находятся в сложной ситуации в связи с кадровым голодом.

Кроме того, в целях повышения эффективности заключительного этапа досудебного производства в форме дознания представляется необходимым нормативно расширить полномочия прокурора за счет предоставления

ему процессуальной возможности самостоятельно устранять нарушения, связанные с наличием в материалах уголовного дела недопустимых доказательств. В настоящее время положения статей 226 и 226.8 УПК РФ не предусматривают за прокурором права выносить мотивированное постановление об исключении из обвинительного акта либо обвинительного постановления доказательств, полученных с нарушением закона. В силу этого прокурор, обнаружив такие доказательства, как правило, вынужден возвращать материалы дознавателю для устранения недостатков, что затягивает производство и нарушает принцип процессуальной экономии.

Между тем, более рациональным и соответствующим принципу разумного баланса между законностью и оперативностью уголовного судопроизводства представляется иной подход, описанный, в частности, в исследовании Д. В. Грызлова. Его суть заключается в том, чтобы предоставить прокурору право самостоятельно исключать недопустимые доказательства путем вынесения мотивированного постановления, после чего он должен оценивать, достаточно ли оставшихся в деле допустимых и относимых доказательств для поддержания обвинения в суде. В случае положительной оценки прокурор должен быть вправе утвердить обвинительный документ и направить уголовное дело в суд без возврата материалов дознавателю [3].

Такой механизм позволил бы избежать ненужного дублирования процессуальных действий, устранить случаи формального возвращения дела при наличии уже достаточной доказательственной базы, а также усилить надзорную функцию прокурора как самостоятельного участника уголовного процесса, обладающего правом оценки доказательств на заключительном этапе досудебного производства.

В этой связи представляется целесообразным внести соответствующие изменения в статьи 226 и 226.8 УПК РФ, дополнив их положением о праве прокурора вынести постановление об исключении недопустимых доказательств и продолжить рассмотрение дела без возврата его дознавателю. Также требует уточнения часть 3 статьи 88 УПК РФ, в которой следует закрепить обязанность прокурора оформлять исключение доказательства отдельным постановлением. Введение указанных норм не только повысит гибкость прокурорского реагирования, но и обеспечит соблюдение прав участников процесса и укрепление доказательной состоятельности обвинения, направляемого в суд.

Следует отметить, что наибольшее количество дискуссионных и теоретико-прикладных проблем в рамках института дознания связано именно с его сокращенной формой, получившей нормативное закрепление в гл. 32.1 УПК РФ.

В частности, отдельного внимания заслуживает высказанная в научной литературе позиция, согласно которой решение о возбуждении производства дознания в сокращенной форме должно приниматься исключительно по усмотрению правоприменителя. Подобную точку зрения аргументированно

отстаивают С. И. Гирько, С. В. Харченко, А. А. Долгополов и А. М. Камбаров, обосновывая ее спецификой правовой природы рассматриваемой процедуры. Следует согласиться с авторами, которые подчеркивают, что дознание в сокращенной форме по своей сути представляет собой разновидность упрощенного досудебного производства, применимого лишь в случаях очевидности преступления, достоверной установленности причастности конкретного лица к его совершению и признания им вины [4].

В этой связи указанные ученые критически оценивают действующую редакцию УПК РФ, согласно которой обязательным условием возбуждения дознания в сокращенной форме является наличие соответствующего ходатайства со стороны подозреваемого. Подобная зависимость, по их мнению, неоправданно ограничивает процессуальные полномочия дознавателя и придает подозреваемому избыточную диспозитивную роль на стадии возбуждения уголовного дела, что не соответствует принципу процессуального руководства досудебным производством.

С учетом изложенного, представляется целесообразным нормативное переосмысление рассматриваемого института. Законодателю надлежит рассмотреть возможность перераспределения инициативы возбуждения сокращенного дознания в пользу дознавателя, при обязательном соблюдении объективных условий, таких как очевидность события преступления, признание вины и отсутствие спорных вопросов в части квалификации деяния. Такая мера позволила бы не только повысить эффективность правоприменения, но и укрепить принципы целесообразности, своевременности и процессуальной самостоятельности органов дознания.

Еще одним из направлений возможной оптимизации института дознания в сокращенной форме является нормативное упорядочивание начального этапа его производства, направленное на устранение выявленных на практике коллизий между фактическим и формально заявленным процессуальным статусом дознания. В частности, обоснованной представляется инициатива по закреплению предельного срока для принятия решения о применении сокращенной формы досудебного расследования. Установление такого срока позволит нивелировать широко распространенную на практике подмену дознания в сокращенной форме дознанием в общем порядке – ситуацию, при которой досудебное производство формально иницируется как общее, но впоследствии трансформируется в упрощенную процедуру без соблюдения всех требуемых законом условий.

Целесообразным представляется ограничение времени, в течение которого должно быть принято решение о применимости сокращенной формы дознания, шестью сутками с момента возбуждения уголовного дела. Предлагаемое деление этого срока на функциональные этапы позволяет логично структурировать процессуальные действия дознавателя: на начальном этапе (в пределах трех суток) должны быть реализованы меры по установлению позиции потерпевшего, включая его допрос и разъяснение прав, что

обеспечит соблюдение принципа состязательности и информированности сторон. Далее, двухсуточный период должен быть отведен для подозреваемого с целью подачи возможного ходатайства о применении дознания в сокращенной форме, что соответствует принципу добровольности признания вины. Завершающим процессуальным элементом рассматриваемого промежутка должно стать принятие дознавателем мотивированного решения по существу указанного ходатайства, для чего правомерно установить одни сутки.

Актуальной проблемой, существенно влияющей на реализацию принципов состязательности и осведомленности участников уголовного судопроизводства, является недостаточная процессуальная определенность порядка уведомления сторон о возможности производства дознания в сокращенной форме. В действующей редакции УПК РФ отсутствует четкая регламентация процедуры информирования потерпевшего и подозреваемого о правовых последствиях перехода к упрощенному порядку расследования, что на практике нередко приводит к нарушению их процессуальных прав, в том числе права на принятие информированного решения.

С учетом вышеуказанного в научной литературе предлагается конкретизировать нормы статьи 226.3 УПК РФ путем введения самостоятельных обязанностей дознавателя по разъяснению сторонам сути, оснований и порядка производства дознания в сокращенной форме [5]. В частности, представляется целесообразным нормативное закрепление обязательства информировать потерпевшего о его праве выразить согласие либо возражение против применения данной формы досудебного производства, а также указания на то, что факт соответствующего уведомления должен фиксироваться в постановлении о признании его потерпевшим. Аналогично, допрос подозреваемого должен завершаться официальным разъяснением его права на подачу ходатайства о применении сокращенной формы дознания, с обязательным внесением соответствующей отметки в протокол допроса.

Такое процессуальное нововведение будет способствовать формированию условий для сознательного участия сторон в выборе модели уголовно-процессуального реагирования, минимизирует риск злоупотреблений, а также обеспечит дополнительную процессуальную фиксацию соблюдения прав участников на ранней стадии производства по делу. Кроме того, детализированная регламентация процедуры уведомления позволит избежать ситуаций, при которых стороны фактически оказываются неосведомленными о наличии альтернативных форм предварительного расследования, и тем самым не могут реализовать предоставленные им законом процессуальные возможности.

Также существенным направлением совершенствования института дознания в сокращенной форме является пересмотр действующих ограничений, касающихся объема допустимых следственных действий и специфики доказывания. В настоящее время правовой режим дознания в

сокращенной форме исходит из презумпции минимизации процессуального вмешательства и допускает проведение только ограниченного перечня процессуальных мероприятий. Однако такая модель, несмотря на формальную ориентацию на ускорение расследования, порождает существенные риски с точки зрения полноты и достоверности установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

В этой связи представляется обоснованным предложение о необходимости снятия избыточных нормативных барьеров, ограничивающих проведение следственных и иных процессуальных действий в рамках дознания в сокращенной форме, за исключением тех, что по своей природе предполагают элементы принуждения, таких как обыск, выемка и т.п. [6]. Снятие подобных ограничений позволило бы дознавателю по собственной инициативе осуществлять сбор и проверку доказательств в более гибком и полном объеме, что особенно важно в условиях возможных последующих оспариваний признания вины или иных обстоятельств, положенных в основу обвинения.

Также значимым направлением совершенствования процедуры дознания в сокращенной форме является устранение пробела, связанного с отсутствием у обвиняемого процессуальной возможности дать показания после составления и вручения обвинительного постановления. В соответствии с общими нормами уголовно-процессуального законодательства лицо приобретает статус обвиняемого с момента вынесения соответствующего процессуального решения и, следовательно, должно обладать полным спектром прав, предусмотренных для данного процессуального положения, включая право давать показания по существу предъявленного обвинения. Однако действующее регулирование, закрепленное в главе 32.1 УПК РФ, такой возможности не предусматривает, что, по сути, лишает обвиняемого возможности использовать свое право на защиту в одном из его важнейших проявлений – высказывание собственной позиции относительно предъявленного обвинения.

Ввиду этого в юридической науке обоснованно высказывается мнение о необходимости включения в структуру статьи 226.7 УПК РФ специального положения, закрепляющего обязанность дознавателя обеспечить обвиняемому право на дачу показаний после вручения обвинительного постановления. Такая норма могла бы быть реализована в форме обязательного допроса обвиняемого в период, следующий за вручением обвинительного документа и предшествующий направлению уголовного дела прокурору. Это способствовало бы не только укреплению процессуальных гарантий обвиняемого, но и повышению доказательственной состоятельности итогового акта дознания, поскольку предоставляло бы дополнительную возможность для сбора значимой информации.

Введение подобного регламентации также создало бы предпосылки для устранения диспропорции между формальным приобретением лицом

статуса обвиняемого и фактическим отсутствием у него возможности реализовать присущие этому статусу полномочия. Таким образом, внесение изменений в статью 226.7 УПК РФ, предусматривающих обязательный допрос обвиняемого после составления обвинительного постановления, следует рассматривать как важное и необходимое направление законодательного реформирования института дознания в сокращенной форме, обеспечивающее его соответствие принципам справедливого и законного судопроизводства.

Логическим продолжением предложений, направленных на усиление процессуальных гарантий обвиняемого в рамках дознания в сокращенной форме, является обеспечение за ним неограниченного во времени права на подачу ходатайств, а также установление оперативного порядка их рассмотрения. На сегодняшний день уголовно-процессуальное законодательство формально предоставляет обвиняемому право на заявление ходатайств, однако применительно к сокращенной форме дознания реализация данного права может быть существенно затруднена как из-за сжатых сроков досудебного производства, так и вследствие неопределенности в отношении момента и порядка их рассмотрения дознавателем.

Обоснованной с точки зрения обеспечения состязательности сторон и реализации права на защиту является идея о нормативном закреплении возможности подачи ходатайств обвиняемым не только в процессе ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела, но и после завершения данной стадии, вплоть до момента передачи дела прокурору. Более того, целесообразно предусмотреть обязанность дознавателя рассматривать такие ходатайства незамедлительно – непосредственно после их поступления. Установление универсального трехсуточного срока для рассмотрения всех ходатайств, как это допускается в общем порядке, в условиях дознания в сокращенной форме представляется избыточным и способным свести к формальности возможность оперативной правовой реакции стороны защиты.

Введение специального положения, исключающего возможность отложения рассмотрения ходатайства более чем на срок, объективно необходимый для принятия обоснованного решения, обеспечит не только оперативность процессуального реагирования, но и будет способствовать защите процессуальных интересов обвиняемого, особенно в условиях ограниченности времени на реализацию права на защиту. Кроме того, это позволит устранить правовую неопределенность, возникающую в случаях, когда ходатайство заявлено в непосредственной близости к завершению сроков дознания, а его формальное отложенное рассмотрение может быть использовано как основание для отказа в удовлетворении.

В заключение проведенного анализа следует констатировать, что совершенствование института дознания как в общем порядке, так и в сокращенной форме требует системного и комплексного подхода,

ориентированного на устранение как нормативных, так и практических деформаций, выявленных в ходе правоприменения.

В этой связи представляется целесообразным осуществлять совершенствование рассматриваемой формы предварительного расследования в следующих основных направлениях:

1. Необходимо нормативное уточнение пределов применения дознания, предусматривающее его допустимость лишь по делам об очевидных преступлениях, отнесенных к категории небольшой и средней тяжести, что позволит исключить случаи формального упрощения сложных производств. Одновременно целесообразно законодательно закрепить сжатые и четко определенные сроки дознания с возможностью их разумного продления прокурором, обеспечив тем самым соблюдение принципа процессуальной экономии без ущерба для полноты расследования.

2. Обоснованным представляется расширение полномочий прокурора на заключительном этапе досудебного производства, предусматривающее предоставление ему права самостоятельно исключать из обвинительного акта или обвинительного постановления недопустимые доказательства без возврата уголовного дела дознавателю. При условии достаточности оставшихся доказательств прокурор должен быть наделен полномочием утверждения указанных завершающих предварительное расследование документов и направления дела в суд с учетом внесенных корректировок. Для реализации данного подхода требуется внести соответствующие изменения в статьи 226, 226.8 и 88 УПК РФ, закрепив обязанность прокурора оформлять исключение доказательств отдельным мотивированным постановлением.

3. Требуется корректировки механизм инициирования дознания в сокращенной форме: вместо формальной зависимости от ходатайства подозреваемого, принятие решения о ее применении следует возложить на дознавателя при наличии установленных законом оснований, включая очевидность преступления и признание вины. При этом представляется необходимым установить предельный срок (6 суток), в течение которого такое решение должно быть принято после возбуждения уголовного дела, что обеспечит оперативность и правовую определенность досудебного производства.

4. Требуется законодательного урегулирования порядок уведомления участников уголовного судопроизводства о возможности производства дознания в сокращенной форме. Дознаватель должен быть обязан разъяснять подозреваемому и потерпевшему основания, правовые последствия и порядок применения данной формы предварительного расследования, с обязательной фиксацией этого факта в соответствующих процессуальных документах. Такая мера обеспечит реализацию принципа информированного волеизъявления и предотвратит случаи формального согласия без осознания правовых последствий.

5. Обоснованным шагом является расширение допустимого объема следственных действий в рамках дознания в сокращенной форме за счет

разрешения проведения всех процессуальных мероприятий, не связанных с применением принудительных мер. Исключение при этом должны составлять только те действия, которые по своей правовой природе затрагивают конституционные права личности, такие как обыск, выемка и т.п.

6. Необходимым представляется устранение пробелов, касающихся процессуальных прав обвиняемого на завершающем этапе дознания. Требуется нормативно закрепить обязанность дознавателя провести допрос обвиняемого после вручения обвинительного постановления, обеспечив тем самым реализацию его права на высказывание позиции по предъявленному обвинению. Одновременно следует гарантировать обвиняемому возможность подачи ходатайств вплоть до момента передачи дела прокурору, установив правило их незамедлительного рассмотрения, без применения общего трехсуточного срока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Палиев В. Б., Субботина О. В. Проблемы и перспективы развития института дознания в российском уголовном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 3(154). – С. 44.

2. Бадмаев А. С. Дознание как форма предварительного расследования // Наукосфера. – 2024. – № 3-1. – С. 286.

3. Грызлов Д. В. Решение прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 6А. – С. 207.

4. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы / С. И. Гирько [и др.] // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 3(59). – С. 280.

5. Насонова И. А., Цинова М. В. Процессуальный порядок предварительного расследования по уголовным делам с применением дознания в сокращенной форме : учебное пособие [Электронный ресурс]. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2024. – С. 94.

6. Гирько С. И., Власова Н. А. Стандарты ускоренного досудебного производства в полицейской практике за рубежом и возможности их имплементации в Российской Федерации // Научный портал МВД России. – 2007. – С. 13.

Слушатель Луганского филиала
Воронежского института МВД России
Л. В. Шлыкова
Научный руководитель: А. И. Черенкова

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Вопрос преступности, ее профилактики, а также компенсации вреда как в России, так и во всем мире всегда остается актуальным. Согласно официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации на момент 2025 года имущественные преступления составляют 25% от общего числа уголовных деяний по стране [1].

Поэтому вопрос о компенсации похищенного или уничтоженного имущества из-за совершения преступления стоит довольно остро. Обратим внимание, что задачей уголовного судопроизводства является не только изоляция лица, совершившего общественно опасное деяние, от социума, но и восстановление прав пострадавших лиц. Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает для граждан такую возможность. В статье 52 Конституции Российской Федерации закрепляются права потерпевших от преступлений и обеспечивает доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба [2].

Так, можно выделить некоторое количество способов реализации права потерпевшего на возмещение вреда: гражданский иск в уголовном деле, добровольное возмещение вреда, возвращение имущества потерпевшему и гражданскому истцу, компенсация за счет государственных и негосударственных источников финансирования возмещения вреда и иные виды выплат.

Если же у лица нет денежных средств для компенсации ущерба, то в этом случае в «игру вступает» Федеральная служба судебных приставов, которая обеспечивает исполнение судебного решения. Согласно статье 12 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», судебный пристав-исполнитель имеет право наложить арест на имущество ответчика, изымать, а также реализовывать арестованное имущество. Соответственно, даже если преступник не имеет постоянного источника дохода, но имеет определенное имущество в собственности, то этим имуществом он может возместить ущерб потерпевшему [4].

Также в России в виде исключения законодатель установил отдельный внесудебный порядок выплаты компенсации некоторым категориям потерпевшим. Федеральным законом «О противодействии терроризму» предусмотрен «льготный» порядок, при котором потерпевшие от террористических актов и их иждивенцы наделены таким правом в случае гибели

жертвы. Им предусматриваются, например, в случае гибели потерпевшего при теракте или при пресечении террористического акта выплаты в размере 1 млн руб. Также компенсационные выплаты предусмотрены и при причинении вреда здоровью [5].

Как видим, действующая нормативная правовая база позволяет потерпевшему возместить нанесенный ему ущерб.

Но тогда возникают самые проблемные вопросы в исследуемой нами теме: что если следственным органам не удалось установить лиц, виновных в совершении преступления, или если у виновного лица нет возможности для выплаты законной компенсации?

В зарубежной практике нашли ответ на этот вопрос: в ряде стран реализуется идея создания фондов помощи пострадавшим в преступлениях.

В США существует Федеральный фонд помощи жертвам преступлений, созданный на основании Закона 1984 г., который финансирует данные выплаты. Данные фонды являются факультативным (к расходам штатов) финансированием двух главных национальных программ. Денежные отчисления на эти программы из федерального фонда увеличиваются ежегодно. Достаточно сказать, что только за первые десять лет существования Федерального фонда (1984-1994 гг.) из него на помощь жертвам преступлений было направлено более одного миллиарда долларов [6].

В Великобритании, например, если преступник не может компенсировать причиненный вред, то обязательства за это берет государство, в частности, Министерство внутренних дел, в рамках которого функционирует Департамент по вопросам компенсации вреда от преступлений [7].

Стоит отметить, что необходимо развивать институт компенсации имущественного вреда в преступлениях так, чтобы независимо от того, найден ли преступник, есть ли у него денежные средства, потерпевший смог вернуть хотя бы часть утраченного при преступлении. По аналогии с зарубежным опытом можно было бы создать специализированные фонды по возмещению имущественного вреда, но в данной ситуации можно столкнуться с рядом юридических рисков. В большей степени это связано с рисками относительно правосознательности граждан, а именно с вероятностью появления ложных сообщений о совершении преступлений с целью получения имущественной выгоды. В данной ситуации главнейшими инструментами по минимизации рисков являются высокий уровень правовой культуры граждан, а также компетентность правоохранительных органов. Кроме того, за подобного рода деяния необходимо усиливать степень юридической ответственности, в частности, в материальном эквиваленте. Таким образом, гражданин будет понимать, что в случае выявления ложного сообщения его материальные убытки будут в разы больше, нежели вероятные приобретения.

Как видим, в настоящее время есть множество неразрешенных вопросов относительно возмещение вреда потерпевшим от преступления. Действующее нормативное правовое регулирование позволяет восстановить

имущественные права граждан, однако существуют некоторые пробелы относительно решения ситуаций при отсутствии финансов или имущества у виновного лица. Перечисленные недостатки должны быть устранены, поскольку только таким образом абстрактные права станут конкретной возможностью их реализации.

Таким образом, действующее законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации// URL: <https://мвд.рф/reports/item/62890844/> (дата обращения: 20.04.2025).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ// Российская газета. – 2001. – 22 дек.

4. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ // Российская газета. – 1997. – 5 авг.

5. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 10 марта.

6. Арутюнян А. А. Зарубежный опыт защиты участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы права и государства в XXI в. 2015. – № 7-4. – С. 195–199.

7. Волеводз А. Г., Дубровин В. В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству зарубежных стран // Юридический мир. – 2009. – № 11. – С. 50–67. – EDN KZUIZL.

РАЗУМНЫЙ СРОК ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства в настоящее время становится одним из приоритетных аспектов совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Создание гарантий, защищающих от волокиты со стороны органов предварительного следствия и суда, видится насущной проблемой уголовно-процессуальной политики.

Особенно остро проблема реализации данного принципа стоит применительно к срокам производства проверки сообщения о преступлении.

Так, согласно статистике Генеральной прокуратуры, в 2022 году общее количество нарушений закона, связанных с действиями (бездействием) органов дознания, дознавателей и следователей при принятии, регистрации, рассмотрении сообщений о преступлениях составило 3 417 399. Такой показатель свидетельствует о существенных проблемах в реализации рассматриваемого принципа [1].

Следует отметить особую важность стадии возбуждения уголовного дела, поскольку именно она является моментом начала уголовного преследования. В случае принятия необоснованного или неверного решения на данной стадии, лицо, в отношении которого это решение принято, существенно ущемляется в праве на доступ к правосудию, гарантированном в ст. 46 Конституции РФ.

В науке уголовного процесса нет единого мнения как на сущность самой стадии возбуждения уголовного дела, так и на достаточный срок этой стадии. Мнения варьируются от одномоментного принятия решения о возбуждении уголовного дела [2, с. 52] до тридцатидневного срока рассмотрения сообщения о преступлении [3].

Представляется, что при отдании предпочтения тому или иному мнению следует руководствоваться тем фактом, что чем быстрее возбуждено уголовное дело, тем шире возможность получения доказательств виновности лица, его совершившего, однако в случае безосновательного возбуждения уголовного дела лицо будет подвергнуто незаконному уголовному преследованию, поэтому недопустимо пренебрегать всесторонним рассмотрением достаточности оснований возбуждения уголовного дела [4, с. 450].

Решение проблемы необоснованного затягивания сроков проверки сообщения о преступлении некоторые авторы видят в расширении полномочий некоторых участников уголовного судопроизводства, в частности, предоставлении прокурору права возбуждения уголовного дела в случае признания им необоснованным отказ в возбуждении уголовного дела [5].

Проблема соблюдения принципа разумности срока на стадии проверки сообщения о преступлении представляется крайне важной в современном уголовном процессе. Видится необходимость совершенствования положений, регламентирующих рассматриваемую стадию, позволяющих принимать решение по проверяемому материалу более рационально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. // Сайт Генеральной прокуратуры РФ. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/>
2. Бажанов С. В. Оправдана ли так называемая доследственная проверка? // Законность. – 1995. – № 1. – С. 51–54.
3. Газетдинов Н. И. Некоторые вопросы, связанные с принятием решения о возбуждении уголовного дела // Российский следователь. – 2009. – № 7. – С. 6–8.
4. Курышева Н. С. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства: проблемы реализации в ходе досудебного производства // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5(49). – С. 446–453.
5. Нуриев И. Н. К вопросу о разумном сроке возбуждения уголовного дела // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Сборник материалов XXVII международной научно-практической конференции. – Дальневосточный юридический институт. – 2022. – С. 129–131.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Курсант Воронежского института МВД России

Е. Д. Баженова

Научный руководитель: М. Ю. Пучнина,

кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ХИЩЕНИЯ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Цифровизация экономики сделала электронные платежи – банковские счета, онлайн-кошельки, мобильные приложения – частью повседневной жизни, обеспечивая удобство и скорость расчетов. Однако рост использования таких технологий сопровождается увеличением преступлений, связанных с хищением средств через несанкционированный доступ к счетам или электронным кошелькам. Это превратилось в одну из ключевых проблем на стыке информационной безопасности и уголовного права. Электронные денежные средства, обладая всеми свойствами традиционных денег, признаются полноценным объектом права собственности и требуют уголовно-правовой защиты. Стремительная цифровизация финансовой сферы и массовый переход на безналичные расчеты создали условия для роста преступлений: статистика МВД России и Банка России фиксирует увеличение объемов хищений с банковских счетов. Осознавая повышенную опасность таких деяний, законодатель в 2018 году ввел отдельный квалифицированный состав преступления (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), установив усиленную ответственность за кражу электронных средств и средств со счетов.

Учеными отмечается, что пункт «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ содержит пробелы, затрудняющие его единообразное применение [1]. Однако судебная практика демонстрирует стремление раскрыть смысл нормы с учетом современных технологий: при отсутствии обмана (например, при несанкционированном доступе к средствам) действия квалифицируются как кража, а при использовании ложной информации – как мошенничество. Ключевые сложности связаны с установлением способа изъятия средств, наличия обмана, территориального аспекта, а также с доказыванием прямого умысла и определением момента окончания преступления. Технические нюансы сбора цифровых доказательств усложняют процесс. Поскольку цифровые технологии продолжают развиваться, возникают новые формы преступлений, что требует постоянного совершенствования законодательства и правоохрани-

менительной практики для четкой классификации хищений и эффективной защиты прав граждан.

Ключевой проблемой остается разграничение кражи (ст. 158 УК РФ) и мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) [2]. Например, хищение путем взлома банковского аккаунта квалифицируется как кража, тогда как обман владельца карты для получения реквизитов чаще относят к мошенничеству. Однако неоднозначность трактовок способов совершения преступления нередко приводит к судебным ошибкам. Кроме того, специфика цифровых хищений требует уточнения объективной стороны состава: активные действия преступника (несанкционированные транзакции, использование вредоносного ПО) должны четко отделяться от пассивных форм противоправного поведения.

Важным шагом в устранении правовых пробелов могло бы стать введение отдельной статьи 158.2 УК РФ, предусматривающей ответственность именно за кражу безналичных и электронных денежных средств [2]. Это позволило бы унифицировать подходы к квалификации и избежать коллизий с нормами о мошенничестве. Одновременно целесообразно исключить п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, дублирующий положения других статей. Не менее значимым направлением является совершенствование практики расследования: разработка методик сбора цифровых доказательств, привлечение IT-экспертов и обучение сотрудников правоохранительных органов основам кибербезопасности.

Полагаем, что предложенные меры способны комплексно повлиять на ситуацию в сфере киберпреступлений экономического характера.

Во-первых, эти шаги создадут более четкую, логичную и единую систему квалификации преступлений, что поможет правоприменителю ориентироваться в определении состава и подведомственности дел.

Во-вторых, повышение уровня знаний и умений следственных органов повысит раскрываемость подобных преступлений, что укрепит доверие граждан к государственным институтам.

В-третьих, четкая правовая регламентация будет способствовать уменьшению латентности такого рода преступлений, поскольку жертвы, осознавая реальность привлечения преступников к ответственности, будут чаще обращаться в правоохранительные органы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов А. В. Ст. 159.3 УК РФ «Квалификация мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа» // Вестник науки. – 2025. – Т. 1. – №. 3 (84). – С. 198–203.

2. Баренбаум К. Д. Проблемы уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ // Вестник науки. – 2025. – Т. 2. – №. 4 (85). – С. 153–159.

Курсант Воронежского института МВД России

О. Д. Борисова

Научный руководитель: Е. А. Буданова,

кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность охватывает действия, которые направляют их к участию в преступлениях, подстрекают к совершению антиобщественных действий или склоняют к совершению действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

Указанное поведение предусмотрено в настоящее время ст.ст. 150, 151 и 151.2 УК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 150 УК РФ вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления может происходить несколькими способами.

Обещание – это представление обязательств со стороны старшего лица, которое подразумевает выполнение каких-либо действий в интересах несовершеннолетнего при условии, что последний выполнит требования вовлекающего преступника.

Обман – совершеннолетнее лицо вводит в заблуждение несовершеннолетнего, который не осознает, что его действия являются преступными и могут повлечь за собой наказание.

Угроза – это шантаж в отношении несовершеннолетнего, который может включать в себя разглашение порочащих сведений о нем или его близких, запугивание причинением вреда здоровью, а также ущерба имуществу.

К иным способам могут относиться манипуляции или использование зависимостей несовершеннолетнего. В этом случае совершеннолетний может использовать слабости несовершеннолетнего для вовлечения его в преступные действия.

Диспозиция ст. 151 УК РФ в отличие от статьи 150 УК РФ не содержит перечень конкретных способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий в качестве обязательного признака объективной стороны рассматриваемого состава преступления. Хотя законодатель не включил в конструкцию рассматриваемой нормы указание на конкретные способы вовлечения в антиобщественную деятельность, они имеют важное криминалистическое значения. Подростки, живущие в районах с высоким уровнем насилия и безработицы, могут рассматривать преступления как единственный способ обеспечить свои потребности и построить свою жизнь.

Преступления, связанные с вовлечением в распитие алкогольной продукции, встречаются довольно часто, но также есть и случаи, когда несовершеннолетних лиц вовлекают в занятие попрошайничеством. Так, приговор Брянского районного суда от 2 августа 2024 года установил, что С., являясь

совершеннолетним лицом и матерью несовершеннолетнего сына, имея умысел на вовлечение последнего в занятие попрошайничеством, воспользовавшись своим влиянием на сына, при помощи уговоров и под влиянием авторитета взрослого человека, как матери несовершеннолетнего, вовлекла сына в систематическое занятие попрошайничеством. Этот случай демонстрирует использование вовлекателем сразу нескольких способов.

Статья 151.2 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни. Согласно ч. 1 данной нормы способы вовлечения могут быть любыми – от уговоров и обещаний до обмана и угроз. Кроме того, отягчающим признаком данного деяния является такой способ? как склонение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях. Следует отметить, что такое решение законодателя вполне закономерно на фоне роста случаев негативного воздействия на несовершеннолетних посредством информационно-телекоммуникационных сетей. При этом такое противодействие должно быть направлено не только непосредственно на несовершеннолетних, но и на их родителей, образовательные организации, охватывать всю информационную инфраструктуру общества.

Стоит отметить, что Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 514-ФЗ в части вторые ст.ст. 150 и 151 УК РФ законодателем включен новый способ совершения данного деяний – с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Это решение законодателя весьма целесообразно, так как в современном информационном обществе с каждым днем распространяется преступность именно при помощи глобальных информационных сетей. Сеть Интернет стала восполнять теневые коммуникативные функции реального общения для современных подростков, а перед родителями, педагогами и сотрудниками правоохранительных органов проблемой номер один становится не фактор негативного влияния «улицы», как это было в конце 90-х прошлого столетия и 2000-х годах, а фактически неконтролируемые виртуальные контакты ребенка и негативные информационные потоки.

Таким образом, процесс вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий является результатом множества взаимосвязанных факторов, начиная от социального окружения и заканчивая культурными влияниями и состоянием семьи. Понимание этих механизмов имеет важное значение для разработки эффективных стратегий профилактики и вмешательства, направленных на то, чтобы помочь молодежи избежать преступного пути и найти альтернативные способы достижения своих целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 29–54.

Слушатель Воронежского института МВД России
В. И. Бражникова
Научный руководитель: А. В. Польшиков,
кандидат юридических наук, доцент

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления в современной России представляется особенно важной, поскольку от ее решения во многом зависят нравственное и социальное здоровье подрастающего поколения, с которым непосредственно связано будущее Российского государства. При этом норма о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления является одной из старейших, упоминание встречается еще в XIX веке. Несомненно, первый вариант отличался от того, что мы можем сейчас видеть в УК РФ, но ее основная цель осталась неизменной – защищать интересы несовершеннолетних граждан, препятствовать распространению преступности среди рассматриваемой категории [1]. На данный период времени в обществе происходит большое количество дестабилизирующих явлений в разных сферах жизни, которые приводят к духовному кризису, что не может не сказываться на количестве совершаемых несовершеннолетними преступлений [2].

В настоящее время несовершеннолетние, вовлекаемые в преступления, совершают не только типичные для них общеуголовные преступления (кражи, грабежи, разбои, угоны транспортных средств и т.д.), и причин этому достаточно. Под влиянием СМИ и ресурсов сети Интернет современные подростки хотят всё и сразу – красиво дорого жить, прилагая для этого минимум усилий. Этим пользуются взрослые преступники, вовлекающие несовершеннолетних в совершение разного рода преступлений, предлагая легкие деньги и убедительно обещая им безнаказанность. В результате всё чаще современные подростки совершают групповые преступления с использованием современных технологий, причем сложные по исполнению и дерзкие по своей сути (телефонные мошенничества с банковскими картами, работа «кладмэнами» при сбыте наркотиков с помощью сети Интернет), а также общественно опасные деяния, и прежде всего, различные преступления террористической направленности. И одной из основной причин такого положения вещей является наличие проблем уголовно-правовых средств борьбы с преступным вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, связанных с несовершенством действующего УК РФ, которое приводит в конечном счете к проблемам квалификации таких фактов и их отграничения от смежных составов преступлений, а также неустойчивой

судебно-следственной практики применения ст. 150 УК РФ в разных регионах и в целом по России.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд основных выводов и предложений по совершенствованию системы уголовно-правовых и криминологических мер предупреждения корыстной преступности среди несовершеннолетних в современных российских условиях.

Во-первых, деяние, предусмотренное ст. 150 УК РФ, стоит рассматривать как активное целенаправленное воздействие на несовершеннолетнего со стороны взрослого лица. Взрослые преступники, имея цель вовлечь лицо, не достигшее совершеннолетия в преступную деятельность, шаг за шагом навязывают подросткам противоправный настрой, обещая много денег без усилий, романтизируя преступную жизнь, гарантируя удовольствия от употребления алкогольной и наркотической продукции, обнадеживая получением невероятных эмоций и адреналина при совершении преступления. Самой главной целью таких лиц-вовлекателей является привитие мысли, что только с их помощью подростки смогут добиться обещанного, тем самым заполучая власть над вовлекаемыми, приобретая возможность влиять на их поведение.

Во-вторых, среди обстоятельств, способствующих совершению преступления, также можно выделить: отсутствие желания трудиться, стремление быстро заработать деньги, не прикладывая усилий, жадность, беспринципность, правовой нигилизм. При этом причинный комплекс совершения преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, включает множество факторов, которые имеют социально обусловленный характер. Этот вид преступлений против семьи и несовершеннолетних (Глава 20 УК РФ) детерминируют практически те же факторы, что и в целом преступность несовершеннолетних. Однако механизм действия таких детерминант в отношении несовершеннолетних носит специфический характер в силу присущих им общевозрастных психологических особенностей и своеобразного социального статуса взрослого лица – вовлекателя. Среди ключевых причин стоит выделить низкий уровень правовой культуры, отторжение духовных ценностей, трансляцию агрессии и антиморального поведения в СМИ и в сети Интернет, а также потребление алкогольной, наркотической и иной продукции, наносящей вред организму несовершеннолетнего и вызывающей зависимость.

В-третьих, целесообразно добавить в УК РФ понятие «преступной деятельности», заменяя им не до конца определенное понятие систематичности. Эта специальная уголовно-правовая мера позволит создать условия для ранней профилактики вовлечения подростков в совершение преступлений на регулярной основе, в том числе под воздействием запрещенных криминальных субкультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулешов А. А., Сенцов В. В. Криминологическая характеристика и профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2024 году (Уфа, 29 января 2024 г.). – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2024. – С. 350–354.

2. Лелеков В. А., Бородин А. Д. Преступность и молодежь // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 1. – С. 88–94.

Слушатель Луганского филиала
Воронежского института МВД России
Б. Ю. Братченко
Научный руководитель: Э. А. Поваляев

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Растущая интенсивность дорожного движения и увеличение количества участников дорожного движения приводит к высокой вероятности дорожно-транспортных происшествий (далее ДТП) и связанных с ними социальных и экономических последствий. Анализ факторов, вызывающих нарушения правил, является важным для разработки эффективных мер профилактики, снижения аварийности и повышения безопасности на дорогах. В условиях современных реалий особое значение приобретает выявление детерминант, влияющих на поведение водителей и других участников дорожного движения, что способствует формированию целенаправленных стратегий управления дорожным движением и совершенствованию нормативно-правовой базы.

По данным МВД России в 2022 году было зарегистрировано 9284 преступления, предусмотренных ст. 264 УК РФ. В 2023 году – 9581 преступление, что на 2,1% больше по отношению к 2022 году. В 2024 году зарегистрировано 9931 преступление, что на 3,7% больше по сравнению с 2023 годом [3]. Согласно приведенным статистическим данным, прослеживается четкая тенденции к увеличению преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ.

Как и любое иное явление, данный вид преступления возникает в результате определённых факторов (обстоятельств), которые в криминологии принято называть детерминантами [2, с. 3].

Применительно к детерминантам преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» [4], представляется возможным отметить, что они во многом не определяются общими детерминантами преступности. Это связано прежде всего с неосторожной формой вины, которую предусматривает данный состав преступления [1].

Действительно, выделить в подобных случаях основную, непосредственную причину ДТП является весьма сложным делом, поскольку одно и то же нарушение, что допускается в разной ситуации и разными водителями, может привести к попаданию в ДТП с разной степенью вероятности.

Существует множество оснований для классификации причин и условий преступности, однако для нашего исследования наиболее подходящим основанием для их распределения считаем природу детерминантов. Детерминация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (далее нарушение ПДД и эксплуатации ТС) проблема комплексная, и

усматривать причину ДТП только в просчетах водителя в превышении скорости или, скажем, в рассеянности, значит не осознавать ее многогранности, не давать тому, что происходит, объективной, обоснованной оценки. Поэтому в каждом конкретном случае совершения дорожно-транспортного преступления необходимо как можно тщательнее подходить к анализу его механизма, пытаться выделить ту главную детерминанту, которая сыграла доминантную роль в наступлении преступных последствий.

Объективные причины нарушения ПДД и эксплуатации ТС – это своеобразное продолжение процесса искривления правосознания личности преступника, что находит свое воплощение в совершении им конкретного действия, которое в конце концов вызывает наступление общественно опасных последствий.

Отметим также, что к преступному результату могут приводить действия объективного характера (причины) как одного виновного, так и других лиц (других виновных водителей при обоюдной вине, других участников ДТП, получивших телесные повреждения или смерть). В последнем случае следует вести речь об одновременном действии, переплетении нескольких причинных факторов объективного характера.

При исследовании условий нарушений ПДД и эксплуатации ТС мы обратили внимание, что нередко их совершению предшествует неправомерное поведение и других участников дорожного движения.

В механизме нарушения ПДД и эксплуатации ТС, причины субъективного характера связаны с особенностями личности субъекта преступления, который допускает ошибочную оценку той объективной, внешней к нему ситуации, в которой он действует.

Обобщая мнения ряда ученых, можно выделить несколько блоков субъективных причин:

а) однажды сформированное и в дальнейшем укоренившееся искаженное представление о допустимости тех или иных отклонений от императивных по своей природе норм, предохраняющих процесс обращения с источниками повышенной опасности, в частности, от ПДД и эксплуатации ТС.;

б) устойчивые, многократно отработанные привычки действовать таким образом, что противоречат, а значит, и препятствуют разумному и взвешенному отношению к собственным поступкам и их возможным последствиям в ситуациях, требующих за свою опасность особого, взвешенного и умеренного подхода;

в) эмоционально-психические и морально-психологические свойства, способствующие торможению рационально-рассудительного и бережливо-взвешенного отношения к событиям и явлениям окружающей среды и стимулирующие укрепление неосторожной мотивации поступков как привычный способ поведения человека в дальнейшей жизни;

г) низкая внутренняя культура и правосознание личности, несформированность понимания общественного интереса в сфере необходимости обеспечения безопасности как своей собственной, так и жизней окружающих;

д) управление транспортным средством в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения;

е) ограниченные психофизиологические свойства по скорости реагирования человека на те или иные опасные ситуации, возникающие в связи с эксплуатацией и движением транспорта.

Необходимо отметить, что приведенные причины субъективного характера в механизме преступного поведения конкретных лиц, действия которых квалифицированы по ст. 264 УК РФ, имеют разный удельный вес: иногда только некоторые из перечисленных субъективных причин выступают ближайшим, а следовательно, самым весомым фактором наступления опасных последствий; бывает и так, что теоретики и практики будут иметь дело с анализом действия сложного комплекса сразу нескольких из приведенных выше субъективных причин или даже со всеми.

Для снижения уровня нарушений ПДД и эксплуатации ТС необходимо комплексное взаимодействие различных структур: государственного регулирования, образовательных программ, повышения ответственности участников дорожного движения и модернизации инфраструктуры. Важную роль играет развитие системы информационно-просветительской работы, а также внедрение современных технологий контроля и мониторинга транспортных средств.

Подводя итог, следует отметить, что в наши дни основная детерминанта нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств – это правовой нигилизм, проявляющийся в различных формах на практике. В связи с этим особое значение приобретает воспитание у водителей чувства ответственности и дисциплинированности.

Детерминация нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является многогранной проблемой, решение которой требует системного подхода и скоординированных усилий всех участников дорожного движения и государственных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. А. Специфика детерминации нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 2 (52). – С. 228–231.

2. Криминология : учебник для вузов / Под ред. проф. В. Д. Малкова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2011. – 544 с.

3. Официальный сайт МВД России. – URL: [http:// www.mvd.ru /presscenter /statistics /reports/](http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/)

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025). – URL: <https://www.consultant.ru>.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ВМЕНЯЕМОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Российское уголовное законодательство устанавливает общие условия уголовной ответственности для физических лиц, обладающих определенными признаками, присущими субъекту преступления. Одной из основ любого человеческого поступка выступают такие ключевые аспекты как осознание совершаемого действия (бездействия) и его обдуманность.

Применительно к юридическому критерию вменяемости необходимо отметить, что он связан с определением тяжести психического расстройства личности (уровня дезинтеграции и поражения психики человека). Наименование «юридический критерий» он имеет, потому что определяет, вменяем человек или нет, т. е. последствия болезненного психического расстройства.

Главными составляющими юридического критерия являются:

1. Интеллектуальный признак, который связан с возможностью человека осознавать фактический характер и общественную опасность собственных действий. То есть в момент совершения преступления человек должен иметь возможность адекватно оценивать обстановку и собственное поведение;

2. Волевой признак, который связан с возможностью человека руководить своими действиями, т. е. данный признак характеризует волевой акт и произвольность поступков.

Для наличия юридического критерия вменяемости, необходимо наличие хотя бы одного элемента, либо волевого, либо интеллектуального.

Обращаясь к субъекту преступления, важной составляющей интеллектуального и волевого признаков будет являться наличие возрастной вменяемости.

При совершении преступления физическое лицо должно нести уголовную ответственность, если наряду с наличием иных признаков, предусмотренных законодательством, оно достигло возраста привлечения к уголовной ответственности. Необходимо отметить, что минимальные возрастные границы установлены в ст. 20 УК РФ. Возраст непосредственно связан с возможностью лица осознавать значение собственных действий и руководить ими.

В современном отечественном уголовном праве одним из основополагающих признаков субъекта преступления является вменяемость. Она определяется как способность лица нести уголовную ответственность при условии осознания фактического характера и общественной опасности своего деяния (как действия, так и бездействия) в момент совершения

преступления, а также возможность управлять собственным поведением. Ключевыми составляющими вменяемости выступают интеллектуальные и волевые качества субъекта, отражающие состояние его когнитивных функций и способности к саморегуляции поведения.

В действующем уголовном законодательстве не содержится легального закрепления дефиниции «вменяемости», в связи с чем имеются вопросы в теории уголовного права и практике, вызывающие разногласия. Как отмечал Б. А. Спасенников, причины для наиболее детального исследования вменяемости субъекта преступления, а равно утверждение легального определения «вменяемость», связаны с тем, что:

1) усиливается развитие индивидуализации уголовных наказаний, что связано непосредственно с развитием правового государства;

2) увеличился процент лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, у которых обнаруживаются психические отклонения и расстройства, порождающие дефекты мышления и воли [1].

В науке уголовного права встречается трактовка «вменяемости», посредством определения «невменяемости», под которым понимается совершение лицом общественно опасных действий, когда им не осознается фактический характер и общественную опасность собственных действий (бездействия), либо отсутствует возможность осуществлять руководство такими действиями из-за хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики [2].

Опираясь на представленные понятия, главными составляющими вменяемости будут являться понимание лицом фактического содержания и социальной значимости совершаемого им противоправного поступка, а равно возможность сознательно руководить собственными действиями, что и будет являться отличительной чертой вменяемого человека от невменяемого человека.

В соответствии с ч. 2 ст. 21 УК РФ, в случае совершения преступления лицом, находящимся в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера.

Для определения состояния невменяемости у человека, совершившего общественно опасное деяние, необходимо опираться на наличие у субъекта характерных черт медицинского критерия и признаков юридического критерия.

Необходимо отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ наличие у лица психического расстройства, которое не исключает вменяемости, будет учитываться судом при назначении уголовного наказания и применении принудительных мер медицинского характера.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интеллектуальные и волевые особенности различных субъектов преступления оказывают существенное влияние на характер их мотивов поведения и совершение соответствующих действий (бездействия). Понимание этих факторов важно для разработки эффективных мер профилактики и борьбы с преступностью.

Исследование различных психологических особенностей преступников позволяет лучше понять причины их поступков, а также выработать и применять к ним адекватные меры реагирования на их криминальное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басова Т. Б. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учебник. – Москва : Контракт, 2023. – С. 96.
2. Спасенников Б. А. К вопросу о медицинском критерии невменяемости // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2024. – № 1(25). – С. 8.

Курсант Воронежского института МВД России

С. С. Волкова

Научный руководитель: М. Ю. Пучнина,

кандидат юридических наук

**ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 150, 151 УК РФ,
СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ**

Одна из приоритетных задач государства является – обеспечить надлежащее исполнение родителями воспитательных функций в отношении несовершеннолетних, в связи с чем законодатель закрепил уголовную ответственность за невыполнение данной задачи родителями.

В ст. 156 УК РФ содержится уголовно-правовая норма, закрепляющая общественно опасное деяние, связанное с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Нередко в правоприменительной деятельности возникают вопросы, связанные с правильной квалификацией совершаемых деяний совершеннолетними при вовлечении ими несовершеннолетних в совершение общественно опасных деяний. Так часто возникают вопросы при разграничении ст. 150 и 151 УК РФ со ст. 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств» в связи с тем, что у них имеются схожести в признаках.

Склонение является одной из форм вовлечения, поэтому нередко возникает необходимость разграничить преступление, предусмотренное ст. 151 УК РФ (вовлечение в систематическое употребление одурманивающих веществ), и деяние, квалифицируемое по п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ (склонение к потреблению наркотических или психотропных средств либо их аналогов) [1].

Субъектом обоих указанных составов может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 18-летия.

Главной проблемой данных статей является определение лицом, осуществляющим предварительное расследование, предмета преступления как аналога наркотических средств и психотропных веществ. Определение заключается в том, что необходимо доказать осведомленность лица в том, что оно не только знало, какое отрицательное воздействие может оказать психоактивное вещество на организм человека, но и могло определить сходства его по химической структуре и признакам с наркотическими средствами. Для этого необходимо проводить физико-химическую судебную экспертизу для определения состава одурманивающего вещества, наркотического вещества или их аналогов. После проведения такой экспертизы могут проводиться комплексные судебные экспертизы, определяющие

сходства химической структуры и свойства с наркотическими веществами и психотропными средствами.

Также следует четко отграничивать ст. 150 и 151 УК РФ от ст. 156 УК РФ, которая охватывает случаи ненадлежащего исполнения родительских обязанностей по содержанию и воспитанию детей. Такое совпадение происходит из-за того, что неисполнение родителями своих прямых обязанностей по воспитанию ребенка часто совпадает с нахождением несовершеннолетнего в антисанитарном состоянии дома, употреблении им спиртосодержащей продукции, табака, ведение аморального образа жизни и т.д [2].

В правоприменительной практике на стадии предварительной проверки сотрудники часто сталкиваются с трудностью разграничения ст. 151 УК РФ и ст. 6.10 КоАП РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ»). Главная отличительная черта уголовного состава – систематичность деяния. Если лицо вовлекает подростка в употребление алкоголя или одурманивающих веществ не менее трех раз за относительно короткий промежуток, данное деяние попадает под ст. 151 УК РФ.

Таким образом, можно заключить, что в действующем уголовном законодательстве все еще присутствуют некоторые неточности, затрудняющие квалификацию вовлечения несовершеннолетнего в преступление или антиобщественное поведение. В частности, оправданным видится исключение из ст. 151 УК РФ пункта о систематическом употреблении одурманивающих веществ и перенос его в ст. 230 УК РФ, поскольку это выглядит более логичным. Кроме того, во избежание произвольной трактовки термина «одурманивающие вещества» целесообразно закрепить его четкое определение в нормативном акте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Польшиков А. В., Иванченко Р. Б. Вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ): основные детерминанты и направления профилактики // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2018. – № 2. – С. 168–174.

2. Буданова Е. А., Польшиков А. В., Буслов М. М. О необходимости оптимизации уголовно-правовой нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) // Современное общество и право. – 2022. – № 6 (61). – С. 112–117.

Курсант Воронежского института МВД России

А. В. Гончарова

Научный руководитель: М. Ю. Пучнина,

кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост популярности безналичных форм расчёта, что обусловлено их удобством и практичностью для пользователей. Однако параллельно с развитием данной сферы возникает серьёзная проблема, связанная с недостаточным уровнем защиты современных платёжных технологий от преступных посягательств.

Статистические данные свидетельствуют об ежегодном увеличении количества зарегистрированных преступлений в этой области, что напрямую коррелирует с ростом числа пользователей цифровых платёжных сервисов. Особую сложность представляет квалификация преступлений по статье 159.3 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа), что объясняется высокой латентностью таких деяний и многообразием способов их совершения [1].

Наблюдаются следующие ключевые проблемы квалификации преступлений по ст. 159.3 УК РФ:

1. Отсутствие единообразной судебной практики: основная сложность заключается в разграничении составов преступлений по объективной стороне. Например, мошенничество с использованием электронных платежей и кража (ст. 158 УК РФ) зачастую отличаются лишь способом совершения преступления при схожих признаках объекта, объективной стороны и субъекта.

2. Трудности в установлении субъективной стороны: для правильной квалификации требуется точное определение умысла преступника и особенностей реализации объективной стороны преступления, что необходимо для отграничения от смежных составов.

3. Сложности процессуального характера: рассматриваемый состав преступления относится к категории трудно доказуемых. Ярким примером являются случаи оплаты через платёжные терминалы, где отсутствует непосредственный контакт с представителем организации, что исключает классический признак обмана как элемента мошенничества. В подобных ситуациях возникает необходимость разграничения между п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ, требующего индивидуального подхода к каждому конкретному случаю.

Исследуя пути решения проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа, можно предложить следующее:

1. Актуальным представляется дополнение действующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ положениями, детально регламентирующими применение ст. 159.3 УК РФ. Конкретизация критериев квалификации позволит минимизировать субъективизм в правоприменительной практике и обеспечить единообразный подход к рассмотрению данной категории дел.

2. Оптимизация законодательного регулирования, так как в условиях стремительного развития fintech-технологий необходимо четкое законодательное закрепление: границ уголовной ответственности, специальных составов преступлений, особенностей доказывания. Это создаст правовую основу для разработки научно обоснованных предложений по модернизации уголовного законодательства.

3. Повышение эффективности правоохранительной деятельности через оперативное внедрение специализированных методических рекомендаций, создание единой базы типовых схем мошенничества, разработку алгоритмов быстрого реагирования, регулярное обучение сотрудников новым методам расследования

4. Внедрение биометрической идентификации. Перспективным направлением является интеграция платежных систем с государственной биометрической платформой, что позволит минимизировать анонимность операций, упростит идентификацию субъектов, снизит риски несанкционированного доступа.

Реализация эффективной защиты от электронного мошенничества требует консолидации усилий не только государственных органов и финансовых организаций, но и IT-компаний, гражданского общества в целом. Особую роль играет цифровая грамотность населения, включающая: навыки безопасного поведения в сети; критическую оценку информации; ответственное отношение к персональным данным. Только комплексный подход, сочетающий правовые, организационные и технологические меры, способен обеспечить надежную защиту от современных схем финансового мошенничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-правовые меры противодействия мошенничеству (ст. ст. 159–159.6 УК РФ) / Р. Б. Иванченко, Р. В. Колесников, А. Н. Малышев, Д. В. Шебанов. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2015. – 36 с.

2. Домшарова А. П. Предполагаемые пути решения проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа // Вестник науки. – 2024. – № 10 (79). – С. 326–331.

Курсант Воронежского института МВД России

Е. Ю. Горбулина

Научный руководитель: М. Ю. Пучнина,

кандидат юридических наук

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Меры предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, традиционно делят на три блока – общие, специальные и индивидуальные, исходя из их целей и адресатов.

Общие меры охватывают инициативы государства, общества и его институтов, направленные на улучшение экономической, социальной, нравственной и духовной сфер. Эффективная социально-экономическая политика обычно ведёт к снижению уровня преступности.

Факторы, подпитывающие наркопреступность в сети, условно группируются так:

1. «Серые зоны» – виртуальные площадки, где часто концентрируются люди с девиантным поведением.

2. Негативное влияние самой сети – лёгкий доступ, анонимность, широкое распространение информации [1].

Целевые группы в Интернете:

– лица, склонные к употреблению ПАВ или живущие в неблагоприятной среде;

– ранее потреблявшие наркотики и их окружение;

– представители групп повышенного риска;

– зависимые, пытающиеся прекратить употребление.

Общесоциальные меры в сети

– постоянный мониторинг интернет-пространства;

– контент-контроль и горячие линии для сообщений о нелегальной информации;

– сбор и верификация данных о создателях сайтов;

– стимулирование создания полезных и антинаркотических ресурсов;

– популяризация здорового образа жизни;

– совершенствование законодательства.

Специальные и индивидуальные меры

Правоохранительные органы и профильные учреждения:

– выявляют и блокируют ресурсы, связанные с наркотиками;

– создают барьеры для «отмывания» средств и легализации наркопреступников;

- совершенствуют технологии поиска и фиксации преступной деятельности;
- устраняют условия, способствующие совершению подобных правонарушений.

Таким образом, комплексная стратегия – от общесоциальных инициатив до точечных ограничительных мер – позволяет системно противодействовать наркопреступности в интернете [2].

Для решения поставленных задач, на наш взгляд, необходимо предпринять следующие меры:

1. Организовать постоянный мониторинг интернет-сайтов.

В рамках мониторинга необходимо отслеживать характер информации о наркотических веществах и их аналогах в интернете; методы деятельности наркопреступников в сети; количество посетителей сайтов, связанных с наркотиками, в течение дня, месяца и года; состояние профилактической работы на антинаркотических сайтах и т.п.

2. Создание специализированных групп для противодействия незаконному обороту наркотиков, их аналогов и наркосодержащих растений с использованием интернета. Для повышения эффективности работы групп целесообразно привлекать специалистов в области информационных технологий для выявления сайтов, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

3. Необходимо принять дополнительные меры для предотвращения незаконного оборота и употребления наркотиков в интернете. Важно контролировать производство и распространение наркотиков, пресекать их нелегальный оборот и развивать международное сотрудничество в борьбе с наркоманией [3]. Также следует увеличить количество интернет-ресурсов, посвященных профилактике наркомании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов В. В., Чистова Л. Ю. Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием интернета и электронных средств связи // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 3.
2. Кузина Л. С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 184 с.
3. Миненко П. В., Пучнин А. В., Самороковский С. А. Направления деятельности и формы взаимодействия оперативных и иных подразделений ОВД по противодействию преступности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 4. – С. 192–196.

Слушатель Уфимского юридического института МВД России

Д. Д. Грознова

Научный руководитель: Д. Н. Соловьев,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

Каждое государство из числа бывших участников – стран СНГ имеет свои особенности в уголовном законодательстве. Так, можно выделить ряд отличий между нормами закона. Рассмотрим некоторые из них, которые лежат в основе любого уголовного законодательства.

Первое из отличий заключается в закреплении понятия преступления. Страны СНГ можно условно разделить на две группы: те, что закрепляют его как формальное, и те, что формально-материальное. В первую группу относятся Грузия, Латвия, Эстония и ряд других государств. Их особенностью является закрепление в понятии только формальных признаков: деяние, противоправность, виновность, наказуемость [2-4].

Во вторую группу можно отнести Беларусь, Туркменистан, Литву и другие, где наравне с формальными признаками указаны и материальные. При более глубоком анализе понятия преступления можно также указать на разную интерпретацию общественной опасности. Так, согласно уголовному законодательству Литвы и Молдовы, общественная опасность представлена как опасное деяние или наносящее вред деяние соответственно [5-8].

Проводя анализ исторического пути понятия преступления, отметим, что советское законодательство придерживалось формально-материального подхода, который лёг в основу большинства стран СНГ после распада СССР, что объясняет сходство в определениях различных государств по данному вопросу и ряду других.

На наш взгляд, понятие преступления должно быть формально-материальным, так как необходимо отразить не только факт запрета таких действий, но и указать негативные последствия такого деяния, выраженные в общественной опасности.

Ещё одним расхождением является деление преступлений по степени общественной опасности. Так большинство стран по данному признаку выделяют 4 группы: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Однако существуют страны, которые отошли от привычного деления и закрепили другую классификацию.

Например, Грузия закрепляет три группы: менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие, а Молдова делит на 5 групп: незначительные преступления, преступления средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие и чрезвычайно тяжкие преступления. По мнению Н. Ю. Волосовой и О. В. Журкиной, отступление от норм советского законодательства было вызвано сильным влиянием

Германии и Франции, а также теоретическими взглядами ряда зарубежных исследователей [1, с. 20].

Продолжая рассматривать уголовное законодательство стран СНГ выделим ещё одно различие, которое заключается в общем возрасте привлечения к уголовной ответственности. Для большинства стран таковым является 16 лет (Армения, Таджикистан и другие), а за отдельные составы преступления снижен до 13 лет. Исключением является Эстония, где общий возраст 15 лет, а за отдельные преступления 13, а также Узбекистан, где общий возраст – 16, за некоторые составы возраст уголовной ответственности снижен до 14 или 13 лет [9-11].

Снижение возраста уголовной ответственности за отдельные преступления является необходимым для учёта степени общественной опасности, каждое государство самостоятельно устанавливает минимальный возраст с учётом политических, социальных и экономических особенностей.

Отличия проявляются также и в формах соучастия. Большинство стран взяли за основу советское законодательство при регулировании института соучастия, так выделяют привычные формы: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа или преступное сообщество. Исключением является законодательство Казахстана, где выделяются дополнительные формы, такие как транснациональная преступная группа, транснациональная преступная организация или сообщество, террористическая группа, экстремистская группа, незаконное вооружённое формирование. Также исключением является Узбекистан и Киргизия, где вместо привычных форм выделяют: простое соучастие, сложное соучастие, организованная группа, преступное сообщество. Проводя сравнение с общепринятыми формами отметим, что если законодательство Узбекистана и Киргизии отличается только формулировкой, то Казахстан выделяет новые формы, основанные на цели деятельности группы [12-13].

Несмотря на различия в формах соучастия, субъективные признаки являются аналогичными, а именно: участие только в умышленных преступлениях, проявляется единство умысла соучастника. Объективные признаки также имеют сходство: совершение несколькими лицами, преступление совершается и доводится до конца совместными усилиями.

На основе всего вышесказанного можно сказать, что большинство стран СНГ имеет очень много сходств. Такая тенденция связана с советским законодательством, которое легло в основу уголовного права многих государств. Однако некоторые страны внесли изменения в регулировании некоторых правоотношений, что делает их исключением и придаёт уникальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волосова Н. Ю., Журкина О. В. Уголовное право стран СНГ : учебное пособие. – Оренбург : Оренбургский госуниверситет, 2019. – С. 122.
2. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года №2287. – URL: <https://continent-online.com/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
3. Уголовный кодекс Латвийской Республики от 1 апреля 1998 года. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/> (дата обращения: 27.04.2025).
4. Уголовный кодекс Эстонии от 1 сентября 2002 года. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs> (дата обращения: 27.04.2025).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-з. – URL: <https://continent-online.com/documen> (дата обращения: 27.04.2025).
6. Уголовный кодекс Туркменистан от 12 июня 1997 года № 222-і. – URL: <https://continent-online.com/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
7. Уголовный кодекс Литовской Республики от 1 мая 2003 года. – URL: <https://continent-online.com/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
8. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-хв. – URL: <https://continent-online.com/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-хii. – URL: <https://continent-online.com/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
10. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574. – URL: <https://continent-online.com/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
11. Уголовный кодекс Республики Армения от 1 августа 2003 года № 574. – URL: <https://continent-online.com/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
12. Уголовный кодекс Туркменистан от 12 июня 1997 года № 222-і. – URL: <https://continent-online.com/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
13. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-в. – URL: <https://online.zakon.kz/document/> (дата обращения: 27.04.2025).
14. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127. – URL: <https://online.zakon.kz/document/> (дата обращения: 27.04.2025).

**Курсант Луганского филиала
Воронежского института МВД России
М. А. Губанова
Научный руководитель: А. И. Черенкова**

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Коррупция является угрозой национальной безопасности Российской Федерации, а также преградой социально-экономическому развитию и всей общественной жизни страны. Это один из главнейших разрушающих факторов построения правового государства, в котором органы работают независимо, а права и свободы человека и гражданина реализуются в полном объеме независимо от их экономического и социального статуса. Вследствие этого государство стремится создать мощнейшие инструменты для борьбы с данной проблемой.

Так, в настоящих условиях действенной мерой по противостоянию преступности в данной сфере был создан институт антикоррупционной экспертизы. Антикоррупционная экспертиза является мерой по профилактике коррупционных проявлений, выявлению противозаконных коррупционных факторов и их устранения.

Терминология «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов» поначалу отсутствовала в законодательстве Российской Федерации. Вместо него использовалось выражение «Криминологическая экспертиза нормативно правовых актов». Впервые правовые «очертания» проведения антикоррупционной экспертизы были заложены в 2003 году в Санкт-Петербурге на заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, после чего был принят закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» [1].

Однако в качестве автономного юридического инструмента антикоррупционная экспертиза в России образовалась лишь в 2006 году, после ратификации Российской Федерацией Конвенции ООН против коррупции [2]. Ратификация обозначила собой важный этап в борьбе с коррупцией: она ввела обязательную периодическую проверку нормальности законодательства на наличие коррупционных рисков и внедрила практику антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, которая направлена на снижение и устранение коррупции.

Дальнейшие изменения в сфере продвижения законодательства о противодействии коррупции по созданию новых механизмов и методов в проведении антикоррупционной экспертизы произошли в Российской

Федерации, когда было разработано и принято законодательство, направленное на противодействие коррупции.

Прежде всего, был подписан Федеральный закон от 25.12.2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: этот документ подтвердил основы противодействия коррупции, определил основные принципы правовых основ по предупреждению коррупции и борьбы с ней [3].

Только после этого для реализации положений упомянутого закона № 273-ФЗ принят Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», который установил правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупционных факторов и их последующего устранения [4].

Еще один компаративный документ, касающийся процедуры проведения антикоррупционной экспертизы, утвержден указом Президента Российской Федерации от 16.08.2021 года № 478 – «Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы» [5]. Данный документ акцентирует особое внимание на необходимость совершенствования нормативной правовой базы законодательства Российской Федерации в сфере противодействия коррупции.

Интересным представляется тот факт, что в зарубежной практике институт антикоррупционной экспертизы законодательно в целом не урегулирован. Как видим, страны СНГ, в том числе и Россия, всё-таки делают дополнительный акцент на антикоррупционную экспертизу, подчеркивая ее важность в борьбе с коррупцией. Но в таких государствах, как США, Франция, Великобритания антикоррупционная экспертиза воспринимается в качестве компонентной составляющей общей правовой экспертизы. Зарубежные законодатели подходят к данному вопросу таким образом, поскольку не видят ее отличительных признаков для выделения ее в качестве самостоятельного правового инструмента [6].

На данном этапе хотелось бы сделать акцент на следующих нюансах. Принятие перечисленных нормативных правовых актов в России демонстрирует позитивную динамику развития данной новеллы нашей правовой системы. Однако всё-таки остается ряд существенных вопросов относительно правового регулирования проведения антикоррупционной правовой экспертизы. Заметим, что центральный нормативный правовой акт об антикоррупционной экспертизе содержит лишь 5 статей относительно ее реализации, которые регулируют процедуру достаточно поверхностно: в ней обозначены принципы, субъектный состав, обозначены коррупционные факторы, а также порядок обжалования проведенной экспертизы. Однако данный документ не дает ответов на вопрос о методических рекомендациях ее проведения. Также остается открытым вопрос относительно проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов, принимаемых определенным органом

государственной власти. Также остается открытым вопрос относительно проведения экспертизы ненормативных правовых актов (приказы, постановления, представления), а также некоторых актов применения.

На наш взгляд, антикоррупционная экспертиза считается важнейшей мерой профилактики коррупции. Она даёт возможность выявить и устранить положения, которые способны к появлению коррупции и гарантировать их отсутствие в нормативных правовых актах. Оперативное выявление и устранение коррупционных допущений на стадии принятия нормативного правового акта помогает не допустить коррупционных явлений со стороны должностных лиц органов государственной власти. Это позволит улучшать их деятельность и не допускать нарушений прав и свобод граждан. Отсюда следует, что антикоррупционная экспертиза активизирует улучшение качества правотворчества, а также способна оказать положительное давление на качество правоприменительной деятельности. Однако для этого необходимо дальнейшее развитие и более детальная законодательная проработка всех процедурных нюансов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы законодательства об антикоррупционной политике (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22-15) : модельный закон. – URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 04.04.2025).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 10.

3. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 52. – Ст. 6228 (Часть I).

4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

5. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы : указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 // СЗ РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6170.

6. Захарова В. И. Правовое регулирование антикоррупционной экспертизы в зарубежных странах // Пробелы в российском законодательстве. 2012. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.04.2025).

Слушатель Воронежского института МВД России

Т. М. Джавадов

Научный руководитель: Е. А. Буданова,

кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

На территории Российской Федерации главной ценностью государства являются права и свободы человека и гражданина, которые должны гарантироваться и охраняться. Обязательной государственной защите подвергается равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, религиозных убеждений и иных обстоятельств. Наравне с этим в России установлен запрет на любую форму ограничения такого права по признакам расовой, социальной, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Мобилизация экстремизма в виртуальном пространстве является наиболее острой проблемой обеспечения информационной безопасности в целом. Это подтверждается тем, что становление и совершенствование сети Интернет наделило экстремистов разной направленности (расисты, шовинисты, религиозные фанатики, неонацисты и др.) достаточно мощным инструментом пропаганды собственных взглядов и поиска единомышленников, а наравне с этим на многих интернет-ресурсах происходит распространение идеологий фашизма, превосходства белой расы и иных экстремистских взглядов.

К преступлениям экстремистской направленности необходимо отнести противоправные деяния, предусмотренные ст. ст. 280, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, а равно иные преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении конкретной социальной группы.

Каждое из указанных преступлений обладает характерными чертами:

- для ст. 280 УК РФ присущ признак публичности и направленности на склонение к экстремистской деятельности;
- для ст. 282 УК РФ характерна публичность и действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, унижение достоинства человека по признакам пола, расы, национальности и иных обстоятельств;
- для ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ присуще осуществление идентичных действий (создание, руководство, склонение, вербовка, участие и другие), однако основное отличие указанных деяний проявляется в том, что для образования юридического состава, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ, необходимо, чтобы в отношении сообщества экстремистской направленности было вынесено судебное решение о его ликвидации или запрете деятельности;
- для ст. 282.3 УК РФ характерно то, что лицо сознательно оказывает финансовую поддержку организации (сообществу), которое является экстремистским.

В правоприменительной деятельности имеется неразрешенный вопрос, связанный с количеством осуществляемых призывов со стороны гражданина, чтобы его действия квалифицировались по ст. 280 УК РФ. Содержание объективной стороны отражает, что количество призывов должно составлять не менее двух. Однако, даже реализовав разовый призыв, виновный может оказать массовое воздействие на сознание граждан, вызвав со стороны людей противоправные действия экстремистского характера. Поэтому целесообразно внести изменение в ч. 1 ст. 280 УК РФ, изложив ее: «публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности».

Несмотря на то что большинство действий по финансированию экстремистского сообщества или экстремистских организаций в современном обществе может реализовываться посредством использования Интернет-ресурсов (виртуальные кошельки, разработка сайта-фишера (сайт однодневка) и иных), которые позволяют экономить время, осуществлять сбор большей суммы денежных средств, размещать объявления в открытом доступе о пожертвованиях, приобретении обмундирования и иных вещей, законодатель не выделил в ст. 282.3 УК РФ квалифицирующего признака, связанного с использованием ИТТ или сети Интернет. На наш взгляд, за счет использования ИТТ и сети Интернет у виновного лица появляется больше возможностей для реализации своего преступного умысла, направленного на финансовое обеспечение экстремистских сообществ и организаций, которые он может осуществлять на постоянной основе, используя разнообразные программы.

Проведенный анализ дифференциации преступлений экстремистской направленности с использованием ИТТ отражает, что необходимо разработать изменения для некоторых уголовно-правовых норм.

Рассматривая положения ч. 1.1 ст. 282.1 и ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ, целесообразно при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности лица учитывать не только такие признаки, как совершение впервые преступления, добровольный отказ от дальнейшего принятия участия в деятельности экстремистского сообщества (организации), но и объем размещенной информации, связанной со склонением, вербовкой и иным вовлечением лиц в деятельность такого сообщества (массовая рассылка смс-уведомлений, создание групп экстремистской направленности, публикация в открытом доступе информации), а равно количество лиц, давших положительный ответ на вышеуказанные противоправные действия.

Проводимый анализ уголовного законодательства в части, касающейся противодействия деяниям экстремистской направленности, реализуемым с использованием ИТТ, свидетельствует о том, что существующие уголовно-правовые нормы не до конца соразмерны современному состоянию и тенденциям, складывающимся в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025). – URL: <https://www.consultant.ru>.

ГРАБЕЖ И СМЕЖНЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Сложившаяся социально-экономическая ситуация заставляет наше правительство РФ пересматривать подходы к борьбе с преступностью, опираясь на научные разработки, а также национальный и международный опыт. Преступность представляет собой сложное, динамичное и негативное социальное явление, охватывающее широкий спектр общественно опасных деяний. Традиционно выделяют две основные категории преступлений: корыстные, связанные с незаконным присвоением чужой собственности, и насильственные, направленные против жизни и здоровья граждан. Особую группу составляют корыстно-насильственные преступления, где насилие используется для достижения корыстных целей, таких как завладение имуществом против воли владельца. Примерами деяний являются кража, грабеж и разбой.

Основное различие между кражей и грабежом заключается в способе совершения преступления. Кража квалифицируется как скрытое завладение чужим имуществом, в то время как грабеж представляет собой открытое хищение [3, с. 74]. В отличие от разбоя, который определяется как нападение с целью хищения, сопряженное с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо с угрозой такового, грабеж характеризуется применением насилия, не представляющего непосредственной угрозы жизни или здоровью. Следовательно, при разбое объектом преступления является не только имущество, но и здоровье потерпевшего. Ключевое различие в объективной стороне заключается в степени применяемого насилия или угрозы его применения [2, с. 45]. Дополнительно важно указать, что вымогательство отличается от других преступлений наличием специфического объекта посягательства, а именно чести и достоинства личности. В случаях, когда вымогательство совершается при отягчающих обстоятельствах, объектом может выступать также здоровье. Состав преступления при вымогательстве является формальным.

При определении различий между вымогательством, грабежом и разбоем важно понимать, что в грабеже и разбое насилие используется непосредственно для завладения имуществом или его удержания. При этом в вымогательстве насилие служит лишь средством подкрепления угрозы. Вымогательство – это требование передачи собственности, прав на неё или совершения действий имущественного характера, сопровождаемое угрозами насилия, уничтожения имущества или распространения сведений, наносящих ущерб репутации или интересам потерпевшего [4, с. 65].

При совершении грабежа, разбоя присвоение чужой собственности осуществляется в момент применения насилия или непосредственно вслед за ним. В отличие от этого при вымогательстве злоумышленник преследует цель получить желаемое имущество в перспективе.

Для начала важно отметить, что термин «хищение» в контексте грабежа и разбоя представляет собой четко определенное понятие, однако его интерпретация варьируется в законодательстве, теоретических работах и правоприменительной деятельности [1, с. 14]. Мы полагаем, что похищение представляет собой тайное или открытое противоправное, некомпенсируемое отчуждение имущества у законных обладателей с последующей его передачей в пользование иным лицам.

В уголовном праве грабеж и разбой рассматриваются как преступления, сочетающие корыстные мотивы и насилие, с некоторыми общими чертами. Прежде всего, эти деяния классифицируются как посягающие на два объекта одновременно, хотя приоритетность защиты различных общественных отношений, которым наносится ущерб, остается предметом дискуссий. При совершении грабежа с применением насилия или разбоя происходит одновременное нарушение нескольких уголовно-правовых запретов в смежных областях: в первом случае – против власти, свободы и физической неприкосновенности личности, а во втором – против собственности, жизни и здоровья. Оба преступления объединяет корыстный мотив и стремление к незаконному присвоению имущества, но разбой отличается особой опасностью способа завладения имуществом.

Таким образом, ключевым различием между этими двумя близкими составами преступлений выступает критерий угрозы насилия, опасного для жизни или здоровья пострадавшего [5, с. 143]. Различие заключается в характере насилия, физического и психологического. При грабеже злоумышленник использует насилие, не представляющее угрозы для жизни или здоровья жертвы, либо угрожает таким насилием. В случае разбоя насилие всегда несет опасность для жизни или здоровья подвергнувшегося нападению лица, либо звучит угроза такого насилия.

Сходство грабежа и разбоя подчеркивается общим объектом деяний – неправомерным завладением чужим имуществом. Общим признаком грабежа и разбоя выступает применение насилия, что традиционно относит их к категории корыстно-насильственных преступлений.

Подводя итог, подчеркнем, что проблема борьбы с преступностью всегда остается острой, особенно в периоды экономических кризисов и обострения социальной напряженности. Актуальность изучения уголовно-правовой сущности и определения характерных черт грабежей и смежных составов преступлений играет важную роль в разработке эффективных методов противодействия и действенных способов защиты прав граждан, интересов общества и государства от корыстных преступлений с применением насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарев С. А. Собственность в уголовном праве : монография / Под ред. А. Э. Жалинского. – Москва : НБ-Медиа, 2011. – 216 с.
2. Ермакова О. В. Преступления против собственности: научно-практический комментарий. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России», 2015. – 96 с.
3. Кобец П.Н. Отграничение разбоя от других составов преступлений по действующему отечественному законодательству / П.Н. Кобец // Символ науки: международный научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 72–74.
4. Никитин Ю. А. Критерии общественной опасности вымогательства // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – № 3(28). – С. 60–65.
5. Челябова З. М. Уголовно-правовая характеристика насилия в грабеже и разбое // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 4(52). – С. 138–143.

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СКУЛШУТИНГА В РОССИИ

На сегодняшний день наблюдается стремительный рост преступлений среди несовершеннолетних, особенно подростков. Это связано с возрастными изменениями: эмоциональной лабильностью, стремлением к социальной идентичности и конфликтностью. Эти факторы могут способствовать началу подростковой преступной деятельности. Без своевременного превентивного вмешательства существует риск увеличения числа агрессивных и изопрённых преступников[1].

Большую роль в профилактике подобных явлений должны выполнять такие институты социализации подрастающего поколения как семья, в рамках которой закладывается основной фундамент будущей модели подобного поведения подростка, так и школа, где происходит прививание социально полезных, а главное правильных жизненных ценностей.

Предлагаем комплекс мер, реализуемых в семье по профилактике преступлений среди несовершеннолетних:

- уделять ребенку, особенно в период полового созревания, повышенное внимание (стараться с ним больше контактировать, проводить время вместе, в том числе посещать различные культурные мероприятия, нацеленные на формирование правильной жизненной позиции, привлекать его к совместному занятию спортом для формирования привычки здорового образа жизни и т.д.);

- сформировать с ребенком доверительные отношения, чтобы он не боялся под страхом наказания делиться с родителем своими чувствами и переживаниями;

- учитывать интересы и потребности своих детей, прислушиваться к их мнению, и в случае ошибки уметь исправить это;

- стараться разъяснять ребенку на словах и жизненных примерах последствия, к которым может привести неправильное поведение, потому как оскорбления, унижения, и физическая боль, в частности, когда ими злоупотребляют, начинают постепенно выстраивать эмоциональный барьер между ребенком и родителем;

- показывать пример порядочного гражданина (будущей матери, жены, отца, мужа): не иметь вредных привычек, не использовать ненормативную лексику, споры разрешать мирным путем и т.д.

Школьным учителям следует на классных часах уделять внимание помимо школьных мероприятий, касающихся успеваемости учеников, таким социально важным темам, как совершение несовершеннолетними

преступлений. Рассказать о видах, способах, качествах личности такой категории учеников, а также мерах безопасности при угрозах вооруженного нападения на школу.

Со стороны правоохранительных органов важно умело донести до детского сознания важность обсуждаемой темы, привести по возможности данные уголовной статистики и обозначить, какого контента в социальных сетях следует избегать. Наряду с беседами, детям следует проводить специальные тестирования, направленные на выявление социально-психологического климата в коллективе, а также обнаружению у них возможных психологических проблем и отклонений в нравственном развитии [2].

Итак, для эффективной профилактики скулшутинга необходимо организовать работу с тремя группами:

1. С несовершеннолетними: следить за их посещаемостью в школе, проводить мониторинг взаимоотношений в семье.
2. С их родителями: информировать о случаях скулшутинга, организовывать совместный досуг с детьми.
3. С педагогами: посещать курсы по вопросам деструктивного поведения несовершеннолетних, планирование классных мероприятий по предотвращению суицидального поведения среди учеников [3].

Таким образом, семья и школа выступают основными субъектами воспитания достойных граждан – будущего нашей страны. В раннем возрасте дети более восприимчивы к влиянию в силу малого жизненного опыта. Они пугливы и прислушиваются к старшим, особенно родителям, которые своим примером должны демонстрировать социально одобряемое поведение, что оказывает влияние на формирование их мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пучнин А. В., Батоев В. В. О противодействии идеологии скулшутинга, распространяемой с использованием информационных технологий, как экстремистской угрозе // Общество и право. – 2023. – № 1(83). – С. 22–26.
2. Диваева И. Р., Колесников Р. В., Любимов Л. В. О предупреждении вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Образование и право. – 2024. – № 8. – С. 428–432.
3. Методические рекомендации по профилактике скулшутинга. – URL: <https://viro33.ru/download/> (дата обращения: 20.05.2025).

Командир отделения Воронежского института МВД России
В. О. Кулешов
Научный руководитель: С. Г. Родин

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОУЧАСТИИ

Актуальность исследования вопроса, касающегося особенностей субъективной стороны преступлений, совершаемых в соучастии, обуславливается прежде всего высокими криминологическими показателями, которые каждый год занимают значительный объём в структуре преступности.

По данным МВД России, за январь-декабрь 2024 года, количество преступлений, совершенных в соучастии, составило 36,1 тыс., что на 17,1% больше, чем за аналогичный период 2023 года.

Значение изучения института соучастия актуально не только на сегодняшний день с учетом статистических показателей, но подчеркивалось в советской уголовно-правовой науке. Так, например, профессор Г. Е. Колоколов в своих работах писал о том, что: «Соучастие составляет венец общего учения о преступлении и по праву является труднейшим разделом уголовного права не только как отрасли права, но и как науки» [4].

Преступления, совершаемые в соучастии, также как и все преступления обладают объективными и субъективными признаками. Однако достаточно часто наиболее проблемные вопросы при квалификации групповых преступлений связаны определением субъективной стороны рассматриваемой категории преступлений. В первую очередь считаем необходимым обратиться к ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая раскрывает понятие соучастия. Законодатель признаёт соучастием в преступлении умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Исходя из легального определения соучастия можно выделить обязательный признак субъективной стороны преступлений, совершённых в соучастии, который заключается в том, что такое уголовно-наказуемое деяние должно быть совершено умышленно.

В уголовно-правовой науке ведутся споры касаемые вопроса о так называемой «односторонней» субъективной связи лиц, совершающих преступления в соучастии. Анализ научной литературы и уголовного законодательства Российской Федерации в части, касающейся института соучастия, позволяет сделать вывод о том, что основополагающими признаками субъективной стороны преступлений, совершаемых в соучастии, является, то, что преступная деятельность независимо от форм соучастия носит умышленный характер и предусматривает совместный умысел на совершение преступления. Соучастники, независимо от их роли в совершении преступления, выступают в качестве отдельных звеньев общего механизма, функционирование которого направлено на реализацию единого преступного умысла.

В теории уголовного права существует неоднозначная позиция, касаемо вопроса наличия взаимной осведомлённости и взаимообусловленности действий всех соучастников преступления. Например, Ф. Г. Бурчаков утверждает, что наличие указанных аспектов при совершении преступлений в соучастии не обязательно. В то время как, например, П. Ф. Тельнов высказывает прямо противоположную позицию, говоря о том, что для соучастия необходимо наличие осведомлённости каждого соучастника о присоединении к преступной деятельности иных лиц [2].

На наш взгляд, приведенные особенности субъективной стороны преступлений, совершаемых в соучастии, обусловлены неоднозначной судебной-следственной практикой. Представляется, что связующим звеном умысла всех соучастников преступления является осознание совершения противоправной деятельности, предвидения общественно опасных последствий, желания их наступления [3]. Совместность же умысла достигается путём соглашения. Формирование умысла соучастников возникает как правило не в момент выполнения объективной стороны преступления, а на стадии подготовки к преступлению.

В заключении рассмотрения особенностей субъективной стороны преступлений, совершаемых в соучастии, следует отметить, что умышленная вина соучастников является основополагающим признаком субъективной стороны. При вменении квалифицирующего признака или же квалификации преступления со ссылкой на Общую часть УК РФ, устанавливающих наличие института соучастия лицу, осуществляющему данную деятельность, необходимо учитывать не только признаки рассматриваемого института, указанные законодателем, но и устанавливать все аспекты субъективного отношения к совершению совместных действий. Так, например, необходимо определять, что исполнитель и иные лица, совершившие преступление в соучастии, были взаимно осведомлены о своих преступных деяниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).
2. Бурчук Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. – Москва. – 1999. – 231 с.
3. Гимранов А. Р., Козлова О. Е., Далишнев Ю. О. Субъективные признаки соучастия в преступлении // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 14. – С. 298–302.
4. Панкратов М. В. К вопросу о субъективных признаках соучастия в преступлении // Образование и право. – 2023. – №10. – С. 7.

ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

На протяжении всей истории человечества преступление является одной из самых серьезных угроз для общества. Исследование этого явления, а также условий его возникновения, причин и способов реализации всегда вызывало повышенный интерес. В современном мире значительная часть преступлений совершается в составе группы.

Термин «соучастие в преступлении» не всегда раскрывает свои особенности и значение. В соответствии со ст. 32 УК РФ под соучастием подразумевается умышленное совместное участие двух и более лиц в осуществлении преступных деяний, которое определяется совокупностью объективных и субъективных признаков, необходимых для квалификации соучастия.

Что касается объективных признаков, соучастие включает в себя два основных аспекта:

1. Участие двух и более лиц, что является количественным признаком. Однако соучастие не может быть квалифицировано, если один из участников невменяем, т.к. он не может иметь преступный умысел.

2. Совместность действий соучастников, что является качественным признаком. Действия одного лица зависят от действий другого, создавая единый процесс совершения преступления.

Говоря о субъективных признаках, ученые по-разному их интерпретируют. Например, Ю. А. Клименок считает, что у соучастия имеется единственный субъективный признак – умысел, который подразумевает, что действия соучастников осуществляются с определенным намерением. В свою очередь российский ученый А.П. Козлов предлагает более детальную квалификацию: вина, цель, мотив и субъективная связь. Существует альтернативное мнение А. В. Наумов и Р. А. Адельханян, согласно которым главными субъективными признаками являются взаимная осведомленность соучастников о своих поступках и согласованность их умысла.

Учитывая мнения различных ученых, целесообразно выделить двух основных субъективных признаков соучастия: взаимная осведомленность участников о своих действиях и общность их умысла.

Соучастие в преступлении позволяет распределить роли между участниками и привлечь к уголовной ответственности не только тех, кто совершает преступное деяние, т.е. исполнителя, но и тех, кто, не выполняя активных действий, оказывает ему содействие. Это дает возможность применять нормы Особенной части Уголовного кодекса к таким участникам, как организатор, пособник, подстрекатель.

Ст. 35 УК РФ различает преступление, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом, что является квалифицированным признаком соучастия.

Таким образом, для правильной квалификации преступлений, совершенных в соучастии, необходимо учитывать дополнительные обстоятельства, касающиеся признаков соучастия, и особенности умысла преступников и характеристики, определяющие их как субъектов преступления.

При привлечении к уголовной ответственности за соучастие возникают определенные трудности.

Прежде всего, одной из главных проблем является необходимость доказательства факта соучастия. Участники преступлений осведомлены о том, что соучастие может рассматриваться какотягчающее обстоятельство, поэтому многие стремятся скрыть свое участие в противоправном деянии.

Кроме того, существует проблема корректного распределения ролей среди участников группы и назначения им справедливого наказания. Обычно в процессе следствия преступники отказываются признавать свое активное участие в преступной группе, зная, что это может привести к более суровому наказанию. В таких случаях суду часто приходится самостоятельно устанавливать роли участников, опираясь на материалы уголовного дела.

В заключение хочется сказать, согласно УК РФ соучастием в преступлении признается совершение умышленного преступления двумя и более лицами. Однако это определение не полностью отражает все признаки, присущие групповым преступлениям. В настоящее время, анализируя нормы, относящиеся к институту соучастия в уголовном праве, можно прийти к выводу о значимости его корректного применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименок Ю. А. Организатор преступления структуре института соучастия. Актуальные проблемы российского права. – Москва : Московский Государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина. – 2011. – С. 64–66.

2. Козлов А. П. Соучастие // Традиции и реальность. – Москва. – 2001. – С. 46.

3. Наумов А. В., Адельханян Р. А. Уголовное право России. Практический курс : учебник. – Москва, 2010. – С. 123–125.

О ТЕНДЕНЦИЯХ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

В условиях динамичности преступности и ее детерминантов основным эмпирическим материалом и его практико-ориентированной основой становятся анализ статистических данных. Нами был проанализирован Статистический сборник «Преступность и правонарушения (2019-2023)», издаваемый в соответствии с совместными данными МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Департамента надзорной деятельности и профилактической работы, Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [1].

Так, В 2021-2023 гг. можно выделить следующие тенденции динамики преступности в России:

- 1) общее снижение числа зарегистрированных преступлений;
- 2) рост доли тяжких и особо тяжких преступлений;
- 3) снижение преступности среди ранее судимых лиц и несовершеннолетних, при этом отметим, что число тяжких и особо тяжких рецидивных преступлений остается значительным (47,3% особо тяжких и 50,9% тяжких преступлений).

Дальнейший анализ статистического материала указывает на следующие проблемы в профилактической деятельности правоохранительных органов:

- 1) низкая эффективность ресоциализации лиц с криминальным прошлым;
- 2) структурный сдвиг в криминальной среде при формальном росте тяжести преступлений. Такая проблема обусловлена, в первую очередь, ростом тяжких и особо тяжких преступлений в IT-сфере;
- 3) территориальная дифференциация преступности. Эта проблема обусловлена тем, что в России существуют регионы с высоким удельным весом преступности, за счет которых растет и общая статистика [2].

Разрешение вышеизложенных проблем нам представляется следующим образом:

Во-первых, интеграция зарубежного опыта, в части, касающейся профилактики отдельных преступлений. Например, в США в открытом доступе существует реестр лиц, совершивших преступления против половой свободы и половой неприкосновенности [3]. Аналог подобного реестра позволит оградить законопослушных граждан от лиц-насильников, а самих насильников – от возможности совершения рецидива. О применении подобных реестров в сфере противодействия терроризму и экстримизму заявляла и А. Л. Гуринская [4].

Во-вторых, необходимо разрешить кадровые проблемы, которые связаны с нехваткой личного состава правоохранительных органов, чья квалификация связана с противодействием IT-преступности. Такая проблема подлежит разрешению благодаря следующим мерам:

- 1) стимуляция (путем предоставления льгот или иным образом) числа поступающих в образовательные организации по необходимому профилю;
- 2) переквалификация лиц, уже находящихся на службе в правоохранительных органах (например, путем введения специальных курсов повышения квалификации).

В-третьих, ввиду того, что отмечается сильное различие удельного веса преступности в регионах, необходимо задуматься о введении дополнительных профилактических мер на уровне региональных нормативных актов.

В заключение стоит отметить, что такое социально-правовое явление, как преступность, никогда не стоит на месте и постоянно видоизменяется. С внедрением в нашу жизнь информационных технологий проблема, связанная с недостатком специалистов в сфере противодействия IT-преступности, в ближайшие годы будет стоять наиболее остро.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступность и правонарушения (2019-2023) : статистический сборник. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.03.2025).
2. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Современный молодежный экстремизм в условиях цифровизации общества: тенденции, методы распространения, технологии вовлечения, направления противодействия // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 142–149.
3. Ярославцева Ю. М. Анализ современного состояния противодействия преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в условиях цифровой среды // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2025. – № 1. – С. 222–230.
4. Гуринская А. Л. Принудительные превентивные меры в системе предупреждения преступлений в США и Великобритании: понятие и классификация // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. – 2018. – № 1. – С. 14–19. – EDN XNOLSX.

Курсант Воронежского института МВД России

П. А. Лебедев

Научный руководитель: М. Ю. Пучнина,

кандидат юридических наук

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НАПРАВЛЕННАЯ
НА БОРЬБУ С ПЬЯНСТВОМ И АЛКОГОЛИЗАЦИЕЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Инспектор ПДН – это уполномоченный сотрудник полиции, призванный исполнять свои обязанности в рамках правового поля Российской Федерации по профилактике правонарушений несовершеннолетних детей, выявлению законных представителей, ненадлежащим образом оказывающих должное воспитание ребенка. Ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания. Также необходимо добавить, что для нормального существования и жизнедеятельности детей семья должна обеспечивать их материально.

Задача инспектора по делам несовершеннолетних не сводится к простому констатированию факта нарушения со стороны подростка, употребления им алкоголя или наркотиков. Одна из основных функций инспектора – завоевать доверие подростка, наладить контакт, в том числе и на перцептивном уровне, и объяснить, что именно он может помочь как в непростой жизненной ситуации, так и в принятии правильного решения. Необходимо донести до несовершеннолетнего, что употребление алкоголя и наркотиков не только не решит его психологические трудности, но и усугубит их, вызовет ухудшение здоровья и может привести к ответственности перед законом Российской Федерации [1].

Вследствие чего, подростку, ставшему взрослым, будет достаточно сложно реализовать себя в качестве полноценного гражданина. Ведь наличие категории судимости или уже реализованных административных наказаний (даже если истекли сроки давности) уже запятнали историю подростка, которому необходимо будет доказать, что оступившийся человек имеет право на второй шанс, а это сделать достаточно трудно. Часть этой деятельности реализуется в рамках психологии, педагогики. Следовательно, каждый инспектор подразделения по делам несовершеннолетних, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, также сотрудники, служащие в учреждениях закрытого типа, предназначенных для несовершеннолетних, центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в рамках дополнительного профессионального образования должны знать азы педагогики и психологии. Подобные требования обусловлены тем, что сотруднику органов внутренних дел особенно важно, исходя из

психофизиологических особенностей несовершеннолетнего, выбрать адекватные методы педагогического воздействия в каждой конкретной ситуации.

Что касается мер противодействия негативным социальным факторам, то поскольку, как мы уже отмечали выше, одним из негативных социальных факторов, способствующих совершению преступлений, является алкоголизация населения, проанализируем, каким же образом может осуществляться борьба с ней. Во-первых, необходимо выработать комплекс мер антиалкогольного просвещения и воспитания, направленных на изменение стереотипов времяпровождения. Данная деятельность должна осуществляться правоохранительными органами, социальными и медицинскими работниками, педагогами [2]. Помимо этого необходимо совершенствовать законодательную базу, регулиующую запреты на продажу алкогольной продукции. Одного лишь формального запрета на реализацию спиртного в определенные часы или несовершеннолетним недостаточно: необходимо следить за его соблюдением и обеспечивать неотвратимость наказания в случаях нарушения.

Исходя из вышеизложенного, выделим ключевые задачи подразделения по делам несовершеннолетних:

- осуществление индивидуально-профилактической работы с подростками, а также с родителями и другими законными представителями, не выполняющими обязанностей по воспитанию, обучению или содержанию несовершеннолетних;

- выявление лиц, которые вовлекают подростков в преступную или иную противоправную и антиобщественную деятельность или склоняют их к суицидальным поступкам.

Повышение эффективности в решении задач, которые стоят перед сотрудниками ПДН ОВД, во многом зависит от качества правового регулирования, своевременного внесения поправок в нормативно-правовую базу, либо издание новых законов, исходя из потребностей общества и появления новых общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслов М. М., Польшиков А. В. Пьянство и алкоголизм как ключевые факторы подростковой преступности в современной России // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. – 2023. – № 1(10). – С. 31–38.

2. Польшиков А. В., Мальцев Е. П. Проблемы взаимодействия сотрудников ПДН ОВД и педагогов школ в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. – 2021. – № 3. – С. 125–130.

Слушатель Воронежского института МВД России

Н. Р. Логунов

Научный руководитель: Е. П. Новикова,

кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

В современной России проблема самоубийств достигла масштабов национальной эпидемии. Годовой средний показатель самоубийств – 48 814 случаев, что составляет примерно 2,2% от общего числа смертей. Показатель самоубийств в нашей стране в 2,5 раза превышает средний мировой уровень, составляя 34 случая на 100 тыс. человек в год. Кроме того, самоубийства в России характеризуются наложением на неблагоприятный демографический фон, высоким уровнем случаев среди несовершеннолетних и трудоспособного населения, предрасположенностью к самоубийствам у мужчин, а также отсутствием результативных профилактических мер.

Совокупность самоубийств включает в себя также случаи, связанные с совершением насильственного преступления, предусмотренного ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) «Доведение до самоубийства». При этом число доведений до самоубийства, не зарегистрированных и не установленных правоохранительными органами, по данным отдельных специалистов, на порядок превышает официальную статистику в отношении уголовных дел, возбужденных по данной статье.

Выбор суицидного решения и прерывание собственной жизни часто обусловлены депрессивными проявлениями, которые не всегда связаны с аффективными расстройствами. Определенная связь между суицидным поведением и наследственностью может быть рассмотрена только в контексте такого понимания. Причина – это явление, которое стимулирует появление другого явления и служит основанием для его возникновения. Следовательно, причина – объективное существующее явление, вызывающее другие.

Самоубийство – это всегда только осознанное волевое лишение себя жизни. Решение о совершении самоубийства принимает само лицо. При этом человек не только сам осознанно принимает решение об уходе из жизни, но и самостоятельно доводит его до конца.

У мужчин случаи самоубийства происходят в семь раз чаще, чем у женщин. Женщины чаще совершают суицидальные попытки – в четыре раза больше, чем мужчины. При наличии серьезных заболеваний, женщины чаще совершают суицид, чем мужчины. Симптомы депрессии у лиц, которые сталкиваются с суицидальными действиями, почти в восемь раз превышают численность обычных людей. Различные расстройства, такие как аффективные расстройства, биполярные расстройства, шизофрения, а также

панические и фобические расстройства, связанные с поражением головного мозга, сопровождаются высоким риском самоубийства [1].

Подростки, обнаруживающие признаки депрессии и одновременно, по их мнению, переживающие тяжелые потрясения или личностные кризы (в школе, в любовных отношениях или в спорте), относятся к группе с высоким суицидальным риском. По результатам многочисленных исследований, основные причины суицидального поведения – внутрисемейные конфликты (70%) и проблемы с лицами противоположного пола (15%).

Рассмотрим характеристику современного преступника. Согласно статье 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовная ответственность за такие действия возлагается на физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста к моменту совершения преступления [2]. Важно отметить, что доведение до самоубийства может осуществляться не только одним человеком, но и группой (двумя, тремя или более). В таких ситуациях все участники несут ответственность за свои поступки согласно установленным нормам.

Таким образом, можно сделать вывод, что в России сегодня наблюдается чрезмерно высокий уровень самоубийств, что свидетельствует о неэффективности принимаемых мер по предотвращению суицидов. «Отечественное» самоубийство преимущественно затрагивает трудоспособную часть мужского населения и оказывает влияние на будущее страны, поскольку подростки становятся жертвами этой трагедии. Это является реальной угрозой для общества и государства в условиях неблагоприятной демографической ситуации. Особое внимание следует уделять правовым аспектам в деятельности по предупреждению самоубийств, поскольку суицид-профилактические меры могут быть более эффективными при соответствующем законодательном обеспечении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахманов Р. Самоубийство и российское уголовное законодательство // Человек: Преступление и наказание. – 2000. – № 3. – С. 54–56.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25.
3. Алиев И. А. Актуальные проблемы суицидологии. – Баку : Элм, 1987. – 125 с.

Слушатель Воронежского института МВД России

А. К. Мергенов

Научный руководитель: В. С. Прохонов

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В современных криминологических исследованиях виктимология рассматривается как совокупность социально значимых и специализированных мер, которые реализуются государством и обществом с целью воздействия на виктимное поведение. Это включает в себя стремление устранить, нейтрализовать или снизить факторы, способствующие виктимизации. Проблемы создания эффективной системы виктимологической защиты и безопасности жертв преступлений до сих пор остаются недостаточно исследованными. В последние десять лет, правовые основы этого направления активно формируются компетентными государственными органами, внимание ученых также повышено к данной теме. Особенно явно это проявляется в области научных исследований, посвященных виктимологической помощи, предоставляемой жертвам преступлений. Несмотря на то что в правовых актах уже существуют достаточно проработанные механизмы поддержки отдельных категорий жертв, общее количество научных работ, посвященных этой теме, остается достаточно скромным.

Развитие как теоретических, так и практических аспектов виктимологии требует обновления подходов к проблеме. Важно учитывать динамические изменения в виктимологической теории и социальной практике, что поможет формировать более адекватные модели влияния на преступность. Совершенствование виктимологического законодательства может способствовать более точному отражению текущих реалий и обеспечению эффективной защиты для уже пострадавших и потенциальных жертв. Это требует комплексного подхода, включающего в себя не только научные исследования, но и активное сотрудничество между различными государственными и негосударственными структурами, работающими в области правовой защиты и социальной помощи жертвам преступлений.

Таким образом, важность создания относительно полноценной системы виктимологической помощи становится особенно актуальной в контексте современного политического и социального климата. Необходимость в новом понимании виктимологических процессов служит основой для дальнейшего исследования и развития эффективных методов вмешательства и поддержки жертв, что в итоге окажет положительное влияние на снижение уровня преступности и улучшение жизней людей, столкнувшихся с насилием и другими преступлениями. На сегодняшний день в области научной виктимологии отсутствует четкая теория, хотя получено название —

виктимологическая реабилитация жертв преступлений. Это название точно отражает криминалистическую и виктимологическую природу данного направления науки и перспективной социальной практики. В этой связи возникает необходимость научного обоснования нового подхода виктимологического воздействия на преступность, а также создание основного перечня вопросов, составляющих его предмет. Среди наиболее гуманистичных методов противодействия преступности российские эксперты выделяют виктимологическую профилактику, которая тесно связана с криминологической теорией предотвращения правонарушений и ее практическим применением. В свое время специалисты отмечали, что виктимология не только предоставляет необходимый фактический материал для борьбы с преступностью, но также имеет цель обогатить средства профилактики новыми возможностями, что связано с более глубоким пониманием защитных ресурсов жертв и обстоятельств, приводящих к причинению им вреда [1].

В связи с этим выдвигается предположение, что виктимологическая профилактика является специализированным направлением системы криминологической профилактики. Такое мнение заслуживает одобрения и поддержки, поскольку она действительно выступает лишь одним из видов криминологической профилактики, связанных с воздействием на виктимологическую ситуацию и поведение потенциальной жертвы.

Более того, акцент на виктимологической профилактике позволяет задействовать межведомственные ресурсы – от правоохранительных органов до социальных служб – для комплексной защиты уязвимых групп. Она способствует формированию проактивных программ обучения населения навыкам личной безопасности и распознаванию рискованных ситуаций, что снижает вероятность виктимизации. Наконец, укрепляя законодательные и институциональные механизмы поддержки, государство демонстрирует готовность не только реагировать на совершённые преступления, но и эффективно предупреждать их, тем самым повышая общий уровень общественной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егерев И. М., Клавденко И. А. Актуальные проблемы современной виктимологии // Вестник Академии управления и производства. – 2023. – № 5. – С. 138–144.

ПСИХИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ В ПРЕСТУПНОМ НАСИЛИИ

В структуре насильственной преступности, согласно результатам исследования М. А. Казаряна, значительную долю (57%) составляют деяния, совершенные лицами с психическими отклонениями, не исключающими вменяемости [1]. А. Голенков отмечает, что в ряде регионов эта доля среди подвергшихся экспертизе достигает 46,7%, из которых 7,7% признаются невменяемыми [2]. Эта категория преступников демонстрирует повышенную склонность к повторным преступлениям (59%) и характеризуется низким уровнем контроля поведения, что усиливает криминологическую значимость проблемы [1]. Несмотря на официальное снижение общего числа насильственных преступлений, высокий уровень латентности случаев свидетельствует о реальной недооценке масштабов явления [1].

Психические аномалии в криминологии рассматриваются как расстройства, не достигающие уровня психоза и не исключающие вменяемости [3; 4]. Наибольшую криминологическую значимость среди таких нарушений представляют алкоголизм, наркомания, психопатия и легкие формы умственной отсталости. Они провоцируют агрессию, импульсивность и снижение поведенческого контроля [3; 5]. Эти расстройства сопряжены с социальной дезадаптацией, что также повышает вероятность насильственного поведения. У таких индивидов отмечаются резкие эмоциональные колебания, раздражительность, вспышки гнева и неадекватные реакции на внешние стимулы [5]. Они нередко совершают насильственные деяния внезапно, без предварительного замысла, а также в условиях опьянения. Помимо склонности к импульсивному поведению эти лица могут выступать инициаторами групповых преступлений, демонстрируя доминирующее поведение, особенно в случае психопатических расстройств [1]. Агрессия при этом редко развивается изолированно: внешние условия играют роль катализаторов. Насилие часто формируется в ответ на хронические фрустрации, вызванные социальной изоляцией, бытовыми конфликтами и неспособностью реализовать личные цели [6]. По данным анализа, большинство эпизодов насильственных преступлений совершается в близких социальных связях — среди родственников, соседей и знакомых [1]. Именно в этих сферах проявляется виктимологическая уязвимость: жертвы не всегда случайны, их поведение может провоцировать конфликт, усиливая реактивные механизмы у лиц с нестабильной психикой.

Учитывая многообразие форм и проявлений психических аномалий, профилактика насильственного поведения требует отхода от универсальных

шаблонов. Подход к таким лицам должен строиться на индивидуальных оценках, а не на общей категории «психически нестабильных». Следовательно, модель профилактики должна быть междисциплинарной: соединять правовые, медицинские, педагогические и социальные практики. Необходимо и содействие – помощь в социальной ориентации, трудоустройстве, формировании коммуникативных навыков и позитивной самооценки [4; 5].

Таким образом, психические аномалии не определяют насильственное поведение напрямую, но придают ему устойчивость в условиях социальной нестабильности. Они действуют как катализаторы, снижая уровень саморегуляции и повышая восприимчивость к внешним раздражителям, особенно в сочетании с семейными или средовыми конфликтами. Криминология, ориентированная на выявление закономерностей девиантного поведения, должна исходить из междисциплинарного анализа, учитывая психофизиологические особенности личности и структуру ее социальных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казарян М. А. Анализ насильственных преступлений, совершаемых лицами, имеющими психические аномалии // Вестник Воронежского института МВД России. – 2011. – №. 1. – С. 83–86.
2. Golenkov A. et al. Forty-year study of rates of homicide by people with schizophrenia and other homicides in the Chuvash Republic of the Russian Federation // BJPsych Open. – 2022. – Т. 8. – №. 1. – С. 1-6.
3. Гайсина Э. М. К вопросу о криминогенности психических аномалий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-2. – С. 283–286.
4. Шуточкина А. С., Фастович Г. Г. Влияние психических аномалий на преступное поведение личности / / Universum: экономика и юриспруденция. – 2019. – №. 5 (62). – С. 21-23.
5. Ашхотова Л. А. Особенности предупреждения преступлений, совершаемых лицами с дефектами психики // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2020. – №. 4. – С. 355–357.
6. Кейдунова Е. Р. Детерминация и основные направления предупреждения насильственных преступлений // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2014. – №. 5 (183). – С. 85–88.

Слушатель Воронежского института МВД России

Е. С. Никитина

Научный руководитель: И. А. Кравцов,

кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПРОФИЛАКТИКИ ХИЩЕНИЙ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Процесс цифровизации стал неотъемлемой частью эволюционного развития не только в рамках правоотношения отдельно взятого государства, но и на уровне международного права. Данный процесс наиболее ярко выражен как во внутренней экономической деятельности Российской Федерации, так и во внешней при взаимодействии с другими странами в условиях международных договоров. Изменения в российском и международном праве в сфере денежного обращения объясняется в первую очередь высокими темпами перехода экономики в цифровую плоскость, где разработка и внедрение цифровой валюты как национального средства платежа выступает одним из востребованных и приоритетных направлений, а также способствует развитию информационно-платежных технологий.

Цифровой рубль как разновидность цифровой валюты был утвержден Федеральным законом от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Исходя из положений, установленных названным Федеральным законом, цифровой рубль – это разновидность безналичных денег, а расчеты цифровыми рублями – легальный способ платежей. С 1 августа 2023 года началось тестирование системы, которую впоследствии масштабируют на территории Российской Федерации как для юридических, так и для физических лиц. Цифровой рубль является разновидностью цифровой валюты и соответствует ее критериям.

В связи с зафиксированным ростом преступлений, направленных на хищение денежных средств у граждан Российской Федерации, представляется обоснованным рассмотреть вопрос о некоторых профилактирующих мерах, которые необходимо проводить с населением для минимизации хищений потенциально нового средства платежа, а именно цифрового рубля, а также криптовалюты, которая в соответствии с законодательством России признается имуществом.

Хищение цифровой валюты является новейшим преступлением, которое представляет повышенную общественную опасность для экономики Российской Федерации, поскольку цифровой рубль на данный момент находится в пилотном тестировании. Однако можно сделать вывод, что если криптовалюта как разновидность цифровой валюты является предметом хищения, то в перспективе хищения цифрового рубля также будут совершаться. Полагаем возможным предотвратить это, поскольку одной из задач профилактики является предотвращение совершения преступлений [2]. Для

обеспечения безопасности юридическим лицам стоит использовать разные системы, которые должны гарантировать успешное ведение интернет-коммерции без каких-либо угроз для обеих сторон операций.

Наиболее распространенный в этом плане способ – шифрование данных. Преимущественно используется SSL (Secure Socked Layer), ставший за короткий промежуток времени, по сути, обязательным в интернет-торговле. При осуществлении перехвата информация автоматически блокируется шифром, который хоть и возможно взломать, но лишь в течение длительного срока. Но при всех его преимуществах, протокол не в состоянии уберечь частную информацию, содержащуюся на сервере продавца, поскольку там уже информация находится в расшифрованном виде, а потому необходима и детальная защита самого сервера.

Цифровая валюта должна быть оснащена современными мерами безопасности, которые бы максимально возможно снизили угрозы их незаконного использования. Должна осуществляться популяризация применения цифровой валюты вместе с повышением финансовой грамотности населения. В качестве технических криминологических мер предлагается разработка системы мер противодействия анонимности, состоящая в массовом внедрении технологии «Интернет-паспорта».

ЛИТЕРАТУРА

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.05.2025).

2. Шнейдерова Д. И. Противодействие использованию цифровой валюты в процессе совершения хищений // Академическая мысль. – 2019. – №1 (6). – С. 12–18.

Слушатель Воронежского института МВД России

Д. А. Парченко

Научный руководитель: А. В. Польшиков,

кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИКОВ

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, всего в нашей стране было зарегистрировано (см. таблицу).

год	число преступлений, предусмотренных ст. 229.1 УК РФ	число выявленных преступников, совершивших такие деяния
2012	1 521	433
2013	2 165	780
2014	1 902	709
2015	1425	548
2016	1177	453
2017	975	342
2018	900	366
2019	742	263
2020	552	183
2021	875	181
2022	501	193
2023	428	200
2024	497	190

В отличие от традиционных имущественных преступлений или насильственных деяний, где снижение статистики обычно отражает улучшение криминогенной обстановки, динамика наркопреступлений формирует «криминологический парадокс». Уменьшение количества выявленных фактов может свидетельствовать не о позитивных изменениях в наркоситуации, а о снижении эффективности деятельности правоохранительных структур.

Особую тревогу вызывает развитие теневого сегмента интернета, где функционируют нелегальные маркетплейсы, организованы системы обучения «закладчиков» и распространяются методики синтеза наркотических средств из доступных прекурсоров. Эти факторы объективно затрудняют выявление преступлений, создавая иллюзию стабилизации.

Снижение регистрируемых показателей обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. «Технологическая трансформация» наркоторговли, связанная с переходом в цифровое пространство, позволила преступным группам использовать анонимные сети и криптовалюты, минимизируя риски идентификации. Одновременно отмечается «дефицит кадровых

ресурсов» в правоохранительной системе: к 2024 году некомплект сотрудников МВД России достиг 173,8 тыс. человек, что ограничивает возможности для проведения масштабных оперативных мероприятий. Парадоксально, но рост изъятий наркотиков (в 2024 году изъято свыше 28 тонн веществ, что на 51,4% больше по статье «пересылка» и на 37,5% по «контрабанде») не сопровождается адекватным увеличением регистрации преступлений, что указывает на структурные проблемы в учете.

Несмотря на указанные вызовы и угрозы, правоохранительные органы усиливают меры противодействия контрабанде наркотиков. В 2023-2024 годах отмечен рост выявления преступлений, совершенных организованными группами (на 40%), активизировалась работа по блокировке онлайн-ресурсов (14 тыс. блокировок через Роскомнадзор) и контролю за новыми психоактивными веществами (56 видов поставлены под государственный надзор). Однако эти усилия нивелируются глобальными трендами: по данным УНП ООН, число потребителей наркотиков в мире выросло с 240 млн в 2011 году до 296 млн в 2022 году, а доступность лечения остается критически низкой.

Таким образом, снижение статистики выявленных преступлений не отражает реальной наркоситуации, требуя модернизации методик регистрации и межведомственной координации в условиях цифровизации наркоторговли.

До апреля 2016 г. функции противодействия незаконному обороту наркотиков в современной России распределялись между несколькими правоохранительными структурами, включая Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН), подразделения органов внутренних дел (ОБНОН), ФСБ, ФТС и ФСИН. Реорганизация системы, выразившаяся в упразднении ФСКН и передаче её полномочий МВД России, оказала существенное влияние на динамику выявления преступлений и эффективность противодействия транснациональному наркобизнесу в нашей стране. В 2015 г. общее количество зарегистрированных наркопреступлений достигло 236 939 случаев, из которых 65,3% были выявлены подразделениями органов внутренних дел [1]. В 2016 году, после структурных преобразований, доля ОВД в общем объеме зарегистрированных преступлений (201 165) возросла до 85,6%, что составило 172 250 уголовно наказуемых деяний.

Значимым фактором, осложняющим противодействие, выступает миграция наркопреступности в цифровую среду. Традиционные схемы физического оборота психоактивных веществ активно замещаются онлайн-транзакциями через специализированные интернет-площадки [2]. Данная трансформация способствовала расширению масштабов теневой деятельности и повышению её конспиративности. На наш взгляд, в такой ситуации первостепенная задача – организация эффективной ранней профилактики нарколизма. В этой связи целесообразно рассмотреть возможность массового применения новых цифровых технологий для антинаркотического просвещения населения, включая скорейшее создание специализированных онлайн-платформ.

Кроме того, следует адаптировать положительный китайский опыт в сфере регулирования интернета, включая практику блокировки ресурсов, пропагандирующих наркопотребление, и ограничения средств анонимизации трафика, а также рассмотреть вопрос о снижении возраста уголовной ответственности за наркопреступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельник С. С. Теоретическое осмысление взаимосвязи экстремизма и наркопреступности в XXI веке // Наркоконтроль. – 2025. – № 2. – С. 23–26.
2. Кузина Л. С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 184 с.

Слушатель Луганского филиала
Воронежского института МВД России
Т. С. Перова
Научный руководитель: Э. А. Поваляев

О СУБЪЕКТЕ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Субъект как элемент состава преступления охватывает признаки, которые содержат большое количество информации, необходимой для квалификации деяния. Также субъект нередко дает возможность определить признаки объективной и субъективной стороны, а также объекта преступления.

Совокупность других элементов состава преступления позволяет субъекту определить степень общественной опасности совершенного деяния и оказывает влияние на вид и характер назначаемого виновному вида наказания. [4, с.312]. Однако юридическое значение субъекта преступления этим не исчерпывается. Именно признание субъекта элементом состава преступления имеет значение с точки зрения основания уголовной ответственности.

При вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления субъект является специальным – физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста, что закреплено в ч. 1 ст. 150 УК РФ: «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста» [5]. Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 разъясняется, что «к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления могут быть привлечены лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста и совершившие преступление умышленно» [3].

Субъективный аспект преступлений с участием несовершеннолетних формируется тремя элементами: умыслом, мотивацией и целью в виде преступления.

Вина в теории уголовного права определяется как «предусмотренное законом сознательное и волевое отношение лица к своим общественно опасным деяниям и его действиям в форме умысла или неосторожности» [4, с. 133]. Вопрос о том, какой умысел вытекает из наказуемого деяния в соответствии со статьей 150 УК РФ, является спорным.

По мнению А.А. Мысин, «преступное деяние, описываемое в ст. 150 УК РФ, может характеризоваться наличием как косвенного, так и прямого умысла» [2, с.135].

Теоретически возможно существование косвенных намерений, таких как введение лица в романтику «преступников», когда взрослый сообщает о

месте заключения несовершеннолетнего, и несовершеннолетний совершает преступление. Взрослые должны сознательно признать, что несовершеннолетний может совершать преступления, связанные с такой историей, и он может побудить его совершить преступления в этой истории, особенно если это его не касается. То есть в данном случае речь может идти только о создании условий, которые, когда они будут созданы, не вызовут причинение вреда объектам. Точно такое же участие является «причиной» преступления. Следовательно, участие в качестве причины может быть осуществлено только с прямым умыслом. В дополнение к тому факту, что участие является «причиной» преступления, у него также есть особая цель – это совершение преступления.

Также необходимо отметить, что вовлечение является особым видом подстрекательства, которое обеспечивает осуществление вовлечения в преступление исключительно при наличии прямого умысла. Подстрекательство возможна только при наличии прямого умысла, а также приводит к совершению определённых преступлений.

Мотивация и цель являются необязательными признаками и не связаны с квалификацией, они могут быть приняты во внимание при вынесении приговора, но установление мотивации является обязательным для квалифицированного состава, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ.

В основном составе преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, главной мотивацией является удовлетворение потребности в получении конкретной выгоды.

А.А. Мысин, считает что «целью взрослого лица, вовлекающего несовершеннолетнего в совершение преступления будет являться совместное совершение преступного деяния, а целью совместного совершения преступления – достижение определенного результата, например, завладение каким-либо имуществом и т. д.» [2, с.135].

Подводя итог, можно сказать, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления считается преступлением, совершённым особым субъектом – лицом, достигшим 18-летнего возраста, а субъективная сторона преступления предполагает наличие у преступника прямого умысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов М. Н. Уголовное право. Особенная часть. Часть 1. Учебное пособие. – Владимир : ВлГУ, 2020. – 617 с.

2. Мысин А. А. К вопросу о субъективных признаках вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Работы членов научного общества СЮИ ФСИН России : сборник статей. – Самара, 2020. – С. 133.

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 / СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

4. Сверчков В. В. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – С. 133.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Курсант Воронежского института МВД России

А. В. Плугина

Научный руководитель: М. Ю. Пучнина,

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Социальная инженерия активно используется в преступной деятельности. Прежде всего она используется для посягательств на конституционные права граждан, например, в случаях нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ): злоумышленники вынуждают жертв добровольно разглашать личные сведения, которые впоследствии собираются и распространяются в корыстных целях. Кроме того, социальная инженерия может играть ключевую роль при совершении диверсий (ст. 281 УК РФ), когда преступники, представившись сотрудниками техподдержки или другими «авторитетными» лицами, убеждают ничего не подозревающих людей совершать действия, ведущие к разрушительным последствиям для общественно значимых объектов.

Еще одним примером является получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1 УК РФ). Злоумышленники активно используют технику «дорожного яблока» и иные ухищрения для внедрения вредоносного программного обеспечения, эксплуатируя любопытство или неосмотрительность сотрудников, имеющих доступ к секретным данным. Когда речь заходит о посягательствах на собственность, наиболее часто фиксируются хищения в форме присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и кража (ст. 158 УК РФ). При этом методы социальной инженерии – от претекстинга до имперсонализации – позволяют преступникам втереться в доверие коллег, клиентов или обслуживающего персонала, завладеть материальными ценностями и скрыться, практически не оставляя прямых следов взлома или другого насильственного проникновения.

При применении норм уголовного права возникают проблемы при квалификации смежных составов преступлений, совершаемых посредством социальной инженерии. Так, например, необходимо отграничивать между собой такие преступления как кража и мошенничество. В целом, если рассматривать данные составы, то основные отличия заключаются в следующем: кража в контексте социальной инженерии – это получение конфиденциальных данных (персональных, идентификаторов, паролей) путем манипулирования человеком с целью выполнения им определенных действий или раскрытия конфиденциальной информации в целях дальнейшей реализации (тайного хищения со счета).

Мошенничество с помощью социальной инженерии – это хищение денежных средств с личного счета жертвы или его работодателей путем обмана и

злоупотребления доверием, получение добровольного перевода или передачи денежных средств мошеннику.

Также существуют проблемы отграничения таких составов преступлений как диверсия и террористический акт, совершаемых посредством методов социальной инженерии. Различия данных преступлений проявляются в предмете и в объективной стороне. Конкретный предмет, на который направлены действия, перечисленные в диспозиции ст. 205 УК РФ, не указан, что свидетельствует о том, что взрыв, поджог и иные действия могут быть направлены на различные объекты, не являющиеся определяющими для квалификации содеянного. Предметом же преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, выступают предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения, т.е. ограниченный круг объектов, в отношении которых могут совершаться взрыв, поджог и иные действия, квалифицируемые как диверсия [1].

Объективная сторона диверсии выражена в форме активных действий, в виде совершения взрывов, поджогов и иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, а также средств жизнеобеспечения населения, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации.

Объективная же сторона террористического акта состоит в совершении взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население, а также в угрозе таких действий, совершаемых в целях устрашения населения и подрыва государственного авторитета.

Таким образом, на основании комплексного исследования данной темы мы приходим к выводу, что анализ преступлений, совершаемых посредством социальной инженерии, должен поспособствовать разработке более четких критериев квалификации таких действий, повышению уровня правовой грамотности населения, а также адаптации законодательства к новым методам совершения преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Польшиков А. В., Демидова О. В., Кулешов А. А. Основные проблемы предупреждения террористических актов и диверсий, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2025. – № 1. – С. 195–206.

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Выбор преступного пути и последующее его продолжение определяет целый ряд криминогенных и антикриминогенных факторов. Это касается главным образом несовершеннолетних лиц, которые в силу возраста и особенностей психики наиболее подвержены влиянию окружающей среды. В период переходного возраста подростки характеризуются эмоциональностью, неспособностью критически анализировать свои поступки и поведение других людей. От того, каким образом уделялось внимание воспитанию ребенка, зависит выбор им своего поведения в будущем. Вклад в нравственное, духовное, физическое развитие ребенка формирует его психику, которая влияет на модель поведения. В этом случае стоит говорить об уже избранной девиантной модели преступного поведения под воздействием криминальной субкультуры, выбрав которую, подростку не требуется вновь делать выбор между противоправным и законопослушным поведением. Отметим, что неблагоприятная социально-экономическая обстановка в стране также оказывает негативное воздействие на поведение несовершеннолетних, а отсутствие у подрастающего поколения четких моральных установок и уважения к правовым нормам (на фоне массового распространения криминальной субкультуры) подталкивает их к совершению противоправных деяний.

В настоящее время многие семьи нуждаются в поддержке психологов и психотерапевтов, так как имеет место низкий уровень психолого-педагогической грамотности родителей, приводящий к дисфункции семьи [1]. Кроме того, жестокое обращение с детьми в семьях либо безразличное к ним отношение нередко становятся детерминантами совершения ими в последующем преступлений, в том числе и с особой жесткостью.

В качестве следующей причины можно выделить низкий уровень организации общественно-воспитательной и профилактической работы по постпенитенциарному сопровождению ранее судимых несовершеннолетних, направленной на предупреждение совершения ими преступных деяний. Это связано в большей степени с тем, что условное осуждение подростков и меры уголовно-воспитательного характера без должного контроля становятся неэффективным инструментом предупреждения новых преступлений. Исходя из данного обстоятельства, подростки приобретают чувство вседозволенности и безнаказанности. В этой ситуации не реализуется принцип неотвратимости ответственности и наказания. Отсутствие в достаточном количестве досуговых учреждений также является фактором,

способствующим совершению несовершеннолетними преступлений. Кроме того, в качестве одного из криминогенных факторов выступают морально-нравственно разрушающие несовершеннолетних результаты деятельности современных средств массовой информации, которые играют негативную роль в воспитании подрастающего поколения (напрямую в ряде случаев они являются проводником идей криминальной субкультуры) [2].

Таким образом, среди ключевых криминогенных факторов, способствующих преступности несовершеннолетних, можно выделить:

- отрицательное влияние семьи и ближайшего окружения;
- низкое качество проводимой индивидуально-профилактической работы в различных учебно-воспитательных заведениях и образовательных организациях;
- негативные кризисные социально-экономические изменения в стране;
- подмену традиционных общечеловеческих моральных ценностей и идеалов на преступные;
- низкий уровень трудовой занятости и организации досуга несовершеннолетних;
- низкий уровень безопасности в некоторых регионах;
- доступность алкоголя, наркотических и психотропных веществ;
- негативное влияние средств массовой информации и др.

Вышеперечисленные факторы преступности несовершеннолетних так или иначе под воздействием криминальной субкультуры, носителями которой являются преступники-рецидивисты, преломляются в совершение ими и повторных преступлений. Причем такие несовершеннолетние преступники-рецидивисты становятся активными носителями и распространителями криминальной субкультуры. В связи с этим возникает необходимость усиления профилактического воздействия на фактор рецидивной преступности среди несовершеннолетних, поскольку повторное совершение ими преступлений свидетельствует о недостаточной эффективности принятых более ранних воспитательно-предупредительных мер, а не только влиянии криминальной субкультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пучнина М. Ю. Предупреждение распространения криминальной субкультуры в молодежной среде // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 4(55). – С. 282–287.
2. Бабанина Д. В. Противодействие криминальной субкультуре в среде несовершеннолетних : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бабанина Дарья Васильевна. – Краснодар, 2023. – 204 с.

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ

В современном глобализированном мире пересечение государственных границ стало быстрее и проще, чем когда-либо. Одним из побочных эффектов этой мобильности считается рост числа правонарушений, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства. Тем не менее официальная статистика показывает: доля таких преступлений в общей криминальной картине невелика, а за последние пять лет их количество устойчиво снижается.

Важно понимать, что не все иностранные правонарушители имеют тесные связи с Россией. Зачастую преступления вызываются ситуативными причинами – всплеском туристического потока или проведением масштабных мероприятий. Статус мигранта человек получает, когда переезжает в Россию с намерением здесь поселиться; в таком случае его противоправные действия могут иметь более серьёзные политические, юридические и экономические последствия.

Анализ криминальной статистики позволяет проследить динамику преступности среди мигрантов. За пятилетний период изменилась структура правонарушений: вырос удельный вес краж, разбоев и ограблений. Одновременно мигранты сами нередко становятся жертвами преступлений, связанных с нелегальным трудоустройством, эксплуатацией и насилием. К примеру, число тяжких и особо тяжких деяний, совершённых иностранцами, сократилось на 2,2%; убийств и покушений – на 6,7 %; преступлений против собственности – на 6,2 %; нарушений, связанных с оборотом наркотиков, – на 12,3%. Количество преступлений, совершённых в отношении иностранных граждан и апатридов, уменьшилось на 12,4% и составило 14,1 тыс. случаев [1].

Структура миграционной преступности выглядит следующим образом: на первом месте – преступления против собственности (38,7%), где преобладают кражи. Вторую позицию занимают нарушения порядка управления (31,2%). Третью – преступления против здоровья населения и общественной нравственности (8,2%), среди которых наиболее распространено незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ). Доля преступлений против жизни и здоровья составляет 6,9%, и чаще всего речь идёт об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью [2].

На основании имеющихся данных, можно сделать вывод о негативном влиянии преступников-мигрантов на криминальную обстановку в Российской Федерации. В 2024 году было совершено 38578 преступлений мигрантами, что является более высоким показателем, чем в 2020 году

(большинство из них – 32706 преступлений – были совершены гражданами стран СНГ), при этом на 0,9% меньше по сравнению с 2023 годом (38936).

Одной из причин преступной активности мигрантов является их сложная социально-экономическая ситуация. Прибывая в Россию, они сталкиваются с проблемами поиска работы, жилья и поддержки со стороны своих соотечественников. Задержка в решении этих проблем заставляет мигрантов нарушать закон и совершать преступления ради выживания. Они также сталкиваются с языковыми и юридическими проблемами, поскольку часто не знают языка и не ознакомлены с местным законодательством. Из-за недостатка информации и языковых преград мигранты обращаются за помощью к своим соотечественникам, которые также часто не могут дать им руководство в вопросах языка и закона. Эти факты указывают на то, что существует определенная связь между мигрантами и криминалом. Однако, следует отметить, что не все мигранты являются преступниками, и важно избегать обобщений и стереотипов.

Кроме того, следует учитывать, что многие преступления в сфере незаконной миграции остаются нераскрытыми из-за ряда причин. Одна из них - недостаток точных данных о количестве мигрантов в стране, особенно учитывая нелегальное пребывание. Это затрудняет определение точного процента преступлений, совершаемых мигрантами [3].

Таким образом, при анализе преступлений, к которым причастны мигранты, необходимо уметь различать между индивидуальными преступниками и общими тенденциями криминальной активности. Каждый случай должен рассматриваться индивидуально, и нельзя преувеличивать роль мигрантов в общей криминальной обстановке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь - декабрь 2024 года – URL: <https://мвд.рф> (дата обращения 20.05.2025).

2. Саруханян М. К. Детерминанты миграционной преступности и актуальные проблемы её предупреждения // Молодой ученый. – 2024. – № 37 (536). – С. 119–121.

3. Гринько С. Д. Криминологические проблемы противодействия незаконной миграции // Право и государство: теория и практика. – 2019. – №12 (180). – С. 257–260.

Курсант Воронежского института МВД России

М. П. Сергеев

Научный руководитель: А. Н. Белоусова,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОРМЫ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Современная жизнь российского общества все более связана с цифровыми технологиями. Они проникают во все сферы жизнедеятельности. Всемирная сеть Интернет позволяет учиться, общаться, оплачивать услуги и покупки быстро и дистанционно. Число пользователей сети растет в геометрической прогрессии, а вместе с ними и количество преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий. Одной из актуальных проблем стало мошенничество в сфере инфо-телекоммуникационных технологий. С 2022 г. в России количество хищений с использованием информационных технологий неуклонно растет. Так, в 2022 г. было зарегистрировано 294409 преступлений, связанных с в 2023 г. – 510 396, а в 2024 г. – 517 722 деяний. Опасность вызывает не только стремительная динамика рассматриваемых преступлений в сфере компьютерной информации, но и недостаточной разработанностью правовых и практических механизмов противодействия этому явлению.

Мошенничество в сфере информационных технологий основывается на проникновении в личное виртуальное пространство пользователей, завлечении их личной информацией. Благодаря этому злоумышленники осуществляют различного рода информационные операции, направленные на незаконное обладание имущества в виде наличных денег, безналичных денежных средств, иных имущественных прав. Важно отметить, что мошенничество в сфере компьютерной информации не ограничивается лишь финансовыми потерями. Оно затрагивает вопросы безопасности личных данных, репутации организаций и доверия пользователей к цифровым платформам, в первую очередь, используемыми государством.

Этот сложный и многогранный феномен требует глубокого анализа и понимания для разработки более эффективных методов борьбы в современных условиях повсеместной цифровизации. В условиях постоянного развития технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и интернет вещей, мошенники находят новые способы обмана, что делает эту проблему особенно злободневной [1].

В ст.159 УК РФ мошенничество определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием. Однако в ст. 159.6 УК РФ способом совершения преступления названы такие действия, как ввод, удаление, блокирование,

модификация, иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Таким образом, обман и злоупотребление доверием вообще не названы как способы совершения данного вида мошенничества. По смыслу уголовно-правового запрета и разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» мошенничество в сфере компьютерной информации рассматривается как способ изъятия (обращения) чужого имущества, обусловленный техническими средствами и технологиями. Однако техника уголовного закона (введение новой, специальной, нормы и без ссылки на другую, основную, норму), позволяет сделать вывод, что законодатель в ст. 159.6 УК РФ сформулировал состав новой, ранее неизвестной отечественному уголовному праву формы хищения [2].

Существенной особенностью, осложняющей пресечение, выявление и раскрытие этих преступлений является наличие специфических предметов и орудий. Информационно-телекоммуникационные технологии выступают в качестве самих средств совершения не только хищений, но целого ряда преступлений, закрепленных другими главами уголовного закона [3]. Полагаем, что если компьютерные технологии, программы, глобальные и локальные компьютерные сети используются для совершения преступления, то их необходимо рассматривать как средства совершения преступлений, а компьютер и иные устройства (модем, сканер, принтер, мобильный телефон), которые применялись с целью посягательства на объект уголовно-правовой охраны – как орудие преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинов Ф. Н., Хафизова Л. С. Финансовое мошенничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия. – Москва, 2018. – 126 с.

2. Шевелева С. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности квалификации и конкуренции со смежными составами преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 229–234.

3. Бражник Т. А. Мошенничество в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. – URL: <https://papers.ssrn.com/sol3/papers>.

Курсант Воронежского института МВД России

А. С. Скачкова

Научный руководитель: Е. П. Новикова,

кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Незаконный оборот наркотиков – это глобальная угроза, от которой не застрахована ни одна страна. Этот зловещий бизнес сложно остановить, поскольку контроль за распространением и употреблением наркотиков крайне затруднен. Последствия употребления наркотиков разрушительны для здоровья, экономики и социальной стабильности. Особое беспокойство вызывает тот факт, что и подростки оказываются вовлеченными в эту преступную среду. Желая быстро заработать, они становятся курьерами, распространяющими «закладки», не понимая, что из-за своей наивности и неосведомленности совершают серьезные преступления.

10 апреля 2025 года в СМИ выступила Ирина Волк, официальный представитель МВД РФ, с статистикой роста подростковых наркопреступлений. Она сообщила, что с 2022 года в России данные преступления выросли в 1,8 раза, при этом число преступлений, связанных со сбытом наркотиков, совершенных подростками, увеличилось в 2,4 раза. Это наглядный пример того, что данное преступление стремительно набирает обороты.

С развитием интернета и внедрением новых технологий растет и число преступных действий в этой среде. Так подростки, хорошо ориентированные в информационно-телекоммуникационной сети, получают информацию о разной нелегальной работе, в том числе о размещении наркотических средств в тайники. Подростки все чаще ведутся на красочные рассказы неизвестных лиц, которые склоняют к криминальной деятельности. Взрослые злоумышленники связываются с несовершеннолетними через мессенджеры, теневой интернет и трафареты на зданиях, обещая им легкие деньги за работу курьером, и с помощью психологических приемов убеждают в том, что они смогут избежать уголовного наказания, так как они не достигли возраста, предусмотренного для наказания. Из-за незнания законов дети верят. Взрослые злоумышленники не останавливаются на этом, они требуют у детей фото документов. Тем самым получая заветный инструмент шантажа, запугивания. Следственная практика установила, что подростки ведутся на общения в независимости от дохода, уровня достатка и социального положения близких. Их цель – получение материального вознаграждения.

К сожалению, несовершеннолетние становятся жертвами не только незнакомых лиц в мессенджерах, но и, что особенно страшно, влияния

собственных родителей или старших товарищей. Эти люди, злоупотребляя доверием подростков, навязывают им ложные представления о преступной жизни, идеализируя ее и выдавая за перспективный бизнес. Существует много примеров вовлечения подростков в употребление наркотиков, шокирующих своей жестокостью, например, когда их сознательно подсаживают на иглу, чтобы сделать зависимыми от наркобизнеса.

Существенная проблема заключается в том, что трудно выявить случаи, когда несовершеннолетних используют в качестве орудия для совершения наркопреступлений. Из-за этого взрослые преступники часто уходят от ответственности, а уверенность в своей безнаказанности делает их еще более опасными. Они, используя свой опыт, навыки и методы конспирации, бессовестно расширяют масштабы своей преступной деятельности, вовлекая все больше детей в оборот наркотиков.

Для защиты подростков от криминального влияния необходимо, чтобы родители и педагоги наладили систему регулярных бесед, в ходе которых разъясняли бы опасность наркотиков, предостерегали от мошеннических уловок в интернете и подробно рассказывали об уголовном наказании за преступления, связанные с наркотиками и мошенничеством.

Таким образом, наркопреступность несовершеннолетних граждан трудно выявить, иными словами имеет высокий уровень скрытности. Применяя специальные методы изучения скрытых преступлений, криминологические исследования выявляют тревожную тенденцию к дальнейшему распространению наркопреступности среди несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаева Л. А. Правовые аспекты борьбы с незаконным оборотом наркотических средств : учебно-методическое пособие для бакалавров.— Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. – 73 с.
2. Миронченко С. Ю. К вопросу о правоприменительной практике с учетом законодательных изменений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 34. – С. 51–59.
3. Радькова Л. С. Участие несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017.—№ 16.— С. 131–142.

Слушатель Воронежского института МВД России

М. Н. Ткаченко

Научный руководитель: Е. А. Буданова,

кандидат юридических наук, доцент

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время преступность с использованием сети Интернет, реализация которой происходит через применение социальных сетей, мессенджеров, электронных почт и иных цифровых инноваций, имеет место и при совершении преступлений против половой неприкосновенности. Наиболее высокую опасность они представляют в случаях совершения преступления против несовершеннолетних, что обусловлено их возрастном, психической и эмоциональной нестабильностью.

Среди преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, которые могут быть совершены с применением ИТТ или использования сети Интернет, следует отметить такие деяния, как «Понуждение к действиям сексуального характера» и «Развратные действия» (ст. 133 и ст. 135 УК РФ).

Для реализации преступных действий, предусмотренных ст. 133 и ст. 135 УК РФ, виновное лицо использует разнообразные каналы передачи электронных сведений, среди которых стоит выделить следующие: социальные сети, электронная почта, мобильные приложения (мессенджеры) Viber, WhatsApp, Telegram, сайты знакомств (PINK, Mamba и др.), чаты сексуальной направленности (ChatRoulette, Coomeet, iSexyChat и т.д.).

В случаях если злоумышленник хочет совершить преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, он самостоятельно осуществляет поиск жертвы на сайтах или социальных сетях, добавляет потенциального потерпевшего в друзья, пытается сблизиться с ним через коммуникацию. Когда преступник сближается с жертвой, узнает его тайны, информацию о личной жизни, то он переходит на этап совершения преступления с помощью сексуальной коммуникативной активности.

Одной из новых форм сексуальной эксплуатации детей является груминг, под которым понимаются действия или специфическое поведение, применяемое для установления эмоциональной связи с несовершеннолетним, не достигшим возраста половой свободы. Основной целью сексуального груминга является получение материалов эротического и порнографического характера, с целью их дальнейшей продажи или осуществления шантажа ребенка. Например, злоумышленник создает аккаунт в социальной сети, на котором размещает информацию об открытии модельного агентства и наборе его участников, делая массовую рассылку объявления

через личные сообщения детям. Главным условием для поступления в модельную школу является прохождение конкурса моделей, который заключается в обнажении подростка перед камерой.

Шантаж начинается после получения первых материалов – детей заставляют совершать развратные действия на камеру (показывать половые органы, осуществлять мастурбацию), высылать новые фотографии интимного характера, склонять к совершению полового контакта вживую, под угрозой распространения ранее полученного материала среди знакомых и родителей несовершеннолетнего.

Ведение интимной переписки и обмен сокровенными фотографиями и видеоизображениями между совершеннолетним лицом и подростком в возрасте от 12 до 16 лет в сети Интернет, направленные на удовлетворение сексуального влечения первого или призванного пробудить сексуальное возбуждение у несовершеннолетнего, признаются развратными действиями, и должны квалифицироваться по ст. 135 УК РФ.

В случае, когда виновный стал шантажировать лицо, под угрозой распространения имеющихся фотографий или видео, склоняя его к половому сношению, мужеложству, лесбиянству и иным действиям сексуального характера, содеянное будет квалифицироваться по п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ.

Так, Н. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, по факту того, что с 2023 по 2024 год он понуждал свою несовершеннолетнюю ученицу к половому сношению, шантажируя ее тем, что в случае не реализации последнего, он исключит ее из Федерации спортивной акробатики, с дальнейшим недопущением к тренировочной деятельности. Все действия, связанные с шантажом потерпевшей, происходили в социальной сети «ВКонтакте».

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ проявляется через понуждение лица к совершению половых сношений, мужеложству, лесбиянству и иных действий сексуального характера. Наиболее распространенным способом понуждения в сети Интернет является шантаж, который может сопровождаться материальной или иной зависимостью жертвы от злоумышленника.

Понуждение к действиям сексуального характера с использованием сети Интернет будет считаться оконченным с момента выражения в любой форме посредством ИТТ или сети Интернет требования независимо от наличия согласия или отказа несовершеннолетнего совершить такие действия, либо их реального осуществления.

В заключение, считаем, что целесообразно внести изменение в ст. 135 УК РФ, дополнив часть 3 особо квалифицирующим признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или сети Интернет».

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2025. – С. 88.

Курсант Воронежского института МВД России

М. К. Третьяков

Научный руководитель: Е. П. Новикова,

кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВИЧ-инфекция остаётся актуальной проблемой: в 2025 году с вирусом живут более 39,9 млн человек. Благодаря улучшению доступа к антиретровирусной терапии, смертность от СПИДа постепенно снижается, однако значительное число инфицированных всё ещё не осведомлены о своём статусе. В связи с распространением ВИЧ международное сообщество и национальные правительства начали предпринимать активные шаги по его правовому регулированию. История правового оформления борьбы с ВИЧ-инфекцией включает развитие законодательных норм, направленных на предотвращение распространения вируса, защиту прав инфицированных и повышение ответственности за заражение.

В СССР борьба с ВИЧ началась ещё в 1985 году, а в 1987 была введена уголовная ответственность за заражение. Однако законодательство оперировало понятием «СПИД», не охватывая все случаи заражения. Ситуация изменилась с принятием в 1995 году закона № 38-ФЗ «О предупреждении распространения ВИЧ-инфекции в Российской Федерации», установившего современное регулирование в этой сфере.

В 1996 году в новом Уголовном кодексе появилась ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией», регулирующая проблему заражения, но при этом имеющая свои недостатки. Одним из ключевых вопросов остаётся дифференциация ответственности в зависимости от стадии заболевания и характера действий виновного. На любой стадии развития вируса иммунодефицита он может быть передан другому человеку, что влечёт уголовную ответственность по ч. 2 ст. 122 УК РФ, предусматривающей более строгое наказание за фактическое заражение. Однако, если у потерпевшего выявлены лишь возбудители ВИЧ без развития самого заболевания, то в соответствии с ч. 1 ст. 122 УК РФ уголовная ответственность возможна только при наличии доказанного прямого умысла на создание опасности заражения. Применение этой нормы охватывает и такие случаи, как передача вируса от матери ребёнку через грудное вскармливание: если заражение произошло – наступает ответственность по ч. 2 ст. 122 УК РФ, если же создана лишь угроза заражения – по ч. 1 той же статьи. При этом в российской правовой теории подчёркивается, что до рождения ребёнок не признаётся самостоятельным объектом уголовно-правовой защиты, что исключает возможность привлечения матери к ответственности за заражение во время беременности. Всё это указывает на то, что действующая редакция ч. 1 ст. 122 УК РФ требует

переосмысления. Возникает необходимость её декриминализации и перевода подобных деяний в разряд административных правонарушений. Такая мера представляется оправданной, поскольку далеко не всегда имеется прямая и очевидная связь между действиями лица и наступлением реального вреда здоровью. Более того, в ряде случаев возможно ограничиться профилактическими и разъяснительными мерами, а также наложением административных санкций, что позволит учитывать степень потенциальной угрозы, умысел и характер поведения правонарушителя. При таком подходе ресурсы системы правосудия будут использоваться более эффективно, а регулирование подобных ситуаций станет гибким и соразмерным.

Примечание к ст. 122 УК РФ содержит важное положение о возможности освобождения от уголовной ответственности, если потерпевший дал согласие на действия, связанные с риском заражения. Однако законодатель не определяет чётко, что именно понимается под согласием и какие признаки оно должно содержать.

Также для обеспечения правовой определённости в примечании статьи 122 УК РФ необходимо законодательно закрепить чёткие критерии согласия потерпевшего на действия, связанные с риском заражения. Такое согласие должно быть: добровольным (без давления), осознанным (с пониманием последствий), выраженным заранее и свободным от обмана. Включение этих признаков прямо в норму закона исключит разночтения, обеспечит защиту обеих сторон и повысит точность правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2025. – С. 88.
2. Глобальная статистика по ВИЧ. Люди, живущие с ВИЧ-инфекцией. Эпидемиологические оценочные данные. – Информационный бюллетень : ЮНЭЙДС, 2025. – С. 1–7.
3. Норвартян Ю. С. Право // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия : Право. – 2016. – № 1-2 (18). – С. 1–5.
4. О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) : Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ. – <https://base.garant.ru> (дата обращения: 23.03.2025).

**Курсант Луганского филиала
Воронежского института МВД России
Д. С. Филь
Научный руководитель: А. И. Черенкова**

ПРАВО ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ: БАЛАНС ДЕМОКРАТИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Свобода собраний – это признак демократического государства. Согласно Конституции Российской Федерации, граждане России имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование [1]. Аналогичные положения отражены более конкретизировано в Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [2].

Обратим внимание, что в рамках данной нормы акцент сделан на гражданах Российской Федерации. В связи с чем возникает вопрос: имеют ли право иностранцы и лица без гражданства принимать участие в публичных мероприятиях?

В соответствии со статьей 55 Основного Закона России перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина [1]. Следовательно, предоставление упомянутой категории лиц права на участие в публичных мероприятиях не будет нарушением законодательства.

Однако насколько верным будет данное решение относительно обеспечения национальной безопасности государства?

Действительно, с развитием миграционных процессов, важность учета интересов иностранцев на публичных мероприятиях становится все более актуальной темой. Данная статья рассматривает участие иностранцев в митингах и шествиях на примере Российской Федерации и других стран.

Обратим внимание, что статья 20 Всеобщей Декларации прав человека [3] и статья 21 Пакта о гражданских и политических правах предусматривают право на свободу мирных собраний, которое принадлежит всем людям, а не только гражданам определенной страны [4].

Эффективная работа правоохранительных органов в условиях современных угроз невозможна без инноваций и реформ. Правовое регулирование участия иностранцев в митингах и шествиях существенно отличается в разных странах. В России, например, законодательство ограничивает возможности иностранцев участвовать в массовых протестах, хотя формально такое право и существует. В целом, проведение таких мероприятий разрешено, но нарушение установленного порядка может привести к

административным санкциям, применимым как к иностранным гражданам, так и к россиянам.

Французское законодательство, включая Конституцию и ратифицированные международные соглашения, обеспечивает свободу собраний для всех, кто находится в стране, вне зависимости от их гражданства. По мнению юриста Мари Клод Продром, это право является всеобщим и распространяется на каждого, кто находится на французской территории [5]. Во Франции иностранные граждане имеют право присутствовать на мероприятиях в качестве наблюдателей. Участие в организованных акциях требует от них большей внимательности к соблюдению закона. Важно помнить, что за любые правонарушения иностранцы несут ответственность наравне с гражданами Франции. Это происходит в контексте гарантии свободы собраний и объединений, закрепленной в статье 11 «Декларации прав человека и гражданина» [6]. Французское законодательство допускает участие иностранцев в мирных собраниях, но, по мнению Фердинанда Кона, запрет на участие в политических протестах создает правовые коллизии, поскольку сложно провести четкую границу между этими понятиями [7]. Полиция может использовать принцип общественной безопасности как основание для ограничений, если иностранные участники, по их мнению, могут создать угрозу для порядка.

В некоторых странах, например, в Германии, право на участие в митингах гарантируется всем, независимо от гражданства. Основной закон ФРГ обеспечивает равную защиту свободы собраний как для граждан, так и для иностранцев [8]. В качестве примера, в 2019 году, когда в Берлине проходили протесты, связанные с изменением климата, иностранные инвесторы выразили свою поддержку, участвуя в демонстрациях и демонстрируя тем самым международную сплоченность.

Участие в мирных митингах – важный аспект гражданских прав. Различия в национальном законодательстве, особенно в отношении иностранных граждан, подчеркивают необходимость гармонизации подходов на международном уровне и проведения дальнейших исследований в контексте развития народовластных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон Российской Федерации от 19.06.2004 № 54-ФЗ // СЗ РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – 5 апр.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года). – URL: <https://base.garant.ru/2540295/> (дата обращения: 22.04.2025)

5. Продром М. К. Свобода собраний и права иностранцев во Франции. – Париж : Издательство Юридического центра, 2023. – 823 с.

6. Глушков Х. С. «Декларация прав человека и гражданина» и начало современного французского парламентаризма // Вопросы всеобщей истории. – 2015. – № 2. – С. 50–60.

7. Кон Ф. «Свобода собраний и иностранные граждане во Франции: исторические перспективы и текущие дебаты». Обзор французского законодательства, 2022.

8. Основной закон Федеративной Республики Германия. Берлин, Германия : Бундестаг Германии. Федеральный вестник законов. (ред. от 28.06. 2022 года). – URL: <https://web.archive.org> (дата обращения: 20.04.2025 г.)

**Курсант Донецкого филиала
Волгоградской академии МВД России
Д. Ю. Фурса
Научный руководитель: В. П. Руденко**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ХУЛИГАНСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сегодня развитие общественных отношений позволяет сделать вывод о том, что хулиганство – это одно из преступлений, которое несёт в себе множество негативных последствий для формирования криминогенной обстановки. На практике могут возникнуть вопросы, связанные с отграничением хулиганства от смежных преступлений, что вызывает необходимость исследования данного аспекта.

Для начала целесообразно отметить, что в ситуациях хулиганских действий, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ [5], под угрозой оказывается не только общественный порядок. Считается, что подобные преступления всегда затрагивают и здоровье граждан. Право собственности и иные интересы могут также пострадать. Но основным объектом хулиганства из п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ [5] является общественный порядок, как часть общественной безопасности, а дополнительным – благополучие граждан, их достоинство и репутация. При вандализме главным объектом деяния также выступает общественный порядок [3, с. 281].

По своей манере проявления хулиганские действия имеют некоторые различные черты с организацией массовых беспорядков. Прежде всего, они проявляются в окружающей обстановке. Для деяний, подпадающих под ст. 212 УК РФ, характерна обстановка повышенной напряженности и нестабильности. Хулиганство же неразрывно связано с присутствием людей, помимо самого преступника. Это могут быть как пострадавшие, так и случайные наблюдатели. Следовательно, для хулиганских действий характерна публичность и открытость.

Представляется, что хулиганство, вандализм и массовые беспорядки, которые мы рассматриваем, объединяет общая черта – место совершения. Статья 213 УК РФ в п. «в» ч. 1 уточняет место совершения хулиганства: другие виды транспорта также подпадают под определение общественного места [5], что справедливо и для вандализма, и для массовых беспорядков.

Полагаем, что массовые беспорядки представляют собой самую серьезную угрозу для общества. Хулиганство стоит на ступень ниже по уровню опасности. Вандализм наименее опасен среди перечисленных преступлений, поскольку не влечет за собой масштабную дестабилизацию в различных областях общественной жизни, значительное количество пострадавших или нарушение работы государственных органов, что возможно при массовых беспорядках. При этом вандализм, в отличие от хулиганства и массовых

беспорядков, не подразумевает угрозы жизни и здоровью граждан [1, с. 138]. Ответственность за хулиганские действия и участие в массовых беспорядках наступает с 16-летнего возраста. Вандализм влечет ответственность с 14 лет. Эти противоправные деяния могут быть совершены как одним человеком, так и группой лиц, причём групповое совершение считаетсяотягчающим обстоятельством. Массовые беспорядки предполагают участие большого числа людей.

Для хулиганства обязательным является наличие хулиганских мотивов и конкретной цели, такой как демонстрация превосходства, вседозволенности, неуважения к общепринятым нормам, законам, правам и интересам граждан, общественным ценностям. В отличие от этого, мотивы и цели вандалов, а также лиц, организующих или участвующих в массовых беспорядках, могут быть разными. При разграничении хулиганства от вандализма и массовых беспорядков необходимо учитывать не отдельные признаки, а совокупность всех элементов состава [3, с. 285].

Хотя понятия хулиганства и вандализма часто используются как взаимозаменяемые, между ними существуют различия. Хулиганство охватывает широкий спектр правонарушений, демонстрирующих пренебрежение к общественным нормам и окружающим. Вандализм, являясь одной из форм хулиганства, заключается в осквернении объектов культуры и памятников, имеющих духовную ценность. Его основная цель – нанесение ущерба имуществу, а не причинение вреда людям [4, с. 126].

С точки зрения терминологии, хулиганство – это более широкое понятие, включающее в себя вандализм как его разновидность. Вандализм известен с древних времен, а термин «хулиганство» появился в XVIII веке. Однако российское уголовное законодательство уделяет больше внимания хулиганству, в то время как вандализм как отдельное преступление был выделен позднее. Если действия вандалов направлены на повреждение имущества, то хулиганы стремятся нарушить права и свободы граждан. Хулиганство характеризуется открытостью и демонстративностью, иначе оно теряет свой смысл, а вандализм, как правило, совершается тайно, поскольку его цель – причинение ущерба имуществу [2, с. 259].

Подводя итог, важно отметить, что понятие «хулиганство» нередко ошибочно отождествляют с вандализмом, однако оно охватывает более широкий спектр деяний, представляющих собой грубое нарушение общественного спокойствия.

Объектами хулиганских действий могут быть:

- причинение вреда здоровью человека;
- посягательство на честь и достоинство личности;
- вызывающее пренебрежение к общепринятым нормам поведения.

Ключевым отличием хулиганства от вандализма является демонстративный характер первого. Вандал может действовать тайно, преследуя цель уничтожения или осквернения имущества, а не нанесения вреда

конкретным лицам. Поэтому мы считаем, что вандализм является частным случаем хулиганства, не исчерпывает его. Но массовые беспорядки представляют собой самую серьезную угрозу для общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Х. К. К вопросу о дифференциации вандализма в российском уголовном и административном законодательствах // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 137–140.

2. Быкова К. А. Актуальные проблемы законодательной регламентации хулиганства // Устойчивое развитие науки и образования. – 2019. – № 4. – С. 257–259.

3. Лепина Т. Г. Отграничение хулиганства от вандализма и массовых беспорядков по отдельным признакам состава преступления // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 279–287.

4. Степановская А. Г. Хулиганство, как форма противоправного поведения // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XXIV межд. науч.-практ. конф., Пенза, 25.11.2019 г. – Пенза : Наука и Просвещение. – С. 123–126.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13.12.2024 № 467-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 527.

Курсант Воронежского института МВД России

М. Д. Храмченко

Научный руководитель: Е. П. Новикова,

кандидат юридических наук, доцент

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА: ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ СРЕДИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

Концепция государственной измены, закрепленная в статье 275 Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ), приобрела свои нынешние очертания с момента вступления в силу УК РФ 1996 года. В редакции Кодекса от 21.04.2025 данное преступление определяется как действия, совершенные гражданином РФ шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством РФ, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности РФ. Эта формулировка диспозиции статьи оставалась без изменений с 12 ноября 2012 года. Однако, актуализация угроз в контексте меняющейся внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановки обусловила внесение корректировок. Вследствие этого был принят Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 260). Он дополнил объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ новым деянием, ранее не охватывавшимся диспозицией данной нормы. Речь идет о «переходе на сторону противника». Одновременно с расширением перечня преступных действий в первой части статьи, законодатель включил в статью примечание 1, содержащее уточнение этого действия. Согласно данному примечанию, переход на сторону противника означает участие лица в составе сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации непосредственно противостоящих Российской Федерации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники».

Несмотря на все последние изменения, ст. 275 не содержит указания на специальный субъект, что, в свою очередь, создает правовую неопределенность и разграничения к привлечению к уголовной ответственности. Подобный вопрос касается государственных служащих, которые имеют особый статус, доступ к информации, содержащую государственную тайну, в

зависимости от их профессиональной деятельности и должностных обязанностей. Подобное преступление, совершенное лицом, находящимся на государственной службе, расценивается как подрыв авторитета государства и общественного доверия.

Актуальность данного аспекта подтверждается появлением в последние годы сообщений о случаях государственной измены, фигурантами которых становятся, например, курсанты ведомственных учебных заведений, представляющие собой будущий кадровый резерв государственных структур. Так, резонансное дело бывшего курсанта Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища. Приговорили курсанта к 12 годам лишения свободы за государственную измену в форме шпионажа, что демонстрирует возможность совершения данного преступления, лицом, еще не завершившим свое обучение, но уже имеющим доступ к определённой информации или участвующим в деятельности, представляющей интерес для иностранных разведок. Другой пример связан с курсантом военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, который, по сообщениям, разработал программу для обхода защищенной инфраструктуры Минобороны. Попытка продажи данной программы, пресечена сотрудниками ФСБ, потенциально может быть квалифицирована как государственная измена в форме оказания иной помощи иностранному государству, направленной против безопасности РФ. В данном случае рассматривается также возможность квалификации по статье 272 УК РФ, что подчеркивает многоаспектность подобных деяний, находящихся на стыке государственной измены и киберпреступности, особенно когда субъектом выступает лицо, имеющее доступ к специализированным знаниям и технологиям.

Таким образом, мы можем видеть, что особую уязвимость помимо государственных служащих представляют лица, проходящие подготовку в специализированных ведомственных образовательных учреждениях. Будучи будущей заменой нынешним кадрам, данные лица требуют повышенного внимания со стороны государства с превентивной стороны. Поэтому требуется совершенствование действующей ст. 275 УК РФ применительно к лицам, являющимся госслужащими и обладающим специальными познаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2025. – 400 с.

Слушатель Воронежского института МВД России
К. С. Чернышова
Научный руководитель: Е. П. Новикова,
кандидат юридических наук, доцент

ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА КАК ДЕСТРУКТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ, СОВЕРШАЕМОЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

На сегодняшний день в условиях современных реалий и развития информационно-коммуникационных технологий свой пик популярности набирает такое социально опасное явление, как заведомо ложное сообщение об акте терроризма, за совершение которого предусмотрена высшая юридическая ответственность – уголовная. Такое деяние криминализировано статьей 207 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), согласно которой под заведомо ложным сообщением об акте терроризма понимается заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений, оказывающее негативное воздействие на деятельность организаций и учреждений, отвлекающее внимание правоохранительных органов и иных служб, которые призваны оказывать помощь в экстремальных ситуациях, от реально имеющейся работы.

Так, рассматривая уголовно-правовую характеристику изучаемого нами феномена, важно отметить, что объектом преступления ст. 207 УК РФ является общественная безопасность.

Также может быть и дополнительный (факультативный) объект, который включает в себя общественные отношения в сфере обеспечения здоровья граждан, имущественные отношения, а также нормальной деятельности организаций, предприятий и учреждений.

К обязательным признакам объективной стороны преступления, относятся:

1. Общественно опасное деяние: такое деяние может быть выражено в передаче из хулиганских побуждений сообщения, содержащего сведения о террористическом акте, которое заведомо для лица, его передающего, является ложным.

2. Общественно опасные последствия: при передаче лицом сообщения такого рода наступают необратимые последствия, к которым относятся отвлечение и затрата ресурсов, сил и средств правоохранительных органов и экстренных служб, дезорганизация нормальной деятельности предприятий, учреждений и организаций, а также причинение вреда здоровью людей,

порождение у них чувства страха, безысходности, нервозности, паники и стресса, а также наиболее тяжкие последствия – гибель людей.

Изучая конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, следует отметить, что для ч. 1 наступление последствий необязательно – состав формальный. Но, в свою очередь, диспозиции ч. ч. 2, 3, 4 ст. 207 УК РФ подразумевают под собой наступление последствий – составы материальные.

Субъектом преступления за совершение «лжетерроризма» может быть физическое вменяемое лицо, достигшее минимального возраста уголовной ответственности – 14 лет на момент передачи информации, которая заведомо для лица, её передающего, является ложной.

Субъективная сторона заведомо ложного сообщения об акте терроризма характеризуется формой вины в виде прямого умысла, то есть лицо заведомо осознает, что совершает действия общественно опасного характера, передавая третьим лицам ложные сведения о готовящихся мероприятиях террористического характера.

Таким образом, заведомо ложное сообщение об акте терроризма представляет собой опасное деструктивное явление, посягающее на общественную безопасность, которое выражается в активных действиях, заключающихся в осведомлении третьих лиц о наступлении террористических акций (взрывов, поджогов и иных действий, причиняющих вред обществу), которые не соответствуют объективной реальности, о чем заведомо известно «лжетеррористу». Важным характерным признаком такого преступления является то, что оно совершается исключительно из хулиганских побуждений, что наиболее присуще для несовершеннолетних лиц, которые в силу своего незрелого возраста, наличия той или иной акцентуации характера, эмоциональной неустойчивости, неадекватной самооценки, подверженности негативным факторам, а именно отрицательному влиянию со стороны взрослых лиц на психическое здоровье подростка, воздействию СМИ, телевизионных программ, проявлению не доверительных отношений с родителями (попечителями, опекунами) наиболее восприимчивы к совершению противоправных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Кудрявцев В. Л. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: состав и отличие от иных смежных составов преступления // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2014. – № 1(13). – С. 168–174.

Слушатель Воронежского института МВД России

А. С. Чудаев

Научный руководитель: Е. А. Буданова,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Криминализация незаконного оборота наркотиков (далее – НОН) с использованием ИТ-технологий в рамках квалифицирующего признака (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ) обусловлена массовым изменением способов сбыта наркотических средств (далее – НС) на бесконтактные, предполагающие передачу информации с использованием ИТ-технологий. Кроме того, фактами криминализации стали: причинение такими посягательствами вреда общественным отношениям, связанным с уголовно-правовой охраной здоровья населения, установленного законом порядка оборота НС, усилением криминальности киберпространства из-за расширения масштабов распространения пронаркотической информации.

Важно обратить внимание на то, что за совершение НОН с использованием ИТ-технологий ответственность по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ установлена только за сбыт наркотических средств. Однако в судебной практике встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности за другие действия (помимо сбыта), входящие в НОН со ссылкой на использование сети Интернет, например, за производство НС. Так, Т. осужден за незаконное производство НС, совершенное с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), организованной группой, в особо крупном размере; покушение на незаконный сбыт НС, совершенное таким же способом, организованной группой, в особо крупном размере (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ).

Подобный подход является необоснованным, что подтверждается и разъяснениями, содержащимися в Обзоре судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов от 26 июня 2024 года. В п. 18 данного Обзора отмечается, что по ст. 228.1 УК РФ по признаку «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)» может быть квалифицирован только сбыт НС. Производство НС указанным признаком не охватывается.

Один из вопросов, связанных с применением п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, является разделение в тексте этой нормы электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. При этом понятие «электронная сеть» не раскрывается ни в уголовном, ни в другом законе либо ином нормативном правовом акте.

В Федеральном законе от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149) дано определение информационно-телекоммуникационной сети, под которой понимается «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники». Из приведенного определения вытекает, что применение такой сети не может осуществляться без передачи электронного сигнала, то есть без использования электронных сетей связи. Относительно понятия «электронная сеть» законодательное определение отсутствует, а это ставит вопрос о правильности его использования в уголовном законе.

На основании изложенного можно заключить, что использование в рассматриваемой норме уголовного закона термина «электронная сеть» является некорректным, излишним, лишенным смысловой нагрузки, что осложняет правоприменительную практику его применения. Целесообразно исключить слова «либо электронных». Либо, как вариант, закрепить определение понятия «электронная сеть» в ФЗ № 149, а затем его уточнить в УК РФ в виде примечания к ст. 185.3 УК РФ, либо разъяснить в Постановлении ПВС РФ от 15 декабря 2022 г. № 37.

Одна из проблем реализации уголовной ответственности связана с возникновением ситуаций, когда виновным распространяется информация о возможности приобретения НС. При квалификации содеянного требуется отграничить покушение на сбыт наркотических средств (ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ) от административного правонарушения, предусмотренного ч.1.1 ст. 6.13 КоАП РФ (пропаганда наркотических средств или психотропных веществ с использованием сети Интернет).

Под пропагандой НС в смысле ч.1.1 ст. 6.13 КоАП РФ понимается в том числе деятельность, направленная на распространение сведений о местах приобретения НС. Однако при сбыте данных средств также возможно распространение подобной информации. В большинстве случаев, это выражается в виде рекламы интернет-магазина. При возникновении необходимости отграничения исследуемого посягательства от административного правонарушения, по ч.1.1 ст. 6.13 КоАП РФ, следует исходить из того, что содеянное подлежит квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, когда у лица, распространяющего информацию о возможности приобретения НС (осуществляющего таким образом приискание покупателя), имелась реальная возможность сбыта НС (наркотики должны были быть получены от кураторов, операторов и других лиц). Если же такая возможность отсутствовала, то содеянное подлежит оценке как административное правонарушение, предусмотренное ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2025. – 400 с.

Курсант Воронежского института МВД России

Д. А. Шурухина

Научный руководитель: Е. П. Новикова,

кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН

Наказание является центральным институтом уголовного права, представляющим собой реакцию государства на совершение преступления. Цель наказания – не только кара за содеянное, но и предупреждение совершения новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами, а также исправление самого осужденного (ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ). Эффективная система наказаний является ключевым элементом функционирующей системы уголовного права. Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу систем наказаний, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации и других стран, с целью выявления общих тенденций и специфических особенностей.

Для начала будет рассмотрена система наказаний в уголовном праве Российской Федерации.

Статья 44 УК РФ закрепляет исчерпывающий перечень видов наказаний, применяемых к лицам, совершившим преступления. Система наказаний в России носит иерархический характер, где виды наказаний различаются по степени тяжести и характеру воздействия на осужденного.

В систему наказаний РФ входят: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательные работы, исправительные работы, ограничения по военной службе, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь. Последний вид наказания, как правило, не применяется, так как ст. 20 Конституции РФ закрепляет право на жизнь каждого человека, хоть и не исключает ответственность за особо тяжкие преступления.

Системы наказаний в разных странах мира отражают различные философские подходы к уголовной ответственности и имеют свои специфические особенности.

Если говорить о странах континентальной Европы (Германия, Франция, Италия), то там действует развитая система альтернативных наказаний, направленных на ресоциализацию преступника. Широко используются штрафы, условное осуждение, исправительные работы и другие меры, не связанные с лишением свободы. В этих странах смертная казнь отменена.

Страны англосаксонской правовой системы (США, Великобритания) отличаются более широким применением лишения свободы, особенно в США. Хотя в США и нет федерального уголовного кодекса в общепринятом понимании, но актом Конгресса от 25 июня 1948 года основная часть действовавшего до этого законодательства была пересмотрена, кодифицирована и включена в форме закона в раздел 18 Свода законов США «Преступления и уголовный процесс». Активно используются различные виды условного осуждения и пробации. В ряде штатов США сохраняется смертная казнь. В Великобритании также нет акта, содержащего в себе виды наказаний и ответственности за них. Уголовное право страны основано на судебных прецедентах и нормативных-правовых актах (статутах и делегированном законодательстве).

Если рассматривать Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия), которые известны своей гуманистической пенитенциарной политикой, то в этих странах приоритет отдается мерам, направленным на реабилитацию и ресоциализацию преступников. Лишение свободы применяется относительно редко и характеризуется гуманными условиями содержания. В связи с чем эти страны входят в число государств с низким уровнем преступности. Смертная казнь там отменена.

Страны Азии (Китай, Япония, Индия) представляют собой обратную картину. В Китае смертная казнь применяется за широкий спектр преступлений. Основной источник уголовного права Китая – Уголовный кодекс КНР, принятый в 1979 году и неоднократно пересматриваемый. Кроме того, важную роль играют постановления Всекитайского собрания народных представителей и судебная практика. В Японии смертная казнь также сохраняется, ее реализация происходит через повешение.

Уголовное право Индии основано на Уголовном кодексе 1860 года, действующем на территории всей Индии, включая союзные территории Джамму и Кашмир, после внесения изменений в 2019 году.

Подводя итог, хочется сказать, что как сама система наказаний, так и само уголовное право в целом в странах разное. Это определяется правящей властью в государстве, менталитетом граждан и их правосознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2025. – 400 с.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Курсант Воронежского института МВД России

К. А. Акопян

Научный руководитель: Д. П. Мальченков

ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКА ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ, ДОЗНАНИЯ И СУДА, В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из главных проблем оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации является низкая результативность методов и средств, используемых для розыска лиц, уклоняющихся от судебной ответственности.

Лицо, скрывающееся от правосудия, использует различные способы и методы уклонения, включая смену местоположения, замену документов, изменение внешности, инсценировку, скрывание в труднодоступных регионах. Также причины скрывания могут варьироваться от страха перед наказанием до злоупотребления правами и ресурсами. Всё это затрудняет работу правоохранительных органов по поиску данных лиц. Часто сотрудники сталкиваются с ограничениями в ресурсах, недостатком в современных технологиях и недостаточным взаимодействием с различными государственными структурами.

Для решения данной проблемы необходимо внедрение в подразделения правоохранительных органов современных технологий, таких как системы мониторинга и анализа больших данных, что позволит наиболее эффективно отслеживать перемещение подозреваемого, обвиняемого, а также улучшение международного сотрудничества, так как правонарушитель может скрывать за пределами своей страны. Также нужно учесть, что важным шагом является обучение сотрудников правоохранительных органов новым методам поиска и расследования преступлений.

Е. И. Замылин и А. А. Закатов считают, что уклонению обвиняемых и подозреваемых от следствия, дознания и суда способствуют ошибки при избрании меры пресечения, неполное изучение их личности, недостатки в производстве следственных действий и оперативно-розыском сопровождении по уголовному делу, неумение использовать криминалистические и оперативные учётные данные, недостатки во взаимодействии субъектов розыска и ряд иных обстоятельств [1].

А. М. Крепышев и И. А. Тимербулатов в своей научной статье рассматривают практические особенности поиска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда. Авторы приходят к мнению, что существуют проблемы в данной сфере, но прогноз в ней скорее положительный, чем

отрицательный несмотря на то, что, возможно, необходимо ввести некоторые нововведения для увеличения эффективности розыска скрывающихся лиц [2].

Также учёные отмечают, что розыскная работа требует повышения степени взаимодействия государственных органов, но на практике возникают определённые проблемы с проведением розыскных мероприятий, с распределением полномочий между следователями (дознателями), органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Считаем, что основным решением данной проблемы является не только внедрение технологий, но и изменение подхода к обучению сотрудников правоохранительных органов. Повышение правовой грамотности и навыков работы с новыми технологиями позволит им наиболее эффективно выполнять свои функции. Это важно, так как даже самые современные технологии не принесут результата без квалифицированного применения.

Примером успешного применения современных технологий в розыскной деятельности может служить опыт ряда регионов России, где были внедрены системы автоматического распознавания лиц на видеокамерах в общественных местах. Это позволило значительно сократить время на розыск скрывающихся лиц и повысить общую безопасность.

Таким образом, комплексный подход к решению проблем розыска лиц, скрывающихся от органов следствия, дознания и суда включает как внедрение современных технологий, так и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов. Это позволит более эффективно искать лиц, уклоняющихся от правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замылин Е. И., Закатов А. А. Плановость как важнейший организационное требование к розыскной деятельности следователя // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1.
2. Крепышев А. М., Тимербулатов И. А. Практические проблемы и перспективные пути решения в сфере поиска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда // Cyberleninka – 2020. – № 2. – С. 89–90. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 08.05.2025).

Оперуполномоченный отдела уголовного розыска

ОМВД России «Липецкий»

К. В. Алексеева

Научный руководитель: Д. П. Мальченков

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТОВ

Особый правовой статус адвоката как независимого профессионального защитника прав, свобод и законных интересов граждан и организаций требует специфического подхода к осуществлению в его отношении оперативно-розыскных мероприятий. Конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, профессиональной тайны и положения федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее-Закон) [1].

Наиболее чувствительными оперативно-розыскными мероприятиями в отношении адвокатов являются прослушивание телефонных переговоров и установление наблюдения. Несмотря на то что такие мероприятия допускаются в отношении любого гражданина по решению суда (ст. 186 УПК РФ), в отношении адвокатов они приобретают дополнительную правовую сложность. Любые сведения, полученные в результате прослушивания, содержащие адвокатскую тайну, не могут использоваться в качестве доказательств. Тем не менее, на практике нередки случаи, когда прослушивание применялось с целью установить круг общения адвоката или поведение вне рамок его профессиональной деятельности [2].

Опрос адвоката или получение сведений о его телефонных соединениях, местоположении, внедрение оперативного сотрудника под видом клиента сопряжены с высоким риском нарушения гарантий независимости и конфиденциальности. Закон не содержит прямого запрета на такие действия, как следствие, судебная практика в России демонстрирует необходимость более четкой регламентации подобных ОРМ. В ряде случаев суды признают материалы, добытые с нарушением адвокатской тайны, недопустимыми, однако отсутствует единообразный подход к определению пределов допустимости таких мероприятий [3].

Обязательное уведомление адвокатской палаты о намерении провести в отношении адвоката действия, затрагивающие профессиональную тайну, участие её представителя при проведении процессуальных и оперативных мероприятий, являются важнейшими гарантиями. Но, как показывает анализ обращений в Федеральную палату адвокатов, нарушения этих требований встречаются регулярно, что подрывает доверие к механизмам защиты [4].

Таким образом, проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов требует соблюдения повышенных правовых стандартов. Необходимость балансировать между задачами раскрытия преступлений и соблюдением адвокатской тайны требует строгого соблюдения формальных

процедур и устойчивой правоприменительной практики, уважающей профессиональные гарантии защитника. Усиление судебного контроля, участие представителей адвокатуры и уточнение нормативной базы являются ключевыми мерами для недопущения произвола и обеспечения справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (с изм. и доп.). – URL: <https://base.garant.ru>.

2. Алиева Г. Ш., Лошкарев А. В. Актуальные проблемы института адвокатуры в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 3. – С. 85–88.

3. Лукьянов Е. В. Основные гарантии адвокатской деятельности // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 2. – С. 130–135.

4. Хант Морган Витте Юридические гарантии законной деятельности адвокатов в уголовном процессе // Закон и право. – 2023. – № 12.

О НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПРОС»

Оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) являются неотъемлемой частью работы оперативных подразделений, целью которых является выявление и раскрытие преступлений, а также предупреждение правонарушений. Одним из самых важных и распространенных ОРМ является опрос, который требует от оперативных сотрудников не только высокого уровня профессиональной подготовки, но и учета психологических аспектов. Оперативно-розыскное мероприятие «Опрос» является важным инструментом в деятельности правоохранительных органов. Однако его эффективность во многом зависит от учета психологических факторов, влияющих на процесс взаимодействия между опрашивающим и опрашиваемым.

Опрос представляет собой сбор фактической информации, имеющей значение для решения конкретной задачи ОРД, со слов человека, который реально или вероятно обладает ею. Его можно условно разделить на три отдельных этапа: подготовку к опросу; проведение опроса и применение собранных данных для повышения эффективности борьбы с преступностью. Каждый из этапов характеризуется собственным набором задач, целей, методик реализации, а также специфическими психологическими аспектами [1].

В начале опроса, после выявления лица, располагающего необходимой информацией, необходимо изучить его психофизиологические особенности. Ключевыми аспектами являются два основных момента: определение степени причастности опрашиваемого к инциденту, по поводу которого проводится беседа, а также изучение его индивидуальных черт, включая особенности психологического реагирования на неблагоприятные и стрессовые обстоятельства.

При планировании опроса существенное значение имеет учет психологических факторов объекта, в частности, выбор подходящего места и времени для проведения беседы. Это обусловлено тем, что успешное получение информации в значительной степени зависит от окружающей обстановки. В данном случае не существует универсального подхода или шаблона. Тем не менее, важно заранее продумать сценарий встречи, максимально устранить возможные отвлекающие факторы (такие как телефонные звонки, обращения посторонних, вызовы к руководству) и гарантировать конфиденциальность разговора. Помещение для беседы должно быть лишено ярких, громких или неожиданных раздражителей, чтобы обеспечить максимальную концентрацию внимания собеседника [2].

Приступая ко второму этапу, важно учесть, что эффективность опроса во многом зависит от установления доверительного контакта между оперативным сотрудником и опрашиваемым.

Психологи выделяют несколько ключевых моментов в этом взаимодействии:

1. Эмпатия. Тактика психологического «поглаживания», проявление понимания и сочувствия может создать у опрашиваемого уверенность в том, что его проблемы воспринимаются всерьез.

2. Коммуникационная компетентность. Оперативные сотрудники должны обладать навыками активного слушания, чтобы точно интерпретировать информацию, полученную от опрашиваемого.

3. Техника ведения беседы. Важно выбирать подходящие вопросы и корректную последовательность их подачи, что помогает раскрыть информацию наиболее эффективно. Вопросы должны задаваться в спокойном тоне. Запрещается задавать наводящие и безнравственные вопросы, так как они уже содержат желаемый для опрашивающего ответ [3].

Необходимо учитывать психологические аспекты и стратегию завершения опроса. Учитывая, что человеческая психика устроена так, что завершение разговора особенно врезается в память и вызывает сильные эмоции, крайне важно обеспечить положительное впечатление от беседы у респондента. Если цель опроса была ясна, следует выразить благодарность за предоставленную информацию. В ситуациях, когда респондент желает сохранить в секрете факт беседы, необходимо еще раз подтвердить соблюдение этого условия конфиденциальности.

В заключение можно сказать, что психологические особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» являются ключевыми факторами его успешности. Умение взаимодействовать с людьми, а также психологическая готовность сотрудников к вызовам профессии оказывают значительное влияние на результаты работы оперативных подразделений. Учитывая данные нюансы, можно разработать более эффективные подходы к проведению опросов и повысить их результативность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022).

2. Климов И. А., Ковалев О. Г. Психология оперативно-розыскной деятельности // Психология. Педагогика. Этика : учебник для вузов / Под ред. проф. Ю. В. Наумкина. – Москва, 2002.

3. Шапочанский В. Н. Психологические аспекты оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» // Cyberleninka –2020. – № 3. – С. 75–76. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 12.05.2025).

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
В СФЕРЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА**

На сегодняшний день проявления преступлений экстремистской направленности многогранны. Крайними формами экстремистских проявлений являются акты вандализма, насильственные действия в отношении некоторых слоев населения, например, в отношении представителей власти, также провоцирование антисоциальных явлений, массовые протесты, мятежи.

Для противодействия экстремизму и распространению материалов экстремистской направленности в сети Интернет, на основании ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» целесообразно реализовывать следующие оперативно-розыскные мероприятия в отношении экстремистских групп:

– *опрос* – может проходить гласно и негласно, целесообразно его проводить с лицами, недавно вошедшими в организацию, которые еще не до конца осознают противоправность деятельности организации;

– *наведение справок* – в ходе оперативно-розыскной деятельности в отношении экстремистской организации необходимо для характеристики личности членов и лидеров организации: их половозрастные характеристики, место официальной работы, уровень образования, источники дохода, личностные характеристики, наличие судимости;

– *исследование предметов и документов*. В ходе оперативно-розыскной деятельности могут быть исследованы листовки с программными документами экстремистской организации, аппаратура, с которой экстремисты осуществляют рассылку в сети Интернет, различные агитационные листы, побуждающие людей вступить в организацию;

– *наблюдение*. Оперативные подразделения могут организовать наблюдение за лидерами экстремистской организации, либо за наиболее активными членами организации для создания полной картины того, чем конкретно занимается экстремистская организация, прикрывает ли она законными методами противоправные действия в организованной группе;

– *обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств* – преследует цели изучения места деятельности конкретной экстремистской организации, поиска каких-либо характеризующих материалов, оружия, выявления дальнейших направлений деятельности организации, а также иных признаков преступных посягательств;

– *прослушивание телефонных переговоров* – позволяет определить дальнейший ход деятельности экстремистской направленности,

направления их дальнейшей деятельности, определение места, времени и способа совершения противоправных посягательств;

– *снятие информации с технических каналов связи* – в полной мере позволит установить, каким образом, в какое время и каким способом реализуется размещение экстремистских материалов в сети Интернет, на какую аудиторию ориентируется конкретная преступная организация, в каких целях она это делает, какие действия подразумевает программа экстремистских организаций и к чему она побуждает граждан;

– *оперативное внедрение* – представляется исключительно необходимым для определения системы и структуры организации изнутри, понимания цели деятельности организации, степени контроля лидера экстремистской организации над ее членами, способами контроля лидера организации над членами, установление совершаемых ими иных противоправных действий.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что оперативные подразделения должны быть готовы к противодействию экстремистским организациям и постоянно поддерживать образовательный и профессиональный уровень для комплексной реализации всех задач оперативно-розыскной деятельности и конкретных задач, перед ними стоящими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бааль Н. Б. Социально-философский анализ развития молодежных экстремистских организаций в постсоветской России. – Москва : Юрайт, 2016. – 358 с.

2. Краснова К. А. Правовые и организационные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства органами внутренних дел. – Москва : Юрайт, 2015. – 339 с.

3. Левикова С. И. О готах, готике и больном российском обществе. – Москва : Юрайт, 2013. – 131 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП

В системе правоохранительных органов Российской Федерации подавляющее число работников составляют лица среднеевропейского типа внешности, это служит причиной возникновения трудностей при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) [1].

Данную проблему можно разобрать на примере такого ОРМ, как оперативное внедрение. Большинству этническим преступным группам свойственна определенная скрытность, которая выражается в различных особенностях, например родство, внешность, национальность и т.д. [2]. Из-за этого возникают сложности для проведения самого оперативно-розыскного мероприятия и в последствии получения информации для следственных действий.

Для решения описанной проблемы можно рассмотреть следующее предложение. Для усиления подразделений по борьбе с организованной преступностью можно принять лиц различной национальности. Однако, перед этим они должны пройти определенный отбор и подготовку на базовом уровне. Данное предложение несет за собой как негативные, так и положительные последствия. С одной стороны, не исключены случаи выдвижения кандидатов на прохождение службы лидерами преступных группировок, либо случаи перевербовки на свою сторону сотрудников ОРД по национальному родству [3]. Однако данное предложение имеет и положительные последствия. Лица других национальностей более углубленно знают все тонкости своей нации, особенности традиций, религии и т. д., кроме того, особенности внешности имеют большее преимущество для внедрения в этнические преступные группировки. Данное предложение позволяет несколько сократить время на подготовку к описываемому ОРМ, так как сотруднику русской национальности потребуется время еще и на изучение культуры и иных особенностей интересующей преступной группировки. В качестве примера можно привести особенности профессиональной подготовки сотрудников американской полиции для работы с национальными и этническими преступными группировками. В проведении ОРМ, например, внедрение в мексиканскую мафию, также известную как «Ла Эме», которая характеризуется конкретными признаками для вступления в данную группировку, подбирают специально обученных лиц, а именно мексиканцев, служащих в системе внутренних дел [4]. По такому же принципу можно проводить определенный отбор и в российских ведомственных учебных

заведениях. В Воронежском институте МВД России обучается множество лиц различных национальностей. В отношении интересующих категорий, можно предложить более углубленное изучение их деловых, морально-психологических и иных качеств, для упрощения проведения ОРМ, касаясь этнических преступных группировок в будущем.

Таким образом, при принятии граждан на службу важно учитывать их национальность, так как она может сыграть важнейшую роль для проведения оперативно-розыскных мероприятий, раскрытия преступления и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князев М. В. Проблемы, возникающие при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении этнических преступных групп // Молодой ученый. – 2018. – № 2 (188). – С. 178–181.

2. Борьба с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом в России : монография. – С. Д. Белоцерковский, А. С. Васнецова, А. Я. Гуськов [и др.]; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 297 с.

3. Краснова К. А. Состояние правового регулирования предупреждения этнической организованной преступности в России // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 3 (25). – С.41–45.

4. Тимина Т. Н. Основные признаки, характеризующие этническую организованную преступность : материалы региональной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 17 ноября 2017 г.). – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – С.207–208.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИИ В ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ СХЕМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Коррупция в правоохранительных органах подрывает основу доверия граждан к государству и препятствует эффективной работе всей системы правопорядка. Учитывая сложность и скрытый характер коррупционных схем, традиционные методы расследования зачастую оказываются недостаточно эффективными. В ответ на эти вызовы всё более актуальными становятся цифровые инструменты, которые могут автоматизировать сбор и анализ данных, обеспечивать прозрачность и точность в процессах финансового контроля, а также стимулировать граждан к взаимодействию с государственными органами в режиме онлайн.

Внедрение IT-решений позволяет в разы ускорить сбор, систематизацию и анализ данных, необходимых для выявления мошеннических и коррупционных операций. Специализированные программы могут в автоматическом режиме сопоставлять электронные документы, отчёты о финансовых транзакциях и служебные файлы, выявляя аномалии, которые указывают на возможные нарушения. Цифровизация также облегчает взаимодействие различных структур и ведомств, упрощая проверку и обмен информацией. Все эти факторы существенно повышают эффективность антикоррупционной деятельности и позволяют выявлять сложные схемы, которые раньше оставались незамеченными.

Рассмотрение роли IT и цифровизации непосредственно увязано с текущим этапом технологического прогресса. Государства и коммерческие структуры уже давно используют информационные системы для повышения эффективности управления – правоохранительные органы не могут оставаться в стороне от этих процессов. Более того, в силу особой важности задач по обеспечению законности, прозрачность и цифровой контроль за деятельностью самих правоохранительных органов становятся приоритетом для государства.

Охарактеризуем современное состояние и достижения в области информационных технологий:

1. Блокчейн-технологии [2]. Блокчейн может использоваться для создания прозрачных реестров транзакций и действий должностных лиц, что делает подделку или удаление записей практически невозможными. В контексте правоохранительных органов блокчейн способен выступать в качестве «цифрового журнала» для фиксации всех событий и отчётных документов.

2. Анализ больших данных и машинное обучение. Автоматизированные системы способны в режиме реального времени сопоставлять различные базы данных: контракты, финансовые отчеты, сведения об имуществе и т.д. Алгоритмы машинного обучения помогают выявлять аномальные паттерны (необычные суммы переводов, частые сделки с одним и тем же поставщиком и т.п.).

3. Электронные системы документооборота [3]. Цифровое хранение и обработка документов существенно сокращают бумажную волокиту и минимизируют возможность несанкционированного доступа или подделки. Регистрация всех действий (подписание, внесение изменений) в электронном формате позволяет точно отследить цепочку ответственности.

4. Онлайн-порталы жалоб и обращений [1]. Граждане получают возможность анонимно или под своим именем сообщать о фактах коррупции, предоставлять фото- и видеоматериалы. Встроенная аналитика помогает быстро сортировать обращения и направлять их в соответствующие подразделения для проверки.

Необходимо подчеркнуть конкретные примеры реализации. В рамках реализации нацпроектов вводятся электронные площадки для госзакупок (например, Единая информационная система в сфере закупок – zakupki.gov.ru [4]), где можно отследить все этапы заключения контрактов. Внедряются цифровые платформы для обмена информацией между различными силовыми структурами (МВД России, Следственным комитетом, прокуратурой). Благодаря этому снижается вероятность утечки важных документов и повышается координация при расследованиях. Некоторые региональные управления МВД России используют электронную систему регистрации заявлений и жалоб, которая позволяет гражданам отслеживать статус их обращения в режиме онлайн. МВД России и Генеральная прокуратура имеют интернет-порталы, где можно подать жалобу на коррупционные действия. По мере развития технологий к этим платформам подключаются аналитические модули, позволяющие отделять «шаблонные» обращения от действительно ценной оперативной информации. Проводятся пилотные проекты по приёму видеообращений граждан, что повышает достоверность предоставляемой информации.

IT-инструменты против коррупции всё ещё развиваются, однако уже существуют устойчивые практики и апробированные методики. Тем не менее остаются проблемные зоны: обеспечение кибербезопасности самих цифровых платформ, защита персональных данных участников расследований, а также необходимость обучения специалистов, способных эффективно использовать эти технологии. Большое значение имеет и законодательная база – без соответствующих правовых норм IT-решения могут оказаться недостаточно действенными или даже незаконными.

В целом, информационные технологии и цифровизация в современном мире являются незаменимым инструментом для выявления и

предотвращения коррупционных схем, в том числе и внутри правоохранительных органов. Переход на электронные системы документооборота, внедрение блокчейн-реестров и анализ больших данных позволяют более оперативно собирать доказательную базу, проводить аудит финансовых транзакций и обеспечивает прозрачность на всех этапах деятельности. В то же время, технология сама по себе не решит проблему коррупции, если не будет подкреплена адекватной законодательной базой, политической волей и комплексными мерами по подготовке специалистов. Только при соблюдении всех этих условий цифровизация сможет оказать значимое и долгосрочное влияние на снижение уровня коррупции и укрепление доверия граждан к правоохранительной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Видясова Л. А. Использование цифровых государственных сервисов как фактор социального самочувствия населения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2024. – Т. 17. – №. 1. – С. 84–99.
2. Клечиков А. В., Пряников М. М., Чугунов А. В. Блокчейн-технологии и их использование в государственной сфере // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – Т. 5. – №. 12. – С. 123–129.
3. Оджагов Э. Н., Моисеев Д. А. Использование методов цифровизации для противодействия коррупции в государственном управлении // Научный журнал. – 2024. – № 4 (71). – С. 32–38.
4. Официальный сайт Единая информационная система в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>.

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ
ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В БЕСКОНТАКТНЫЙ СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Проблема противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств в российском обществе носит достаточно серьезный и масштабный характер. Преступления в данной сфере, а также наркотизация населения способны разрушить моральные и нравственные устои граждан Российской Федерации, что поспособствует подрыву национальной безопасности страны.

Предупредительная деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков включает две составные части:

1) общее предупреждение, основным содержанием которого являются меры по устранению причин и условий, способствующих как наркотизации населения, так и совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств;

2) индивидуальное предупреждение – в отношении лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами и склонных к совершению на этой почве преступлений [1].

В процессе борьбы с незаконным оборотом наркотиков сотрудники оперативных подразделений полиции посредством оперативно-розыскных мер устраняют причины и условия, способствующие совершению таких преступлений со стороны отдельных социальных групп, а именно лиц, причастных к наркомании. Также выявляют объекты, характеризующиеся повышенной вероятностью незаконного распространения наркотиков, и принимают меры к противодействию им.

Специальные предупредительные мероприятия по борьбе с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков, на наш взгляд, должны включать в себя:

1) антинаркотическое просвещение подростков;

2) взаимодействие с общественными организациями и объединениями, органами здравоохранения.

Пропагандистская деятельность заключается в формировании у населения устойчивого общественного мнения о неприятии наркотических средств, а также в убеждении граждан, которые приобщились к потреблению наркотиков, отказаться от данной зависимости.

В Российской Федерации создано и функционирует значительное число разнообразных общественных объединений, участвующих в

реализации антинаркотической политики государства. В то же время очевидно, что в силу возрастных особенностей, психического развития предупреждение наркотической зависимости и в целом антинаркотическая пропаганда может иметь положительный результат именно среди лиц молодого и подросткового возраста. В связи с этим является важным определение задач такого взаимодействия в предупредительной деятельности среди подростков и молодежи.

К таким задачам следует отнести:

1) информирование педагогов о типичных способах вовлечения подростков в бесконтактный сбыт наркотиков;

2) информирование подростков о мнимой безопасности участия в бесконтактном сбыте и реалиях отбытия наказания лицами, задержанными при осуществлении этой деятельности (предпочтительно, чтобы беседа сопровождалась элементами рассказа в форме видеообращения осужденных подростков, предостерегающих сверстников от участия в криминальной деятельности).

Особенностями профилактической деятельности сотрудников оперативных подразделений полиции является обязательный учет возрастных особенностей лиц молодого и подросткового возраста. К основным задачам взаимодействия с общественными объединениями и образовательными учреждениями относится информирование педагогов о типичных способах вовлечения подростков в бесконтактный сбыт наркотиков, а подростков – о мнимой безопасности участия в бесконтактном сбыте и последствиях для лица, изобличенного в этом преступлении.

По нашему мнению, необходимо применять меры по ограничению доступа к веб-сайтам в сети Интернет, содержащие материалы о наркотических веществах в целях эффективного предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств. Это возможно обеспечить путем установки специальных расширений в интернет-браузерах, которые моментально и автоматически не позволят пользователю интернет-пространства в дальнейшем пользоваться веб-сайтом, содержащим подобного рода сведения [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – Москва, 2010.

2. Глушков Е. Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 2. – С. 46–52.

ОСНОВНЫЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВОДИМЫЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Выявление и раскрытие преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних имеет свои особенности, которые связаны в первую очередь с высоким уровнем их латентности. Так как сфера данных общественных отношений является интимной, то заявления и сообщения о совершенных деяниях поступают довольно редко. Потерпевшие от данного рода преступлений опасаются насмешек со стороны окружающих. В особенности от товарищей, с которыми они контактируют в школе. Также несовершеннолетние боятся расправы со стороны преступника. У некоторых подростков присутствует чувство стыда из-за произошедшего [1].

На сегодняшний день интернет-пространство все больше занимает места в жизни людей. Преступность также все больше переходит из реальной жизни в жизнь виртуальную, что вызывает необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет у сотрудников правоохранительных органов. Особо уязвимой категорией являются дети и подростки. Именно у них прослеживается неосмотрительное виктимное поведение: несовершеннолетние охотно вступают в контакт с неизвестными им лицами, знакомятся через социальные сети, обсуждают темы интимного содержания, отправляют фотографии и видеоизображения откровенного характера [2].

На сегодняшний день основными оперативно-розыскным мероприятием в сети Интернет являются:

– *снятие информации с технических каналов связи*. Основные задачи, решаемые при этом, заключаются в получении доступа содержательной части сообщений, которые передаются от определенного IP- адреса, данные сообщения уже потенциально должны включать в себя сведения о преступной деятельности, а также в получении интересующих сведений о данном нам контактном лице [3];

– *получение компьютерной информации*. В аспекте деятельности лиц, занимающихся противоправными деяниями в сфере детской порноиндустрии, позволяет получить различные материалы, изучить их содержание и направленность, а также осуществить компьютерную экспертизу на предмет их преступного содержания, затем приобщить все результаты к материалам уголовного дела.

Также особенность преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с помощью сети Интернет, дает дополнительные возможности для выявления таких преступлений как при производстве обысков или обследований жилых помещений подозреваемых, обвиняемых, а также лиц, разрабатываемых по другим преступлениям, так и при изучении сети Интернет, в первую очередь социальных сетей, а также платформы Kraken, в том числе с использованием такого оперативно-розыскного мероприятия, как вышеуказанное «Получение компьютерной информации»[4].

На одном из форумов, который проходил в г. Москве под названием «Тенденции развития преступлений в области высоких технологий», министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России М. И. Шадяев подчеркнул: «...Преступления, совершаемые в сети Интернет, должны быть так же наказуемы, как и в реальном мире, и нужно следовать по пути развития и изменения действующего законодательства, для того чтобы добиться справедливого наказания для преступников, которые совершают противоправные действия с помощью сети Интернет. Преступник в жизни и преступник онлайн должны нести наказание на равных, так как они ничем не отличаются друг от друга».

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Горбова В. В., Пучнин А. В. Особенности раскрытия преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних подразделениями уголовного розыска органов внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 3. – С. 191–196.
3. Ховако С. В. Выявление половых преступлений с учетом их оперативно-розыскной характеристики // Юридические исследования. – 2019. – № 7. – С. 80–89.
4. Шаров В. И. Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет // Общество и право. – 2018. – № 2 (64). – С. 82–87.

**К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ ПРЕПЯТСТВОВАНИЯ
ПРАВОМЕРНОМУ ИСПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ
СОТРУДНИКАМИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СТРУКТУР,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Защита сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, обеспечивается системой правовых норм и положений, содержащихся в федеральных законах и подзаконных актах. Эти меры призваны создать условия, необходимые для эффективного участия данных лиц в выполнении задач, поставленных перед оперативно-розыскной деятельностью.

Часть 2 ст. 16 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [1] неразрывно связывает правовую защиту должностных лиц оперативно-розыскных органов с недопустимостью вмешательства в их деятельность.

Согласно части 2 статьи 30 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в редакции от 08.08.2024) «О полиции» [4] вмешательство в законную деятельность сотрудника полиции недопустимо, за исключением случаев, когда такое вмешательство санкционировано Федеральным законом. Не допускается принуждение сотрудника правоохранительных органов к выполнению задач, которые не входят в перечень, установленный соответствующим Федеральным законом.

Вопрос о влиянии руководящего состава, наделенного полномочиями в сфере оперативно-розыскной работы, на правомерные действия подчиненных оперативных сотрудников представляет собой сложную задачу. В реальной практике могут возникать обстоятельства, когда руководитель предписывает оперативному сотруднику остановить или отказаться от проведения законных оперативно-розыскных мероприятий, либо принимает решение о перенаправлении дела оперативного учета другому сотруднику.

В подобных случаях непосредственный начальник может руководствоваться, к примеру, соображениями тактического характера. Если требования руководителя не противоречат законодательству, то оперативный сотрудник обязан подчиниться указанию, однако за ним сохраняется право обжаловать действия вышестоящего начальника. Данный механизм обеспечивает баланс между необходимостью подчинения руководящим указаниям и защитой прав и законных интересов оперативных сотрудников [2]. В соответствии с п.12 гл. 4 «Дисциплинарного устава ОВД РФ», при получении приказа, явно противоречащего закону, сотрудник обязан руководство-

ваться законом. При этом сотрудник обязан уведомить руководителя (начальника), отдавшего заведомо незаконный приказ, или вышестоящего руководителя (начальника) о неисполнении незаконного приказа [3].

Вполне обоснованно утверждается, что осуществление оперативно-розыскных действий, ориентированных на защиту внутренней безопасности, может быть квалифицировано как вторжение в сферу деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Такая квалификация правомерна исключительно в ситуациях, когда сами указанные мероприятия проводятся с отклонением от установленных оснований и условий их реализации или с превышением полномочий уполномоченных органов, осуществляющих эти действия [5].

Закрепление упомянутых правовых положений на уровне законодательства представляет собой значимую юридическую гарантию самостоятельности сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия. Данные правила разработаны с целью оградить сотрудников и подразделения, проводящие оперативно-розыскные мероприятия, от всевозможных попыток воздействия и оказания давления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 33 – Ст. 3349.
2. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» : учебное пособие / под ред. Н.В. Павличенко. – Москва : Академия управления МВД России, 2022. – С. 225.
3. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 14.10.2012 №1377 (ред. от 22.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2025).
4. О полиции : Федеральный закон от 07 февраля 2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
5. Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В. С. Овчинского. – Москва : Норма : ИНФРА-М., 2022. – С. 342.

**Оперуполномоченный отдела уголовного розыска
ОП № 2 УМВД России по г. Воронежу
С. С. Клиновой
Научный руководитель: Д. П. Мальченков**

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
С ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ПО КОНТРОЛЮ ЗА АЛКОГОЛЬНЫМ И ТАБАЧНЫМ РЫНКАМИ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
НА АЛКОГОЛЬНОМ РЫНКЕ**

В России крайне актуальна проблема пресечения незаконного изготовления, транспортировки и продажи фальсифицированного алкоголя и спиртосодержащих товаров.

С целью эффективного противодействия экономическим преступлениям, квалифицируемым по статьям 171.1, 171.3, 171.4 и 238 Уголовного Кодекса России, необходимо тщательно документировать все этапы оперативно-розыскной деятельности. Это включает в себя проверку достоверности первичной информации, сбор релевантных данных и оформление результатов проведенных ОРМ, к таковым относят наведение справок, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, наблюдение и иные. А данные, которые стали известны в результате проведения ранее упомянутых мероприятий, требуется незамедлительно проанализировать силами оперативных сотрудников для принятия дальнейших решений [2].

Так, мы хотим отметить, что для эффективного выявления и пресечения незаконного производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции ключевую роль играет межведомственное сотрудничество, обеспечивающее обмен информацией между органами исполнительной власти. Наиболее полная база данных, заключающая в себе сведения о выпуске и объемах реализации алкогольной и спиртосодержащей продукции в Российской Федерации, находится в ведении Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка (далее – Росалкогольрегулирование).

Она осуществляет комплексное регулирование в своей области, включая лицензирование, ценообразование, установление требований к отчетности и контроль над оборотом специальных марок. Для реализации своих функций ведомство опирается на территориальные органы и подведомственные организации, а также сотрудничает с федеральными и местными властями, общественными объединениями и другими заинтересованными сторонами.

В данном случае мы согласны с мнением А. Б. Янишевского, который полагает, что эффективное сотрудничество между подразделениями по экономической безопасности и противодействия коррупции и территориальными органами Росалкогольрегулирования, включающее регулярный обмен данными, а также совместную работу над операциями типа «Алкоголь», позволяет максимально использовать потенциал каждой из сторон. [3]. Данное взаимодействие способствует оптимизации использования ресурсов подразделениями ЭБиПК, поскольку позволяет избежать дублирования оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление нарушений в сфере производства и оборота алкогольной продукции (включая подделку акцизных марок, отсутствие обязательной маркировки и незаконное использование товарных знаков). Информация, предоставляемая Росалкогольрегулированием, является ценным дополнением к сведениям, которыми располагают сотрудники ЭБиПК.

Подводя итог, заключим, что наиважнейшим аспектом при выявлении и пресечении преступлений на алкогольном рынке являются организация и дальнейшее укрепление межведомственного взаимодействия по данному направлению. В частности, речь идет об организации взаимодействия подразделений ЭБиПК с территориальными органами Росалкогольрегулирования, обладающих поистине колоссальными информационными ресурсами, грамотное применение которых способно поднять на качественно новый уровень результативность проводимых оперативно-розыскных мероприятий, направленных на борьбу с преступлениями на алкогольном рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соромотина В. А., Титов П. М. Организация и актуальные вопросы по проведению оперативно-розыскных мероприятий и документированию реализации контрафактной алкогольной продукции // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 32. – С. 370–377.
2. Elibrary.ru : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 09.05.2025).
3. Янишевский А. Б. Особенности организации взаимодействия подразделений ЭБиПК с территориальными органами Росалкогольрегулирования при выявлении и пресечении преступлений на алкогольном рынке // Образование. Наука. Научные кадры. – 2016. – № 2. – С. 53–58.

ДОЛГ ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ: ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ СВЕДЕНИЙ О ГЕРОЯХ

История каждой страны богата примерами мужества и самоотверженности тех, кто внес значительный вклад в ее защиту, развитие и культурное наследие. Эти люди, которых принято называть героями, зачастую остаются в памяти поколений, но подчас отдельные факты об их жизни и подвигах с течением времени теряются. Для общества важно не только помнить имена своих героев, но и сохранять подробные сведения об их поступках, мотивах и контексте исторического периода, в который они жили.

В последние десятилетия всё большее внимание уделяется вопросу восстановления такой информации. Одним из методов, позволяющих эффективно вести поиск и проверку данных о героях прошлого, выступают оперативно-розыскные действия. Их использование в историко-исследовательской работе даёт возможность установить достоверные факты, выявить новые свидетельства и привлечь к процессу широкие круги общества.

Сохранение исторической памяти о героических подвигах имеет большое значение для формирования национального самосознания и укрепления культурных традиций, а также служит примером самоотверженности и мужества для будущих поколений. Изучение и популяризация этого наследия способствуют воспитанию патриотизма, уважения к старшему поколению. Потеря или искажение информации о героях может привести к утрате ценного опыта и духовных ориентиров.

Источники, необходимые для воссоздания полной картины о жизни героя (архивные документы, фотографии, личные дневники, свидетельские показания), не всегда доступны в полном объёме. В таких случаях на помощь приходят оперативно-розыскные методы, позволяющие организованно вести поиск даже фрагментарных сведений, систематизировать обнаруженные факты и проверять их достоверность, избежать предвзятых или ложных свидетельств за счёт комплексной проверки данных, вовлекать в исследование государственные органы, общественные организации и местные сообщества.

В разные эпохи и в разных культурах понятие «герой» имело свои отличительные черты. В античном мире героями называли полубогов или выдающихся воинов (Ахилл, Геракл). В средние века герой часто ассоциировался с рыцарской доблестью, честью и готовностью к самопожертвованию. В новое время герои – это люди, проявившие беспримерное мужество на поле боя, в защите Родины, в научных открытиях или в социальной сфере. Каждая культура создавала собственные пантеоны выдающихся личностей, чья слава основывалась на конкретном наборе ценностей и идеалов.

Войны во многом способствуют закреплению в общественном сознании образов героев. Масштабные военные конфликты создают особый контекст, в котором идеи патриотизма, долга и самоотверженности становятся особенно востребованными. Однако с течением времени воспоминания тускнеют или, напротив, могут быть искажены идеологическими или политическими факторами. Во многих странах существуют государственные программы по сохранению памяти о ветеранах. В них входят мемориальные комплексы, музеи, памятные даты. После окончания крупных конфликтов государственные и общественные организации активно занимаются поиском и идентификацией пропавших без вести, а также сбором сведений о подвигах военнослужащих.

Оперативно-розыскная деятельность традиционно ассоциируется прежде всего с раскрытием преступлений и поиском лиц, находящихся в розыске. Однако принципы и инструменты, задействованные в этой сфере, могут применяться и в научно-исторических целях – для определения и краткого описания оперативно-розыскных действий (включают сбор и проверку сведений, наблюдение, установление контактов с потенциальными очевидцами и использование специальных баз данных); для восстановления сведений (при установлении судеб людей, пропавших во время войны, при идентификации павших на полях сражений, при выявлении наградных документов и боевых реликвий, доступ к которым ранее был закрыт или затруднён).

Рассмотрим этапы оперативно-розыскных действий по восстановлению сведений о героях:

1. Подготовительный этап. Собирается предварительная информация: изучаются архивные фонды, базы данных, личные дела, старые газеты, списки призыва, военные документы. Определяются ключевые фигуры и обстоятельства: формируются списки потенциальных источников информации (ветераны, родственники, исторические клубы, музеи), выявление мест, где герои совершали свои подвиги, а также периодов, интересующих исследователей.

2. Проведение исследования. Используются методы и инструменты для поиска сведений: анализ открытых и закрытых (при наличии разрешения) архивов, проведение допросов-собеседований, опрос свидетелей, изучение фото- и видеоматериалов. Вовлекаются местные сообщества и исследовательские организации: краеведческие общества, волонтерские объединения.

3. Анализ собранных данных. Анализируются полученные сведения: проводится систематизация материалов, устранение противоречий, проверка дат и фактов. Ведется оценка достоверности информации: задействуют метод перекрёстной проверки, сопоставляют разные источники, уточняют данные у различных информантов, используют научно-исторический критический подход.

Информацию об участниках Великой Отечественной войны сотрудники и волонтеры находят из разных источников – от родственников, местных жителей, на сайтах «Память народа» [5], «Дорога памяти», «Мост памяти» и «Пруссия-39», а также из похозяйственных книг, которые велись в годы войны. По ним видно, кто призывался, в каком году, вернулся домой или нет. Они не

только собирают информацию, но и размещают её в электронные папки, куда входят краткая биография, документы с сообщениями о воинской части, наградах, захоронении и фотографии [6]. Сотрудники выявляют расхождения в свидетельских показаниях и документальных записях, проводят дополнительный анализ военных архивов и наградных приказов. Ветерана официально признают героем в региональном масштабе, в его честь называют одну из улиц, устанавливают памятные доски. Специалисты оперативно-розыскных подразделений совместно с историками и IT-специалистами оцифровывают документы, запускают информационный портал для общественности.

Подводя итог, необходимо отметить, что оперативно-розыскные действия могут выступать важным и эффективным инструментом в работе по сохранению исторической памяти о героях. Их применение позволяет структурированно и всесторонне подходить к поиску и проверке фактов, обеспечивая высокую степень достоверности результатов. Память о героях – это не только дань уважения прошлому, но и основа для формирования морально-нравственных ценностей современных поколений. Восстановление и сохранение сведений о подвигах – это долг перед памятью тех, кто защищал Родину или внёс значимый вклад в общее благо. Важно, чтобы подобная работа велась постоянно и системно, учитывая все технологические, правовые и этические аспекты. Благодаря этому можно не только увековечить память о тех, кто внёс неоценимый вклад в историю, но и сформировать более глубокое понимание исторических событий для нынешних и будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаева Л. М. Новые возможности восстановления информации о событии у очевидцев // Научный портал МВД России. – 2013. – №. 1 (21). – С.115–124.
2. Плохих Е .С. Противодействие бандитизму в годы Великой Отечественной войны // Лучшая студенческая статья 2025 : сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза : Наука и Просвещение, 2025. – С. 198–200.
3. Ударцев С. Ю., Десятов М. С., Васильченко Д. А. Негласная правоохранительная деятельность в контексте исторического развития общества // Общество и право. – 2016. – №. 4 (58). – С. 175–180.
4. Официальный сайт Камские Зори | Добрянский округ. – URL: https://vk.com/wall-39715251_50050.
5. Официальный сайт Портал «Память народа». – URL: <https://pamyat-naroda.ru/>.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПОЛУЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цифровая трансформация последних лет кардинально изменила оперативно-розыскную деятельность (ОРД). Наряду с классическим наружным наблюдением используются социальные сети, госреестры, блокчейн-цепочки и биометрические базы, позволяющие почти в реальном времени фиксировать готовящуюся коррупционную сделку. Однако, чем мощнее инструмент, тем выше риск превышения полномочий, особенно при проведении оперативных экспериментов.

Цифровая экосистема формируется сразу несколькими государственными платформами. «Единая биометрическая система», личный «Госключ» и слой ЕСИА связывают паспортные данные, декларации и банковские выписки. Оперативник получает автоматические сигналы о превышении расходов чиновника, визитах в офшорные юрисдикции или покупке элитной недвижимости. Такой комплекс сведений показывает связку «образ жизни – служебные решения» и задаёт новый стандарт доказательственной глубины [1].

При всей технической привлекательности правоприменитель сталкивается с дилеммой: где заканчивается проверка гипотезы и начинается искусственное создание преступления. Практика ЕСПЧ и новейшие решения Верховного суда показывают, что суды внимательно анализируют роль государства в инициировании взятки; навязчивое убеждение подозреваемого рассматривается как вмешательство в свободу воли.

Отдельный вызов создают системы искусственного интеллекта. Если оперативник применяет генеративный ИИ для переписки, он обязан сохранять исходные промпты; иначе защита получает аргумент об отсутствии контроля над содержанием «предложения» [2]. Суды уже приравнивают неидентифицируемого чат-бота-провокатора к анонимному агенту.

Учитывая изложенное, обозначаются следующие детерминанты сбора информации об объектах оперативной заинтересованности:

1. Собирать цифровое досье (транзакции, соцсети, показания заявителя) до вмешательства.
2. Использовать несклоняющие формулировки; инициатива должна исходить от проверяемого.
3. Фиксировать каждое действие журналами с ЭЦП и хранить их в независимом реестре.
4. Ограничивать эксперимент двумя контактами за 48 часов без подтверждённого умысла.

5. Привлекать внешнего цифрового наблюдателя для аудита алгоритмов риск-скоринга.

Дополнительная мера – законодательно ограничить размер «тестовой» взятки: предложение, многократно превышающее средний доход чиновника, суд склонен считать давлением [3].

Цифровая среда резко расширяет доказательственные возможности, но столь же резко повышает риск провокации.

Чтобы защитить права граждан и не дискредитировать антикоррупционную политику, предлагается:

- 1) внести в ФЗ «Об ОРД» норму о подтверждённом цифровом поводе;
- 2) утвердить проверенные скрипты общения;
- 3) создать единый реестр цифровых следственных действий;
- 4) обучать оперативников профилактике провокации в VR-среде;
- 5) закрепить персональную ответственность санкционирующего должностного лица;
- 6) публиковать квартальные отчёты об экспериментах для общественного мониторинга.

Перечисленные шаги реально выполнимы при текущей цифровой зрелости ведомств и не требуют радикальных бюджетных вливаний. Тем самым достигается баланс интересов всех сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая статистика выявленных преступлений в России за январь-март 2025 года. – URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 03.05.2025).

2. Черкашин Р. М. Провокация в контексте оперативно-розыскного мероприятия оперативный эксперимент: теоретико-методологические проблемы // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. – 2021. – № 9. – С. 201–209.

3. Сальникова Н. А. Провокация в оперативном эксперименте // Закон и право. – 2019. – С. 199–201.

**БУДУЩЕЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ОТ ИДЕНТИФИКАЦИИ ДО ПРЕДСКАЗАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

В современном мире биометрические технологии стремительно развиваются и все активнее внедряются в различные сферы: от повседневной аутентификации пользователей в смартфонах до глобальных систем обеспечения национальной безопасности. Они представляют собой совокупность методов и средств идентификации личности на основе физиологических и/или поведенческих особенностей человека. Искусственный интеллект (далее – ИИ) играет в этом процессе ключевую роль, поскольку именно он позволяет обрабатывать и анализировать огромные объемы биометрических данных. Актуальность темы объясняется возрастающей угрозой киберпреступлений и необходимостью обеспечения более высокого уровня безопасности, а также потребностью в быстром и точном анализе больших массивов данных для предотвращения преступной деятельности.

Исследование будущего биометрических технологий непосредственно опирается на мировые тенденции в сфере ИИ и анализ данных. Ориентация государственных и частных организаций на усиление систем безопасности отражает современный вектор развития технологий: снижение человеческого фактора и повышение автоматизации процессов. Кроме того, биометрические решения гармонично интегрируются в уже существующие информационные платформы и системы мониторинга, что демонстрирует их гибкость и универсальность.

Применение ИИ к биометрическим технологиям дает ряд практических преимуществ. Во-первых, это повышение точности идентификации личности: современные системы распознавания лиц уже показали способность корректно идентифицировать человека даже в условиях сложного освещения или при частичных изменениях внешности. Во-вторых, интеграция биометрии и ИИ позволяет использовать поведенческие параметры для дополнительной проверки подлинности личности [3]. В-третьих, работа с такими данными дает возможность ускорить поиск и отслеживание подозреваемых, упрощая деятельность правоохранительных органов и служб безопасности.

Приведем некоторые примеры ИИ, когда обрабатываются и анализируются огромные объемы биометрических данных:

1. Распознавание лиц и отпечатков пальцев. На сегодняшний день самыми распространенными биометрическими методами являются: распознавание лиц с использованием нейронных сетей (например, сверточных), что

дает высокую точность и устойчивость к изменениям внешнего вида (усы, борода, очки, измененная прическа); сканирование отпечатков пальцев [1] – из локального метода (используемого, к примеру, в смартфонах) постепенно переходит на уровень глобальных баз данных, что повышает безопасность, но требует более тщательной защиты личной информации.

2. Распознавание радужной оболочки, вен и других биометрических признаков. Данный метод имеет высокую точность, но пока что реже используется в массовых решениях из-за дороговизны внедрения. В то же время появляются методики распознавания по рисунку вен на пальцах и ладонях.

3. Поведенческие биометрические признаки – особенности голоса, походки, мимики, клавиатурные графические паттерны [4]. Искусственный интеллект играет ключевую роль, так как «обучается» выявлять микроизменения и сопоставлять их с большой базой эталонных шаблонов.

4. Предиктивный анализ на основе биометрии – это новая волна исследований, направленная на попытку «предсказать» риски совершения преступлений или террористических актов, используя совокупность биометрических данных. Однако данная область сталкивается с серьезными вызовами в плане этики и правового регулирования.

Следует отметить, что в российской практике инструменты биометрической идентификации также получили определенное развитие.

Транспортная инфраструктура. В московском метро в пилотном режиме внедряются системы распознавания лиц, позволяющие проходить через турникеты без использования физического проездного билета. В некоторых регионах тестируются биометрические проверки для пассажиров авиационного и железнодорожного транспорта, упрощающие процедуры регистрации и сокращающие очереди.

Банковский сектор. Крупные российские банки (Сбербанк, ВТБ, Т-Банк и др.) внедряют системы дистанционной идентификации клиентов с помощью биометрии (голосовая аутентификация, распознавание лица при удалённом открытии счета). В Единой биометрической системе (ЕБС) [2] аккумулируются биометрические данные граждан, что облегчает проведение финансовых операций без личного присутствия в отделении.

Правоохранительная практика. В ряде городов системы уличного видеонаблюдения оснащаются модулями распознавания лиц на основе нейронных сетей, что помогает оперативно находить разыскиваемых преступников или пропавших людей, а также собирать доказательства в режиме реального времени. В перспективе ведутся исследования по использованию поведенческих биометрических данных для «предсказания» намерений человека, что вызывает оживленные дискуссии относительно этической допустимости таких методов.

Технологии обработки биометрических данных находятся на достаточно высоком уровне развития, однако еще не все аспекты доведены до совершенства. Высокая точность распознавания, скорость обработки данных

и возможность предиктивного анализа делают их привлекательными для широкого круга пользователей – от правительств и корпораций до индивидуальных владельцев смартфонов. Ключевым вопросом остаются ошибки идентификации, особенно в мультикультурной среде, где черты лиц могут значительно варьироваться. Также необходимы серьезные исследования этических и правовых вопросов: где граница между безопасностью и вторжением в личную жизнь? Для систем, нацеленных на предсказание потенциальных преступных действий, требуется крайне точный анализ поведения, чтобы избежать обвинения невиновных лиц и не допустить формирования неоправданных предрассудков.

Подводя итог, можно отметить, что будущее биометрических технологий в контексте ИИ обещает быть крайне перспективным. Инновации в области глубокого обучения, компьютерного зрения и анализа больших данных открывают широкие возможности для повышения уровня общественной безопасности. Вместе с тем, обществу и законодательным органам предстоит решить ряд комплексных вопросов, связанных с конфиденциальностью, этикой использования и потенциальными ошибками систем. Грамотное сочетание технологической эффективности и ответственности в области биометрии даст возможность максимально безопасно использовать достижения ИИ в интересах граждан и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задорожный В. Идентификация по отпечаткам пальцев. Часть 1 // PC Magazine/Russian Edition. – 2004. – № 1.
2. Калашник Н. А. Анализ кредитной политики коммерческих банков в современных условиях // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. – 2019. – Т. 22. – № 2. – С. 254–257.
3. Тилеубергенов Е. М., Сокова А. Т. Роль биометрических технологий в идентификации личности // Проблемы и перспективы разработки и внедрения передовых технологий: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 ноября 2024 г., г. Магнитогорск). – Уфа. – 2024. – С. 136.
4. Шаханова М. В., Шаханова Д. С. Биометрические средства идентификации личности // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 25. – С. 563–573.

Курсант Воронежского института МВД России

А. Р. Сухарева

Научный руководитель: Д. П. Мальченков

**О НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В ХОДЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Оперативно-розыскная психология является важнейшим аспектом в области использования психологических знаний и методов правоохранительными органами при осуществлении поставленных задач, а также вспомогательным элементом при предотвращении, и раскрытии не только отдельных преступлений, но и организованной преступной деятельности. Данное понятие представляет собой совокупность практических и теоретических методов, направленных на выявление информации о преступниках, жертвах, ее анализы и на выработку стратегий расследования. Именно поэтому данная тема является актуальной, а также требует детального изучения и исследования [1].

Для того чтобы наиболее полно рассмотреть и осветить все аспекты данной темы, раскроем понятие оперативно-розыскной психологии. Это отрасль юридической психологии, задачей которой является изучение способов и элементов раскрытия и расследования преступности в целом, а также вопросов психологического воздействия в криминальной сфере. В структуру дисциплины входит не только изучение психики отдельных индивидов, но и закономерности при взаимодействии преступных групп и сообществ.

Перейдем к организованной преступности, то есть общественно опасной деятельности, осуществляемой преступными объединениями с четко выраженной структурой и иерархией [2]. Одним из наиболее действенных и распространенных оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии такого типа преступности является наблюдение, и именно оно требует тщательного психологического анализа при использовании. Ведь такого рода мероприятие характеризуется рядом психологических особенностей, а именно высокой эмоциональной напряженностью, хаотичностью сменяющих друг друга событий, а также требует проявления профессионализма и определенный эклектизм гласных и негласных методов и средств.

Оперативно-розыскная психология занимает промежуточное положение в теории оперативно-розыскной деятельности и включает в себя элементы как психологии, так и юриспруденции, что способствует быстрому решению поставленных задач и разработке стратегий для решения возникших проблем. Одним из основных компонентов оперативно-розыскной психологии выступает оперативное мышление, которое позволяет быстро

принимать решения в критичных ситуациях и при нехватке конкретной информации по делу. Выводы, полученные с использованием такого типа мышления, позволяют в дальнейшем сопоставить и сравнить факты, обладающие оперативной и информацией. Мышление непосредственно влияет и на действия, совершаемые оперативниками при выполнении конкретных задач, что позволяет быстро оценить ситуацию и найти решение, а также сосредоточить внимание на деталях, могущих полностью изменить оперативную обстановку. Данные манипуляции требуют от сотрудника проявления высокой наблюдательности, так как необходимо примечать и распознавать любые изменения в поведении наблюдаемого ими объекта.

Также необходимым аспектом оперативно-розыскной психологии является установление психологически-правовых признаков в действиях организованных преступных групп. К ним относится определение состава преступных формирований, выявления образа жизни каждого из участников, а также их взглядов, идеологий в криминальной сфере.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оперативно-розыскная психология – важнейший аспект в борьбе с организованной преступностью, ведь она способствует эффективному взаимодействию оперативников при осуществлении своей деятельности и выполнении задач, связанных с преступностью и борьбе с ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминальная психология : учебное пособие для вузов / под общ. ред. Ю. Е. Аврутина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2018. – 252 с. – (Серия : Специалист).
2. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учебное пособие / под общ. ред. Ю. В. Чуфаровской. – Москва : Проспект, ТК Велби, 2006. – 208 с.

КИБЕРНЕТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ИСТОЧНИК ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Современный процесс цифровизации затрагивает все аспекты жизни и функционирования общества, включая сферу оперативно-розыскной деятельности. Быстрые темпы цифровых преобразований способствуют активному внедрению цифровых технологий в повседневную практику, формируя основы для науки, образования, экономики, промышленности и множества других сфер. Эти изменения оказывают значительное влияние на привычки, менталитет, мировоззрение и стиль жизни людей.

Виртуальное пространство, также известное как кибернетическое пространство, можно рассматривать как важную составляющую информационной сферы общества, которую часто называют Интернет-сферой. Это пространство не только меняет способы взаимодействия между людьми, но и открывает новые горизонты для обмена информацией и формирования общественного мнения [1].

В современном мире интернет стал ареной множества преступлений, число которых растет вместе с количеством пользователей. Анонимность сети позволяет преступникам совершать незаконные действия из любой точки мира, оставаясь скрытыми от жертв.

Оперативно-розыскная деятельность в области киберпреступлений представляет собой активный поиск и анализ информации, доступной в сети. В этом контексте перед правоохранительными органами стоят масштабные задачи, такие как исследование и перехват трафика, установление принадлежности IP-адресов и доменов злоумышленников. Используя ресурсы интернет-пространства, такие как социальные сети, поисковые системы, чаты и разнообразные веб-сайты, сотрудники правоохранительных органов могут находить необходимые для расследования данные, не прибегая к официальным запросам.

Однако следует отметить, что с появлением новых возможностей виртуальной реальности криминальные элементы приобретают уникальное преимущество, оставаясь на шаг впереди правоохранительных органов. Глобализация, которая доминирует в современном обществе, лишь усугубляет проблемы, связанные с борьбой с преступностью, создавая новые вызовы для правопорядка.

Деятельность по сбору и систематизации информации из интернета в рамках расследований сталкивается с рядом серьезных проблем. В первую очередь стоит выделить ограниченный доступ к платформам, содержащим критически важные данные для следствия, а также невозможность входа в

закрытые группы и чаты, которые требуют специальных программ для обхода ограничений. Кроме того, в кибернетическом пространстве существуют методы, позволяющие осуществлять подмену данных, определяющих реальное местоположение исследуемого объекта. Эти технологии также используются для создания теневого интернета, который представляет собой уникальную среду для анонимной коммуникации и торговли запрещенными товарами и услугами. Таким образом, сложность и многообразие этих проблем требуют от правоохранительных органов новых подходов и инструментов для эффективного расследования киберпреступлений. [2].

Для более результативного противодействия преступной деятельности в цифровом пространстве необходимо усилить надзор за интернет-провайдерами, которые предоставляют услуги, позволяющие пользователям сохранять анонимность и совершать противоправные действия с помощью виртуальных частных сетей, прокси-серверов и специализированных браузеров. В этом ключе целесообразно рассмотреть возможность ужесточения нормативных актов, регулирующих использование IP-телефонии. Рекомендуется ввести ограничения на регистрацию абонентов с иностранными IP-адресами, а также обязать предоставлять удостоверяющие документы и осуществлять фиксацию голосовой биометрии при регистрации. Такие меры способны значительно повысить уровень безопасности в киберпространстве.

Внедрение этих инициатив может привести к заметному снижению числа преступлений, совершаемых с использованием виртуальных технологий, что, в свою очередь, усилит взаимодействие правоохранительных органов и повысит общий уровень общественной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власенко В. Э. «Киберпространство» на современном этапе международного информационного права // Молодой ученый. – 2020. – № 51 (341). – С. 177–179. – URL: <https://moluch.ru/archive> (дата обращения: 10.05.2025).

2. Хаханов В. И., Чумаченко С. В., Литвинова Е. И., Мищенко А. С. Развитие киберпространства и информационная безопасность // Радіоелектроніка, інформатика, управління. – 2013. – № 1 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 10.05.2025).

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Слушатель Воронежского института МВД России

Н. М. Абдышев

Научный руководитель: И. С. Звягин,

кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Специальные знания имеют важнейшее значение для правоохранительных органов, обеспечивая результативное раскрытие и расследование преступлений. Их применение способствует установлению истины в сложных ситуациях через научные методы и узкопрофессиональные компетенции, недоступные большинству граждан. Однако внедрение специальных знаний в практику правоохранительной деятельности сопряжено с системными трудностями, снижающими их эффективность и осложняющими доказывание.

Ключевой проблемой выступает несовершенство нормативно-правовой базы, а именно:

1. Действующее законодательство не предусматривает оперативной интеграции новых форм судебных экспертиз, что формирует разрыв с динамичным развитием криминальных технологий. Научно-технический прогресс снабжает преступность инновационными инструментами, тогда как правоохранительные структуры отстают из-за отсутствия гибких механизмов адаптации. Дефицит системного анализа потребностей уголовного процесса в современных экспертных методиках, слабое финансирование и техническое оснащение приводят к тупиковым ситуациям при расследовании.

2. Нормативные ограничения, закрепленные Приказом Минюста РФ № 114 от 14.05.2003 [1] и Приказом МВД России № 511 от 29.06.2005 [2] (закрытые перечни экспертиз), в сочетании со статьями 11 и 13 ФЗ о государственной судебно-экспертной деятельности, фактически блокируют правосудие. Следователи лишены права инициировать нестандартные экспертизы в государственных СЭУ без согласования с министерствами, вынужденно прибегая к услугам частных структур.

Сложившаяся система регулирования экспертной деятельности, ориентированная на унификацию традиционных методик, не отвечает современным вызовам.

Требуется поэтапный механизм внедрения инноваций:

- пилотное применение новых подходов для решения нетиповых задач;
- анализ судебно-следственной практики использования инновационных экспертиз;
- создание специализированных методических рекомендаций;
- экспертная оценка на научно-методических советах;
- утверждение процедур для повсеместного применения.

Дополнительные трудности связаны с отсутствием законодательной регламентации понятий «ревизия» и «документальная проверка». Анализ нормативных актов позволяет заключить, что ревизия представляет собой расширенную форму проверки с большим объемом полномочий. УПК РФ ограничивается упоминанием этих процедур, игнорируя необходимость проверок технологических процессов, качества продукции или строительных работ. Исследователи подчеркивают потребность в универсальном регулировании, охватывающем помещения, товары, транспорт и иные объекты. Пробелы законодательства проявляются в отсутствии регламентации сроков, оснований проведения проверок и ответственности за фальсификацию результатов. Требуется внести изменения в УПК РФ, четко регулирующие данные процедуры на стадии предварительного расследования.

Ключевые проблемы можно сформулировать так:

- отсутствие единых стандартов оценки экспертов для разных направлений;
- недоучет профессионального опыта при назначении сложных экспертиз;
- низкий уровень привлечения к ответственности экспертов и специалистов за ошибочные заключения.

Это провоцирует споры вокруг экспертных выводов и подрывает доверие к судебным решениям.

Для изменений необходимо принятие следующих мер:

- законодательное определение «специальных знаний» с конкретизацией областей применения;
- интеграция научных разработок в практику через совместные проекты и экспертные платформы;
- внедрение системы мониторинга эффективности специальных знаний с анализом их вклада в раскрытие преступлений;
- создание единого реестра экспертов с усилением контроля качества их работы.

Применение специальных знаний остается важнейшим инструментом правоохранительной системы, однако требует модернизации нормативной базы, улучшения финансирования, укрепления связей между наукой и практикой, а также разработки комплексной системы оценки их эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Минюста РФ от 14.05.2003 № 114 (ред. от 12.03.2007) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.09.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Курсант Воронежского института МВД России

Д. Ю. Безлюдная

Научный руководитель: И. С. Звягин,

кандидат юридических наук

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ПЛОЩАДОК

На сегодняшний день Российская Федерация переживает новые вехи, а именно – испытывает формирование нового информационного общества. Однако правовые отношения не всегда успевают меняться вслед изменениям иных общественных отношений.

Регулирование механизмов, направленных на обеспечение порядка организации качественного анализа следственной ситуации и выдвижения следственных версий при расследовании мошенничества в сфере телекоммуникации, представляет собой структурированный алгоритм осуществления методически подкреплённых шагов, направленных на максимально полный и точный анализ преступного события [2].

Проведенный анализ и статистических данных ГИАЦ МВД России позволил выявить следующие типичные следственные ситуации на начальном этапе расследования поддельных инвестиционных схем, телефонных мошенничеств и спама:

а) Потерпевший сообщает о признаках мошенничества с использованием средств телекоммуникации (телефонное мошенничество и спам). Подозреваемый был идентифицирован и задержан.

В данном случае следствие имеет благоприятную ситуацию для организации расследования. Однако подобные случаи встречаются редко из-за использования мошенниками фальшивых идентификационных данных, затрудняющих оперативную идентификацию личности подозреваемого.

В таких ситуациях следователь должен осуществить следующий алгоритм действий. Важно проведение допросов, обысков в месте проживания и рабочих помещениях, изъятия компьютеров, смартфонов, банковских карт, сим-карт и наличных денежных средств. Основная цель – закрепление доказательств в соответствии с установленными процедурами [1].

Потерпевшие от противоправных посягательств в сфере мошенничества предоставляют доступ к электронным кошелькам добровольно, а также переводят денежные средства. В связи с этим, имеется необходимость выяснения того, какие конкретно действия применил подозреваемый, для получения конфиденциальной информации. Кроме того, следует узнать характер ложной информации, которую предоставил злоумышленник, чтобы получить доступ к вышеуказанной информации.

Далее следует провести изъятие документов у потерпевшего, таких как выписки по счету, детализации, скриншоты смс-уведомлений, данные

из онлайн-кабинетов и прочее. Вся полученная информация рассматривается и признается вещественными доказательствами. Затем следователь, опираясь на имеющуюся информацию, направляет запросы на предоставление сведений в банковские учреждения, организации, предоставляющие услуги сотовой связи и интернет-провайдеры.

б) Потерпевший сообщает о признаках с использованием средств телекоммуникации (телефонное мошенничество и спам). Подозреваемый задержан, но отрицает свою причастность к преступлению.

В данном случае следователю приходится активно действовать, чтобы собрать достаточные доказательства [3].

в) Потерпевший сообщает о признаках мошенничества с использованием средств телекоммуникации (поддельные инвестиционные схемы), но информация о личности подозреваемых не установлена.

В такой ситуации необходимо акцентировать внимание на сотрудничестве с банками, операторами сотовой связи и провайдерами интернет-сетей для обнаружения подозреваемых. Полученные от них данные, например, о ФИО владельца номера телефона, должны незамедлительно передаваться в орган дознания для дальнейшего расследования.

Учитывая, что личность преступника неизвестна, особое внимание следует уделить проверке электронного устройства потерпевшего, используемого в момент преступления. При осмотре необходимо выявить информацию, имеющую доказательственное значение, такую как переписка с преступником, данные о проведенных онлайн-платежах, способ и последовательность действий преступника, и другие обстоятельства, объясняющие механизм преступления.

При расследовании таких преступлений ключевое значение имеет судебно-психологическая экспертиза психологического воздействия. Эта экспертиза создает психологический портрет мошенника, что помогает установить связь между его личностными особенностями и способом совершения преступлений, что дает возможность более точно восстановить картину событий и выявить причастность подозреваемых [4].

В случае отсутствия установленных данных о подозреваемых следует поручить органу дознания проверку по учетам лиц, ранее совершавших аналогичные преступления.

Результаты расследования преступлений мошеннического характера, которые совершаются с использованием средств телекоммуникации, во многом зависят от надлежащего применения криминалистических методик и тактических приемов, процессуальных и оперативно-разыскных подходов.

Проведенный общий анализ типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений, связанных с телефонным мошенничеством и спамом, поддельными инвестиционными схемами, позволяет представить следующие выводы:

1. Механизм реализации умышленных действий лица, совершающего мошенничество в сфере телекоммуникации, варьируется в зависимости от поведения субъекта преступного воздействия, применяемых технических средств и способов сокрытия результатов преступной деятельности. На основании этого должны анализироваться следственные ситуации и предлагаться меры соответствующего организационно-правового реагирования, органов, осуществляющих расследование уголовного дела и(или) его оперативное сопровождение.

2. Мы считаем, что при совершении мошеннических действий, которые предусматривают технико-коммуникативным взаимодействие между потерпевшим и преступником, анализ таких следственных ситуаций должен строиться исходя из необходимости скорейшего обнаружения и фиксации цифровых следов преступления. Следовательно в ходе первоначального этапа расследования уголовного дела должен сконцентрироваться на ключевых маркерах преступного события (механизм совершения, вывод данных, «монетизация» данных).

3. При анализе типичных следственных ситуаций, связанных с расследованием поддельных инвестиционных схем, телефонных мошенничеств и спама требуют внимания вопросы налаживания своевременного эффективного взаимодействия следствия с сотрудниками, операторами связи и другими специалистами помогает получить дополнительную информацию и обеспечить успешное расследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Старостенко Н. И. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничеств, совершённых с использованием методов социальной инженерии в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т. 31, вып. 4. – С. 697–704.

2. Суркова А. В. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник магистратуры. – 2023. – № 10–2 (145). – С. 66–69.

3. Ширяев А. В. Способы сокрытия следов мошенничества в сфере компьютерной информации // Проблемы правовой и технической защиты информации. – 2020. – № 8. – С. 119–127.

4. Яким А. Д. О необходимости исследования организационных вопросов расследования преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Правовая позиция. – 2023. – № 9 (45). – С. 58–61.

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОТДЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В наше время стремительно прогрессируют информационные технологии, вместе с ними развиваются и способы совершения преступлений. Для того чтобы успешно расследовать такие преступления нужно разбиться в следах, которые они оставляют. Прежде чем давать определение понятию «Цифровые следы» нужно разобраться, что представляют следы в криминалистике. В криминалистике за изучение следов отвечает раздел «Трасология». Понятие трасологии формируется разными учеными. Например, Г. Л. Грановский считает, что криминалистическая трасология представляет собой область криминалистических знаний о следах, отражающих признаки внешнего строения следообразующих объектов, о механизме следообразования и о методах, средствах и приемах их обнаружения, фиксации и изъятия [4]. В. Я. Карловым было определено, что под трасологией понимается отрасль криминалистической техники, которая изучает закономерности образования материальных следов и разрабатывает научно-технические средства и методы обнаружения, фиксации и изъятия следов [5].

С точки зрения криминалистической науки следы преступления – это источники информации, изменения в среде, возникающие в результате совершения преступления. Трасология изучает определенные следы, одним из таких видов являются цифровые следы преступления [1].

В наше время стремительно развиваются компьютерные технологии, вместе с ними способы совершения преступлений. В связи с этим развивается и криминалистика, появляются методы и средства расследования киберпреступлений.

Цифровые следы следует понимать как любую криминалистически значимую компьютерную информацию, которая находится в электронно-цифровой форме.

Цифровые следы могут классифицироваться по разным основаниям, вот некоторые из них:

1. По носителю. Носители бывают *локальными*, которые располагаются на самом устройстве и *сетевыми*, которые находятся на сервере. Также они могут быть оптическими (например, DVD, CD) и полупроводниковыми (например, флеш-накопитель).

2. По способу доступа. Бывают *локальный* доступ и *удаленный*. Локальный доступ осуществляется только через устройство, на котором находится носитель со следами. Удаленный доступ возможен только при подключении к телекоммуникационным сетям.

3. По характеру доступа. Цифровые следы могут быть *доступными* (электронные документы, файлы), *скрытыми* (скрытые файлы) и *зашифрованными*.

4. По характеру происхождения. Различают активные, те которые пользователь оставляет сам (например, посты в социальных сетях, сообщения и т.д.) и пассивные, которые собираются без ведома пользователя (геолокация, методанные).

Цифровые следы вносят большой вклад в расследование конкретных категорий преступлений. Они могут помочь установить личность преступника или жертвы, помочь в обнаружении доказательств, а также помочь восстановить хронологию событий преступления.

Подобные следы могут помочь в раскрытии таких преступлений как:

1. *Киберпреступления*. Киберпреступления – это противоправные действия, которые совершаются с использованием компьютеров, компьютерных сетей или сетевых устройств. Примерами таких преступлений являются хакерские атаки, фишинг, кража личных и кооперативных данных, кибершантаж и т.д.

Цифровыми следами могут являться: IP-адреса, цифровая переписка и т.д.

2. *Экономические преступления*. Экономические преступления – это противоправные действия, которые причиняют значительный материальный ущерб, такие как мошенничество, налоговые преступления, коррупция.

Цифровыми следами могут являться: бухгалтерские записи, банковские переводы, электронные транзакции и т.д.

3. *Преступления связанные с насилием* (например, убийства).

Цифровыми следами могут являться: сообщения, видео, фото, локации мобильных устройств и т.д.

4. *Преступления связанные с террористом*, то есть вербовка и планирование атак.

Цифровыми следами могут являться: использование зашифрованных каналов связи, криптовалютные транзакции и т.д.

Использование цифровых следов в расследовании преступлений бывает не простым, сотрудники полиции могут сталкиваться с многими трудностями. Возникают технические сложности, например, в собирании следов, так как информация быстро распространяется, что может затруднить её своевременную фиксацию, также шифрование усложняет работу с информацией. Юридические сложности – законодательство не регламентирует порядок фиксации следов. Существует много различных факторов, которые могут помешать расследованию преступлений.

Роль цифровых следов в расследовании преступлений постоянно возрастает. Однако для эффективного использования цифровых следов необходимо решить ряд правовых и технических проблем. Для того чтобы цифровые следы были как можно полезнее в расследовании, нужна разработка новых технологий их фиксирования и улучшения законодательной базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушнарев А. С. Цифровые следы в криминалистике, их использование при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 32. – С. 338–351.
2. А. А. Егорова. Цифровые следы преступника и потенциал их использования в расследовании преступления // Молодой ученый. – 2024. – № 15. – С. 335–338.
3. Закиян А. А. Цифровые следы в криминалистике // Молодой ученый. – 2023. – № 23 (470). – С. 326–328.
4. Грановский, Г. Л. Основы трасологии. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2006. – 43 с.
5. Карлов В. Я. Криминалистика: тезаурус-словарь и схемы : учебное пособие. – Москва : Альфа-Пресс, 2011. – 272 с.

Слушатель Воронежского института МВД России

А. А. Викулов

Научный руководитель: Е. И. Пырьева,

кандидат юридических наук, доцент

**ЗНАЧИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ,
СОВЕРШАЕМОЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Под легализацией (отмыванием) преступных доходов, совершаемой с применением информационно-телекоммуникационных технологий, следует понимать комплекс финансовых операций и иных сделок, направленных на придание видимости законности денежным средствам и имуществу, полученным преступным путем, реализуемых посредством цифровых и сетевых инструментов.

Современное состояние данной проблемы в Российской Федерации характеризуется устойчивой тенденцией к росту количества преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, особенно в отношении легализации доходов в особо крупном размере. Согласно исследованиям [1], объем отмытых преступных доходов в 2023 году мог достигать 2,09 трлн рублей (1,2% ВВП), при этом мошенничество и незаконный оборот наркотических средств остаются доминирующими видами предикатных преступлений. Несмотря на существующие механизмы государственного контроля, значительная часть преступных доходов, включая средства, легализуемые через криптовалютные переводы, офшорные схемы и подставные структуры, по-прежнему остается вне поля зрения контролирующих органов, что подчеркивает необходимость кардинального совершенствования криминалистических и правовых механизмов выявления, предупреждения и пресечения таких деяний.

Криминалистическая характеристика легализации преступных доходов, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включает комплекс элементов, имеющих первостепенное значение для расследования данных преступлений: способы их совершения, характерные следы, предмет преступного посягательства, обстановку и условия совершения, а также сведения о личности преступника.

Типологические группы субъектов, способствующих легализации преступных доходов, включают организаторов и участников преступных формирований, сотрудников государственных органов и банков, а также профессиональных посредников – адвокатов, консультантов и аудиторов. Среди лиц, вовлеченных в процессы легализации, преобладают участники, связанные с организованной преступностью, обладающие высоким уровнем

образования, находящиеся в возрастной группе от 25 до 55 лет, при этом среди них доминируют мужчины.

Одним из ключевых элементов криминалистической характеристики является способ совершения преступления. Анализируя способы легализации преступных доходов, следует отметить, что их спектр варьируется от примитивных до высокоорганизованных и технологически сложных схем. Классическая модель отмыывания преступных доходов сохранила свою актуальность и в контексте криптовалютных операций, модифицировавшись с учетом специфики цифровых активов. Указанная модель состоит из четырех последовательных этапов: подготовительного этапа, размещения доходов, их непосредственного «отмыывания» и интеграции.

В традиционной модели с применением фиатных валют преступный доход конвертируется в безналичную форму и зачисляется на счета, открытые в банках офшорных юрисдикций, обладающих низким уровнем международного контроля и высокой степенью банковской тайны. Затем осуществляется последовательное перемещение средств между счетами различных финансовых учреждений, зачастую в разных странах, с целью затруднения отслеживания первоисточника активов. Финальным этапом служит интеграция средств в легальную экономику через механизмы вложения в благотворительные фонды, оплаты фиктивных услуг, проведения фиктивных сделок с недвижимостью и иной коммерческой деятельностью.

При использовании криптовалют принципиальная структура остается аналогичной, однако применяются иные технологические инструменты, направленные на обеспечение анонимности операций. Основные механизмы сокрытия следов легализации преступных доходов проявляются в дроблении транзакций, использовании криптовалютных миксеров, анонимных браузеров, некастодиальных криптокошельков, а также в уклонении от процедур идентификации личности (KYC). Следовая картина при этом смещается в цифровую плоскость, охватывая электронные документы, базы данных, лог-файлы транзакций, хотя сохраняется значимость и традиционных источников доказательств – показаний свидетелей, потерпевших и самих злоумышленников.

Размещение преступных доходов может осуществляться через различные каналы, включая централизованные и децентрализованные криптобиржи, обменные сервисы, электронные платежные системы, P2P-биржи, телеграм-боты и криптоматы. Такая диверсификация направлений и методов значительно усложняет работу правоохранительных органов по установлению фактического движения средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Танющева Н. Ю, Исакова Т. Э. Оценка масштабов отмыывания денег в России // Вопросы экономики. – 2024. – № 10. – С. 77–93.

Курсант Воронежского института МВД России

М. А. Волвенкина

Научный руководитель: Е. И. Пырьева,

кандидат юридических наук, доцент

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВИДЫ И СПОСОБЫ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

На современном этапе развития общества тенденция ускоренного роста технологий формирует новые угрозы, а также инновационные виды преступлений, совершаемых посредством компьютера и всемирной сети Интернет.

Киберпреступность – это вид общественно опасных деяний, направленных на незаконные атаки на компьютер, на компьютерные сети, а также сетевые устройства. Говоря про киберпреступления в широком смысле слова, под данным термином следует понимать любые действия, преступного характера, которые напрямую связаны с работой и функционированием ЭВМ, а также электронной обработки данных. Данный вид преступлений заключается в нарушении прав на компьютерные программы, а также информацию, как находящуюся на компьютере, так и на обрабатываемую им. Появление киберпреступлений напрямую связано с развитием и становлением компьютеризации. Одной из особенностей данного вида деяний, является совершение действий в сети, что способствует сокрытию следов и дальнейшего обнаружения правонарушения.

Лица, совершающие такие преступления с целью получения корыстной выгоды, зачастую оставляют незначительные следы, отсюда складывается проблема поиска виновных в содеянном. Способствует сокрытию следов преступления и специфика компьютерных систем, которая в большинстве случаев приводит к полному, либо частичному уничтожению «улик».

Разбирая и анализируя данную сферу, следует выделить некоторые виды киберпреступлений, таких как кража личных данных (ст. 272.1 УК РФ); принятие банковских счетов (ст. 159.3 УК РФ); мошенничество с продажами.

На данный момент кража личных данных является наиболее распространенным видом киберпреступлений, который совершенствуется и развивается с каждым днем, а лица, совершающие такое деяние, становятся все более изощренными в создании новых способов.

Одним из способов осуществления указанного выше деяния является сообщения гражданам на электронную почту или телефон с просьбой проверить актуальность личных данных, а в случае ошибки – исправить на верные. Отправитель зачастую выдает себя за работника банка либо за любое другое лицо, непосредственно связанное с хранением личных данных.

Такой вид преступной деятельности называется «фишингом», основная цель которого – это кража личных данных гражданина для дальнейшего использования в своих корыстных целях.

Также следует упомянуть, что фишинг – это только одна из разновидностей, помимо этого, личные данные могут быть украдены при помощи вирусных систем и шпионского ПО.

Киберпреступления – это специфический вид правонарушений, отличающихся своей динамичностью и высоким процентом латентности.

В России законодательно регулируется вопрос расследования, предотвращения, а также противодействия киберпреступлений.

Тем не менее, проблема динамичности появления и развития новых видов преступлений в сети, требует постоянного совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей данный вопрос.

Помимо совершенствования законодательства, следует также выделить проблему своевременного совершенствования социальных, криминологических и индивидуальных мер предупреждения.

Подводя итог, следует сказать, что современное общество с каждым днем все больше компьютеризируется, а с ним и все сферы жизни граждан. Формируется информационное общество, посредством процессов информатизации и интеллектуализации, отсюда и вытекает актуальность совершенствования мер правоохранительных органов по разработке и своевременному осуществлению превентивных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. – Москва : Норма, 2019. – 800 с.
3. Дерюгин Р. А. Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 4649.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Раскрытие преступлений представляет собой сложный, многоэтапный процесс, основной целью которого является установление истины по уголовному делу. Он включает в себя применение разнообразных методик, технических средств и инновационных подходов для эффективного расследования. В условиях современных вызовов и усложнения криминальных схем особую значимость обретают высокотехнологичные методы, позволяющие точно определять ключевые аспекты дела, такие как личность преступника, орудие преступления и обстоятельства его совершения [1]. Одним из наиболее ярких и актуальных примеров таких прогрессивных технологий выделяют биометрические системы, созданные на биометрии, которые все более активно применяются в разных сферах.

Стремительное развитие информационных технологий оказывает значительное влияние на все сферы жизни общества, что затрагивает и такие области, как правоохранительные органы, в том числе криминалистику. В условиях роста общественных рисков и усложнения преступных схем обеспечение безопасности становится приоритетной задачей как на индивидуальном, так и на государственном уровне. В этом контексте биометрические технологии играют важнейшую роль, поскольку позволяют точно идентифицировать личность и повышать уровень защищённости.

Стоит обратить внимание на основополагающие принципы и методы применения биометрических технологий в деятельности правоохранительных органов, ведь они должны соответствовать основным требованиям криминалистики – науки, требующей системности, точности и методологической строгости, особенно в рамках криминалистической методологии, которая требует точности, четкости и системного подхода.

Биометрические параметры человека основываются на анализе уникальных физиологических и поведенческих характеристик человека и подразделяется на два основных направления: физиологическая биометрия и поведенческая биометрия.

Физиологическая биометрия – основана на исследовании врождённых особенностей организма.

К основным методам физиологической биометрии относятся:

- габитоскопия (анализ внешности);
- дактилоскопия (изучение папиллярных узоров);
- идентификация по форме кисти руки;
- распознавание по радужной оболочке глаза или же сетчатке [2].

Данные методы обеспечивают высокую точность идентификации, что, по сути, делает их незаменимыми в криминалистической практике.

Поведенческая биометрия – учитывает индивидуальные особенности, сформированные в процессе жизнедеятельности. Если рассматривать опознавание по голосу, то стоит заметить, что голос является уникальным для каждого отдельно взятого человека, равносильно и опознавание по почерку, ведь почерк содержит в себе личностные характеристики и особенности лица [3].

Таким образом, биометрические технологии являются важнейшим компонентом в области идентификации личности. И можно с уверенностью сказать, что с каждым годом эти технологии развиваются и прогрессируют.

Также стоит отметить, что ключевым трендом в криминалистике является цифровизация и систематизация биометрических данных. Многие организации уже используют электронные носители для хранения и обработки такой информации. Кроме того, биометрические технологии интегрированы в повседневные устройства (например, смартфоны с сканерами отпечатков пальцев или функцией распознавания лица), что упрощает их применение в правоохранительной деятельности.

Однако злоумышленники постоянно ищут способы обхода биометрических систем. Например, некоторые преступники намеренно повреждают папиллярные узоры, чтобы избежать идентификации. Для противодействия таким методам предлагается внедрение комплексных биометрических баз данных, включающих не только отпечатки пальцев, но и другие параметры (ДНК, голос, радужную оболочку глаза) [2]. Это значительно снизит вероятность подделки и изменения идентификационных данных и повысит эффективность расследования и раскрытия преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барковская Е. Г. Интеграция положений биометрии в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений: технические и правовые проблемы // Юрист-Правоведь. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского юридического института МВД России. – 2010. – № 6. – С. 10–13.

2. Баранов В. С. Геном человека и гены «предрасположенности». – Санкт-Петербург : 2000. – 270 с.

3. Галяшина И. И. Теоретические и прикладные основы судебной фотоскопической экспертизы : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.09. – Воронеж. – 2002. – 40 с.

Курсант Воронежского института МВД России

В. Н. Горобцов

Научный руководитель: Е. И. Пырьева,

кандидат юридических наук, доцент

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В современном обществе интернет стал не только универсальным средством коммуникации и обмена информацией, но и инструментом для осуществления противоправной деятельности, включая незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Сетевая анонимность, широкие технические возможности и отсутствие территориальных ограничений создают благоприятные условия для функционирования наркобизнеса в виртуальной среде.

Основные преступные действия в рассматриваемой сфере включают приобретение, пересылку, сбыт, а также подготовку и сокрытие указанных деяний. Преступники используют сеть Интернет как платформу для организации незаконных сделок, распространения соответствующей информации и обеспечения анонимности как продавцов, так и покупателей. Популярной формой является функционирование интернет-магазинов, которые предлагают ассортимент запрещенных веществ, осуществляют дистанционное консультирование и принимают оплату через электронные платежные системы, такие как WebMoney, Яндекс.Деньги и иные сервисы с возможностью обезличивания транзакций [1].

Процедура покупки, как правило, включает выбор товара на сайте, контакт с продавцом через защищенные мессенджеры, оформление заказа и согласование способа доставки. Наркотики часто передаются покупателям посредством так называемых «закладок» – тайников, о местоположении которых сообщается после завершения сделки [2]. Также практикуется пересылка запрещенных веществ почтовыми отправлениями, что сопровождается соответствующей подготовкой и мерами маскировки, включая использование фольги, офисной бумаги, фальшивых обратных адресов.

Сбыт наркотических средств нередко осуществляется с помощью курьеров, сознательно участвующих в противоправной деятельности. Такие лица осведомлены о характере перемещаемых веществ и действуют в сговоре с организаторами сбыта, что свидетельствует о наличии соучастия в преступлении. Электронная коммуникация между участниками сделок происходит через неконтролируемые средства связи, включая Skype, ICQ, закрытые форумы и зашифрованные каналы, что затрудняет их оперативное выявление.

Сокрытие преступной деятельности включает использование поддельных регистрационных данных при создании интернет-ресурсов, постоянную смену доменных имен, использование прокси-серверов и других методов

затруднения отслеживания трафика. Кроме того, преступники могут указывать ложную информацию о составе реализуемых веществ, выдавая их за безвредные смеси, биологически активные добавки или легальные препараты.

Особое внимание заслуживает распространение семян конопли. Несмотря на то что они не содержат наркотических веществ, и, следовательно, не попадают под действие уголовного законодательства, продавцы на специализированных сайтах сопровождают их реализацию сопутствующей продукцией – видеоуроками, литературой, оборудованием для культивирования, что указывает на косвенное содействие незаконной деятельности [3]. Фактически такие действия представляют собой подготовку к культивированию растений, содержащих наркотические средства.

Анализ информационного пространства показывает, что наркопропаганда через сеть Интернет является значимым фактором вовлечения граждан, особенно молодежи, в противоправную деятельность. Пропаганда наркотиков осуществляется в виде всплывающих окон, форумов, рекламных объявлений, направленных на популяризацию употребления запрещённых веществ и создание иллюзии их доступности и безнаказанности. Исследования показывают, что существенная доля информации в русскоязычном сегменте Интернета посвящена тяжёлым наркотикам, таким как амфетамины и героин, что в значительной мере способствует распространению наркомании [4].

Таким образом, использование сети Интернет для совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ представляет собой сложный, многогранный феномен, сочетающий элементы скрытности, технологической подкованности и организованности. Эффективное противодействие таким преступлениям требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие технических средств мониторинга и анализа сетевого трафика, а также укрепление международного сотрудничества в борьбе с транснациональной наркопреступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградская Т. М., Гуров А. И., Калачев Б. Ф. Современные технологии в наркобизнесе. – URL: http://www.Narkotiki.ru/mir_5553.
2. Калачев Б. Ф., Сергеев А. Н. Основные детерминанты незаконного оборота наркотиков и злоупотребления ими // Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие. – Москва, 2001.
3. Агафонов В. В., Чистова Л. Ю. Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием Интернета и электронных средств связи // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 3. – С. 116–121.

ОБНАРУЖЕНИЕ, ИЗЪЯТИЕ И АНАЛИЗ СЛЕДОВ, ОБРАЗУЕМЫХ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В современную эпоху цифровых технологий проблема незаконного оборота и дистанционного сбыта наркотических средств и психотропных веществ в России и мире становится всё более значимой и острой. Криминальная среда адаптируется к новым реалиям, преступники массово используют интернет, анонимные сервисы связи, криптовалютные платёжные системы и современные методы камуфляжа преступной деятельности. Классические схемы передачи наркотиков, основанные на личном контакте между продавцом и покупателем, уходят в прошлое; им на смену пришёл так называемый бесконтактный способ сбыта, при котором вещество размещается в тайнике («закладке») в общественном месте, а непосредственно сами координаты передаются покупателю дистанционно посредством мессенджеров.

Проблематика обнаружения, изъятия и анализа следов, возникающих в процессе дистанционного сбыта, обуславливается совокупностью технических и организационных факторов, значительным разнообразием способов и средств конспирации, отсутствием непосредственного личного контакта между участниками преступления. Правоохранительные органы, а также специалисты-криминалисты, сталкиваются с необходимостью адаптировать свои методы, осваивать комплексный подход к анализу имеющейся следовой информации и активно внедрять в свою деятельность достижения смежных научных дисциплин. Не менее сложная задача – формирование доказательной базы, однозначно свидетельствующей о причастности конкретного лица к преступлению, с привлечением технических, цифровых и биологических следов, что требует высокой квалификации и постоянного развития профессиональных навыков сотрудников правоохранительных органов.

Рассмотрим более подробно этапы работы со следовой информацией в случае дистанционного сбыта наркотиков. Первым и наиболее сложным этапом выступает обнаружение следов незаконного сбыта. Сложность обнаружения следов обусловлена тем фактом, что преступники крайне редко контактируют непосредственно с покупателем. Для передачи информации о местонахождении закладки используются мессенджеры, зашифрованные каналы связи и так называемые «временные» чаты. Закладки зачастую размещаются в сложно доступных, замаскированных местах, для их фасовки используются одноразовые контейнеры и герметичная упаковка, что

позволяет минимизировать оставление следов. Таким образом, обнаружение запаховых и биологических следов, отпечатков пальцев и следов ДНК крайне затруднено, указанные виды следов либо отсутствуют, либо крайне плохо сохраняются в месте обнаружения закладок.

Следующим этапом работы со следами является их фиксация и последующее изъятие. На этом этапе требуется предельно аккуратный подход к осмотру места обнаружения закладки, а также самого предмета: необходимо фиксировать как положение предмета, так и возможные вторичные следы (волосы, волокна одежды, микрочастицы мусора, остатки изоляционных материалов). Каждый обнаруженный предмет подвергается обязательной фото- и видеофиксации до, во время и после изъятия. Ошибки на этом этапе могут привести к утрате криминалистически значимой информации.

В случае задержания лица при попытке осуществления «закладки» важным этапом выступает работа с цифровыми следами. Практика последних лет показывает, что успешное расследование типового преступления по дистанционному сбыту наркотиков требует комплексного междисциплинарного подхода. Классические методы сборки и фиксации физических следов должны дополняться анализом цифровой информации, отслеживанием транзакций, получением данных об использовании транспортных средств. Появляются новые методики: изучение микроследов на пластиковых упаковках, анализ композиций современных полимеров, исследование структуры упаковочных материалов встроенными и портативными спектрометрами, использование генетических методик для идентификации личности преступника или участника преступления.

Наиболее перспективным и практически применимым способом обнаружения, изъятия и анализа следов при дистанционном сбыте наркотических средств и психотропных веществ становится взаимодействие специалистов самых разных направлений. Необходима гибкая, многоступенчатая организация работы, включающая грамотное обнаружение, фиксацию и изъятие комплекса следовой информации, использование высокоточных лабораторных методик, скрупулёзный анализ цифровых потоков и денежных переводов, а также постоянное повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, привлекаемых к раскрытию и расследованию преступлений, связанных с дистанционным сбытом наркотических средств и психотропных веществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградская Т. М., Гуров А. И., Калачев Б. Ф. Современные технологии в наркобизнесе. – URL: http://www.Narkotiki.ru/mir_5553.

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ПОДРОСТКА: РИСКИ И БЕЗОПАСНОСТЬ

В эпоху развития цифровых технологий и все большей цифровизации различных сфер жизни подростки становятся одной из самых активных групп пользователей в сети Интернет. Причина активности достаточно проста, несовершеннолетние взаимодействуют с различными цифровыми платформами, образовательными и развлекательными ресурсами, и это насыщает их цифровые профили обширными данными.

К числу данных, которые содержатся в сети Интернет и характеризуют несовершеннолетнего следует отнести: личные (персональные) данные, характеристику поведения и проявления в сети, информацию о круге интересов и увлечений, поисковые запросы и активное участие в чатах, каналах и форумах различной тематики.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение цифрового профиля подростка – это совокупность информации о пользователе, формирующаяся на основе анализа его активности в сети Интернет.

Несмотря на преимущества, которые дает нам эпоха цифровизации, подростки, как наиболее незащищенная категория пользователей, сталкиваются с множеством рисков, связанных с их безопасностью в сети Интернет, включая такие негативные явления как нарушение конфиденциальности, кибербуллинг, недостоверный и нежелательный контент.

Вышеуказанный перечень рисков, безусловно, не является исчерпывающим. Но наибольшую опасность, по нашему мнению, представляют вышеназванные проявления. Каждый из указанных рисков непосредственно связан с тем объемом информации, который формируется о подростке и подростком о себе в сети Интернет.

Например, нарушение конфиденциальности подростков происходит по причине того, что они, в силу своей активности и попытки завладеть интересом окружающих, размещают личные фотографии, информацию об адресах проживания, местах обучения и текущем местоположении вместе с информацией личного характера, не подозревая, что это может привести к утечке этих данных или использованию в злонамеренных целях.

В свою очередь, такое явление как кибербуллинг представляет собой агрессивное поведение в сети Интернет, которое может привести к психологическим и социальным травмам у подростков. Современные исследования показывают прямую связь между кибербуллингом и депрессией, тревогой и даже самоубийствами.

В отношении недостоверного и нежелательного контента хотелось бы отметить следующее, несформированное критическое мышление не позволяет подросткам верно оценивать информацию, выбирать проверенные и достоверные источники размещения и получения информации. Доступность и открытость некоторого контента влияет в том числе и на формирование личных ценностей и убеждений подрастающего поколения.

Помимо того, вызывает обоснованные опасения то, что информация, содержащаяся в сети Интернет и характеризующая личность несовершеннолетнего, может быть использована в процессе вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, а также, с учетом имеющейся в цифровом профиле подростка информации, преступники могут скорректировать свое преступное поведение в отношении будущей жертвы. Поясним на примере, так, изучив цифровой профиль подростка и поняв сферу его интересов и наличие конфликтов с родственниками, преступник может более качественно «подобрать ключ» к общению с ребенком, тем самым завладеть его вниманием и получить его доверие.

Следует отметить, что обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве является одним из приоритетных направлений деятельности государства и представляет собой комплекс мер, направленных на защиту детей от негативных воздействий и угроз, возникающих в Интернете и других цифровых средах [1, 2]. Вместе с этим не следует забывать и о необходимости активного участия родителей и педагогических работников в процессе формирования информационно-коммуникативной компетентности обучающихся в вопросах безопасности в сети Интернет. Подросткам необходимо объяснять и разъяснять необходимость использования приватных настроек в социальных сетях и мессенджерах, а также важность открытого диалога с взрослыми в случае, если несовершеннолетний понимает, что попал в опасную ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный Закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.04.2023 № 1105-р // СПС «КонсультантПлюс».

Студентка Центрального филиала
Российского Государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева

А. В. Дорохина

Научный руководитель: С. Е. Кораблев,
кандидат психологических наук, доцент

НАРКОТИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проблема незаконного оборота наркотических веществ представляет собой одну из наиболее острых угроз современной глобальной безопасности, затрагивая все слои общества и подрывая основы устойчивого развития государств, в частности стран СНГ. В рамках правоприменительной практики ключевую роль играет расследование преступлений, связанных с наркотиками, эффективность которого напрямую зависит от качества и полноты собранных доказательств.

Наркотики, будучи объектом преступления, становятся доказательствами. Их обнаружение, изъятие, фиксация и экспертиза помогают определить вид вещества, способ изготовления и происхождение – ключевую информацию для квалификации деяния, идентификации преступников и установления наркотрафика.

Что касается судебной экспертизы наркотических веществ, то материалы для исследования обычно получают в ходе осмотра мест происшествий, обысков, освидетельствования личности [2]. Для экспертов, собирающих доказательства на местах преступлений, связанных с наркотиками, очевидной задачей является поиск тайников с таблетками, порошками, игл или шприцов. Но эти улики не существуют изолированно. Часто более важным доказательством является употребление наркотиков жертвой или подозреваемым. Последующая процедура предполагает направление изъятых веществ на специализированную экспертизу [3].

Анализ следственной, судебной и экспертной практики демонстрирует, что в рамках расследования уголовных дел различной квалификации (убийства, изнасилования, хищения и пр.) вещественными доказательствами зачастую выступают наркотические средства (НС), психотропные вещества (ПВ), их аналоги (А) и прекурсоры (П), лекарственные средства (ЛС), сильнодействующие и ядовитые вещества (СЯВ). Указанные объекты, а также сырье, используемое для их кустарного или промышленного производства, представляют собой ключевые доказательства при расследовании уголовных дел, связанных с незаконными действиями по их изготовлению, приобретению, хранению, перевозке, пересылке, сбыту и т.д. [6].

Осмотр объекта осуществляется посредством визуального наблюдения, а также с применением технических средств, таких как микроскопы и источники ультрафиолетового излучения. По завершению данного этапа, эксперту необходимо провести трасологические исследования для решения задач принадлежности наркосодержащих растений, частей или единому источнику изготовления. В процессе работы определяется наличие и сравнительное исследование к элементам упаковки, форм изготовления, устанавливается механизм слеодообразования, а также лиц, которые могут быть причастны к незаконному обороту наркотических средств [1].

Исследования показывают, что лица в возрастной группе 18-28 лет, вовлеченные в незаконный сбыт наркотических средств, склонны использовать более сложные схемы реализации, включая участие в организованных преступных группах и создание труднодоступных тайников. Наличие профильного образования (химического, биологического, медицинского) или специфических криминальных навыков, чаще наблюдаемое у лиц среднего возраста, способствует применению информационных технологий для реализации наркотиков, минимизируя личный контакт с потребителями.

Типичный профиль лиц, осуществляющих бесконтактный сбыт наркотических средств, характеризуется возрастом 18-28 лет, средним техническим, высшим или незаконченным высшим образованием, компетенциями в области компьютерных технологий и информационных систем, а также знанием финансовых инструментов, включая банковские операции и электронные платежные системы. Уровень образования наркосбытчика имеет существенное криминалистическое значение. Лица с медицинским, биологическим или химическим образованием, как правило, обладают знаниями о воздействии наркотических средств, прекурсоров и аналогов на организм человека, а также навыками работы с химическим оборудованием, реагентами и методами синтеза наркотических веществ. В специализированной литературе отмечается преобладание лиц с химическим, фармакологическим и биологическим образованием, реже медицинским, среди изготовителей наркотических средств [5].

Таким образом, незаконный оборот наркотических средств представляет собой многогранную проблему, требующую комплексного подхода к ее решению. Эффективность расследования преступлений данной категории напрямую зависит от качества собранных доказательств, включающих наркотические вещества, прекурсоры, аналоги, а также инструменты и материалы, используемые для их производства и сбыта. Судебно-экспертное исследование этих объектов играет ключевую роль в установлении истины по делу, позволяя идентифицировать вещества, определить способы их изготовления, установить причастность лиц к незаконному обороту наркотиков.

Современные тенденции, такие как использование информационных технологий и сложные схемы сбыта, требуют постоянного совершенствования методов расследования и экспертизы, а также междисциплинарного

подхода. Развитие криминалистических методик и международное сотрудничество необходимы для эффективного противодействия этой глобальной угрозе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коловоротный А. А. Использование специальных психологических знаний при расследовании организации преступного сообщества // Суд. экспертиза. – 2012. – Вып. 4 (32). – С. 19–25.

2. Моисеенко И. Я. Назначение судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 2(8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n> (дата обращения 22.04.2025)

3. Колер С., Пит М., Дэвид О. Сам или помогли? Как криминалисты раскрыли 50 «идеальных» убийств. – Москва : Альпина Пабlishер, 2025. – 172 с.

4. Кораблев С. Е. Психология в деятельности сотрудников подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних : учебное пособие. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2010. – 200 с.

5. Тихомирова О. В. Криминалистическая характеристика личности преступника, действующего в сфере незаконного оборота наркотических средств // Молодой ученый. – 2019. – № 1 (239). – С. 123–126. – URL: <https://moluch.ru/archive/239/55309/> (дата обращения: 24.04.2025).

6. Официальный сайт. – URL: <https://studwood.net> (дата обращения 22.04.2025).

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Организация расследования инцидентов неправомерного доступа к компьютерной информации приобретает всё большую значимость в условиях стремительного роста цифровых технологий и увеличения числа киберугроз. Этот процесс представляет собой сложную задачу, требующую четкой координации между правоохранительными органами, специалистами в области информационной безопасности и операторами связи. Эффективность расследования на первоначальном этапе во многом зависит от оперативного взаимодействия всех задействованных сторон, а также от применения современных технических средств и аналитических методов [1].

Основные задачи, стоящие перед следствием по делам о неправомерном доступе к компьютерной информации, включают в себя:

- установление личности злоумышленника;
- восстановление утраченной или искажённой информации;
- минимизацию последствий инцидента;
- предотвращение повторных атак;
- привлечение виновных к ответственности в соответствии с законом.

В ходе расследования необходимо установить следующие ключевые обстоятельства:

1. Факт неправомерного доступа – подтверждение того, что имело место несанкционированное вмешательство в информационную систему.
2. Объект посягательства – какая именно информация пострадала (например, персональные данные, финансовая информация, коммерческие или государственные тайны).
3. Условия совершения преступления – техническая и организационная обстановка, в которой произошёл инцидент.
4. Место, время и последствия атаки – где и когда была совершена атака, а также какие именно противоправные последствия она повлекла.
5. Способы доступа – каким образом злоумышленник получил доступ (взлом, фишинг, уязвимости ПО, внутренняя угроза и пр.).
6. Состояние защиты информации – анализ достаточности применяемых мер информационной безопасности.
7. Личность преступника – установление данных о нарушителе (возраст, образование, навыки, мотивация, предшествующие преступления).
8. Нанесённый ущерб – оценка убытков, причинённых в результате преступления, включая экономический, репутационный и иной вред.

Комплексный подход к сбору и анализу этих данных позволяет не только эффективно раскрыть преступление, но и выработать меры по предотвращению аналогичных инцидентов в будущем.

В процессе расследования неправомерного доступа к компьютерной информации первоначальном этапе складываются следующие типичные следственные ситуации:

1. Лицо, которое является владельцем информационной системы, самостоятельно с помощью знаний в области ЭВМ обнаружил нарушение конфиденциальности, доступности и целостности информации в системе, но не владеет информацией о виновном лице, которое совершило данное противоправное деяние, и не имеет возможности это сделать, после чего обратился в правоохранительные органы с заявлением.

2. Данные о нарушении целостности или конфиденциальности информации в информационной системе и виновном лице стали общеизвестны или непосредственно обнаружены органом дознания [2].

3. Преступление выявлено иным лицом, в качестве которого обычно выступает организация-провайдер, обслуживающая собственника конфиденциальной информации [3].

Таким образом, понимание особенностей организации расследования неправомерного доступа к компьютерной информации является ключевым фактором для успешного проведения расследования и обеспечения безопасности «цифрового мира». Эффективное расследование преступлений, связанных с несанкционированным доступом к компьютерной информации, требует комплексного подхода с использованием специальных знаний и тесного взаимодействия следствия с экспертами в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Особенности первоначального этапа расследования неправомерного доступа к компьютерной информации : учебно-методическое пособие / Э. Д. Нугаева, С. Р. Низаева, В. Р. Гайнелзянова, З. И. Харисова. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2023. – 96 с.

2. Попов А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации : учебное пособие. – Санкт-Петербург : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018.

3. Поляков В. В. Следственные ситуации по делам о неправомерном удаленном доступе к компьютерной информации // Доклады ТУСУР. – 2010. – №1-1 (21).

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Развитие IT-сферы и повсеместное распространение сети Интернет привели к значительному росту дистанционных мошенничеств. Эта тенденция указывает на то, что в эпоху научно-технического прогресса обеспечение информационной безопасности в цифровом пространстве становится одним из приоритетных направлений государственной политики. Особое значение имеет Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, определяющая одним из стратегических направлений в данной сфере повышение результативности профилактических мер в отношении преступлений с использованием IT-технологий, а также противодействие таким преступлениям (п.п. «е» п. 23) [1].

Наиболее распространённым видом преступлений, требующим комплексного изучения, является дистанционное мошенничество. Согласно данным ГИАЦ МВД России [2], количество зарегистрированных преступлений по ст. 159.3 и 159.6 УК РФ [3] в последние годы значительно возросло, однако данный вид преступлений отличается высокой латентностью и низкой раскрываемостью, ввиду их дистанционного совершения.

В дистанционном мошенничестве злоумышленники используют как обман, так и нечестные приёмы. Распространённые стереотипы о том, что подобные преступления совершают исключительно ранее судимые лица, люди с психопатическими чертами характера или нарциссическим расстройством личности, не находят подтверждения в практике правоохранительных органов. Невозможно составить единый портрет мошенника, поскольку эти лица различаются по полу, возрасту, мотивам и целям преступной деятельности. На совершение мошеннических действий с использованием интернета и средств мобильной связи влияют различные факторы, в том числе предполагаемое давление обстоятельств (например, долги или финансовые трудности), наличие возможностей (связанных с занимаемой должностью), рационализация (оправдание преступных действий личными обстоятельствами) и наличие определенных способностей (личных качеств и владения технологическими приемами). Ключевым элементом успешных мошеннических схем является применение злоумышленниками техник убеждения, часто включающих психологические приёмы, с целью повлиять на процесс принятия решений жертвами. Кроме того, злоумышленники используют различные средства, такие как вредоносные программы,

фальшивые интернет-платформы, электронные почтовые сервисы и мессенджеры для осуществления преступных действий.

Объектами преступления являются как материальные ценности (деньги, имущество), так и информация (персональные данные, банковские реквизиты).

На сегодняшний день наибольшую актуальность приобрели различные схемы онлайн-мошенничества, в том числе:

1) предложения о выплате крупной суммы денег в обмен на небольшую предоплату (так называемые «нигерийские письма» и другие);

2) незаконный сбор персональных данных;

3) создание фиктивных романтических отношений с целью получения выгоды;

4) использование фишинга и методов социальной инженерии для получения конфиденциальной информации;

5) предложения услуг экстрасенсов, обещающих решение проблем за определенную плату;

6) распространение неэффективных медицинских препаратов;

7) сбор средств на благотворительные цели, которые используются не по назначению;

8) организация фиктивных лотерей и розыгрышей с целью выманивания денег;

9) предложения о высокодоходных инвестициях, перспективных бизнес-возможностях и выгодном трудоустройстве, которые являются обманом;

10) мошенничество с использованием шантажа и сексуального вымогательства;

11) незаконные операции с ипотечными кредитами;

12) обман потребителей при продаже продуктов питания.

В результате этого, мошенничество, использующее обман в качестве основного инструмента, начинает адаптироваться к новым условиям. Цифровой след в информационном пространстве отличает его от традиционных способов мошенничества.

Расследование дистанционного мошенничества имеет свои особенности. Использование VPN, прокси-серверов и анонимайзеров затрудняет установление личности преступника. Для эффективного расследования требуется привлечение специалистов в области информационных технологий, также необходимо сотрудничество с правоохранительными органами других стран, поскольку рассматриваемое преступление имеет международный характер [4].

Для минимизации дистанционных мошенничеств необходимо ужесточение законодательства в области киберпреступности и сотрудничество между государственными органами и частным сектором. Использование антивирусного программного обеспечения, файрволов и других средств защиты может значительно снизить риск стать жертвой мошенников. Более

того, важно проводить работу в жилом секторе о возможных угрозах и способах их предотвращения. Одним из наиболее эффективных способов борьбы с мошенничеством является правовое информирование граждан.

Таким образом, дистанционное мошенничество представляет собой значительную угрозу для общества и государства в целом. Эффективная борьба с такими преступлениями требует комплексного подхода, включающего правовые и технические меры. Важно развивать криминалистическую науку в данной области, чтобы обеспечить защиту граждан и предупреждение преступлений. Только совместными усилиями можно снизить уровень мошенничества и защитить пользователей от потенциальных угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

2. Официальный сайт МВД России. – URL: <http://mvd.ru/mvd/structure1> (дата обращения: 20.04.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 29-54.

4. Шелупанов А. А., Смолина А. Р. Форензика. Теория и практика расследования киберпреступлений. – Москва : Горячая линия-Телеком, 2022. – 103 с. : ил. – Библиогр.: с. 86–96 (123 назв.). – ISBN 978-5-9912-0769-0 : Б. ц.

Слушатель Воронежского института МВД России
А. А. Исатай
Научный руководитель: С. С. Паутов

ТАКТИКА ПОЛУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ДАННЫХ

Компьютерная техника предназначена не только для совершения преступлений, но и для хранения информации, полученной при совершении мошенничества. В настоящее время в связи с использованием интернет-технологий и компьютерных преступлений в криминалистике выделяют виртуальные следы как дополнительную категорию следов. Это направление в криминалистических исследованиях становится все более значимым, поскольку современные технологии придают новую форму преступной деятельности, требующую особого внимания и специфических методов расследования [1].

Итак, рассмотрим основные следственные действия, позволяющие получить криминалистически значимую информацию с электронных данных при совершении дистанционного мошенничества, совершенного с использованием интернет-сервисов размещения объявления. К таким следственным действиям мы можем отнести такие, как осмотр места происшествия, обыск, экспертизу компьютерных средств и устройств, снятие информации с технических носителей и т.д.

Анализируя существующие виды следственного осмотра, которые прописаны уголовно-процессуальным законодательством, при рассмотрении хищений, связанных с интернет-сервисами размещения объявлений, наиболее эффективным является такой вид осмотра, как осмотр места происшествия, документов и предметов.

Осмотр места происшествия при совершении дистанционного мошенничества с использованием интернет-площадок размещения объявлений представляет собой следственное действие на первоначальном этапе расследования, позволяющее обнаружить следы преступления, которые свидетельствуют о взаимодействии потерпевшего с подозреваемым в рамках совершения противоправного деяния. Взаимодействие данных лиц, как правило, происходит во время телефонного разговора или переписки, производящейся путем использования интернет-сервисов размещения объявлений или личных сообщений [2].

Как правило, криминалистическая литература подразделяет осмотр места происшествия на три основных этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. Такое поэтапное деление вызвано необходимостью совершения следователей системных действий по обнаружению и изъятию информации, относящейся к совершенному преступлению, а в нашем

случае, к дистанционному мошенничеству, совершенному с использованием интернет-сервисов размещения объявлений.

Необходимо подчеркнуть, что недостаточная квалификация частных лиц может стать причиной низкого качества осмотра, неверного анализа и ошибочной постановки вопросов перед экспертами. Исследование оперативной и следственной практики в области раскрытия и расследования дистанционных мошенничеств демонстрирует нехватку специалистов, способных проводить компьютерно-технические судебные экспертизы, что негативно сказывается на сроках их выполнения. Кроме того, имеется дефицит современного оборудования, такого как обновленный программно-аппаратный комплекс UFED, XRY и «Мобильный криминалист» [3].

Таким образом, тактика получения криминалистически значимой информации с электронных носителей представляет собой сложный процессуальный процесс, играющий важную роль в расследовании дистанционных мошенничеств, совершаемых с использованием интернет-сервисов размещения объявления. Среди следственных действий, позволяющих получить данную информацию, мы можем выделить такие, как осмотр места происшествия, документов и предметов, выемку, получение информации о соединениях между абонентскими устройствами, назначение и проведение экспертиз и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев А. В., Медведева С. Н. Использование признаков материального следа для определения компонентов причинно-следственной связи и механизма следообразования // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2(36). – С. 97–102.
2. Дабаева Д. Ю. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество с использованием телекоммуникационных и компьютерных сетей // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 354–358.
3. Комиссарова Я. В. Понятие и классификация следов в криминалистике // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2019. – № 3(55). – С. 131–141.

Курсант Воронежского института МВД России

Ю. Е. Кудрявцева

Научный руководитель: И. С. Звягин,

кандидат юридических наук

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ БИОМЕТРИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В рамках совершенствования методов расследования преступлений органы внутренних дел внедряют в свою деятельность современные биометрические технологии. Основным применяемый метод – биометрическая идентификация по внешним признакам, осуществляемая на основе данных, полученных с видеозаписывающих устройств. Активно разрабатываются и внедряются дополнительные биометрические методы, включая анализ голосовых характеристик, походки и запаховых следов.

В основе всех биометрических систем лежит специально разработанная для этого компьютерная программа, способная распознать человека по многим параметрам, именуемым в науке генетическим кодом.

В. К. Митрохин в своем труде описал достаточно детально способы, по которым на сегодняшний день возможно идентифицировать человека. Так, он выделял следующие: по отпечаткам пальцев, по ладони, по венам на тыльной стороне ладони, по сетчатке глаза, по чертам лица, черепу.

В правоохранительной деятельности активно применяются биометрические технологии для расследования преступлений. Недавнее внедрение централизованного банка данных обеспечивает возможность идентификации личности на основе дактилоскопической информации и биометрических характеристик лица. Данная система широко функционирует в крупных городах, но в небольших населенных пунктах процесс ее интеграции продолжается.

Органами правопорядка в настоящее время активно применяются следующие автоматизированные дактилоскопические системы: Сонда+, Дакто-2000, Delta-S, АДИС «Папилон».

Отметим преимущества, которыми обладает «Папилон»:

1. Возможность единого доступа к данным.
2. Сокращение времени на обработку данных.
3. Повышение точности идентификации.

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации функционируют системы, использующие биометрические технологии. Одной из таких систем является упомянутая выше система «Папилон «Циркон», идентифицирующая личность по радужной оболочке глаза.

В целом можно сказать, что блок доступа по радужной оболочке глаза «Циркон-3Е» обладает широкими функциональными возможностями и

высокими характеристиками. Результаты его работы имеют почти 100% точность.

По государственному заказу отечественными разработчиками для обеспечения безопасности граждан, преимущественно в местах массового скопления людей, были внедрены системы распознавания лиц на основе нейросетей. АПК «Безопасный город» функционируют в городах России в целях мониторинга и предупреждения различных угроз общественной безопасности и правопорядка. Камеры передают видеопоток на сервер, где происходит обработка и сравнение с базой данных. Сообщение о совпадении получает диспетчерский центр, который анализирует информацию, проверяет ее и при необходимости передает ее соответствующим подразделениям полиции.

И. Ю. Бочкарева пишет, что внедрение биометрических знаний в органы внутренних дел способствует повышению качества и количества раскрытия и расследования преступлений, поскольку значительно сокращает время, необходимое для поиска преступных лиц и выступает одним из видов доказательств по уголовным делам [1].

В современных условиях наиболее часто используемым правоохранителями средством отождествления личности является ДНК. В России, когда речь заходит о биометрической идентификации личности, на передовой находится АИС «Ксенон-2». База данных питается от двух основных источников: биологического материала, обнаруженного на местах преступлений, и образцов, взятых у лиц, чья геномная информация внесена в систему.

Перспективы развития исследуемой области заключаются в том, что учеными продолжают разрабатываться новые более совершенные способы идентификации личности по присущим ей динамическим признакам: походка, привычки, бытовые навыки, жестикуляция, артикуляция, а также рост, осанка, телосложение, особенности строения тела. На основе их научных теорий проектируются новые виды камер наружного видеонаблюдения со встроенным сверхмощным сканером и искусственным интеллектом, способным среди массового скопления людей точно определить искомого человека по вышеуказанным параметрам.

При изучении походки человека по видеозаписи оценивают большое число параметров, таких как временные интервалы цикла шага, состоящего из периодов опоры и переноса ноги; длина, ширина шага, а также различные особенности постановки стоп, отклонения корпуса во время ходьбы, углы суставов верхних и нижних конечностей [1].

Еще одной разновидностью идентификации по внешнему облику является ушная раковина, имеющая индивидуальные и неповторимые особенности. Сравнительно недавно вошли в оборот видеокамеры, способные идентифицировать человека по данному признаку внешности.

Подводя итог, отметим, что системы идентификации представляют собой высокоэффективный инструмент контроля и управления доступом,

который обеспечивает оперативную верификацию личности и эффективно предотвращает попытки несанкционированного проникновения. Данные системы способствуют повышению эффективности правоохранительных органов при выявлении и задержании правонарушителей. Ключевым преимуществом таких систем является отсутствие необходимости запоминания и ввода паролей, что значительно экономит временные ресурсы как для субъектов идентификации, так и для сотрудников правоохранительных органов, ответственных за обеспечение общественного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павленко К. И., Скворцова М. А., Мочалкина И. С., Сиротина А. С. Возможности исследования походки с помощью компьютерных технологий в криминалистике // Энциклопедия судебной экспертизы. – 2017. – Т. 15, № 4. – URL: [http: www.proexpertizu.ru](http://www.proexpertizu.ru) (дата обращения: 25.09.2019).

Курсант Воронежского института МВД России

В. А. Линьков

Научный руководитель: Н. И. Меркулова,

кандидат технических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Развитие технологий биометрической идентификации стало важным этапом в эволюции инструментов, используемых правоохранительными органами. Такие технологии, как распознавание лиц, дактилоскопия, сканирование радужной оболочки глаза и голосовая идентификация, позволяют не только ускорить процесс расследования, но и существенно повысить его точность. Однако их применение связано с рядом правовых и этических вызовов, включая защиту персональных данных и предотвращение их неправомерного использования.

Как отмечает Л. С. Головкин, технологии биометрии способны коренным образом трансформировать правоохранительную деятельность, обеспечивая доступ к новым источникам информации и поиска доказательств. Однако автор подчеркивает, что такие технологии не могут полностью заменить традиционные методы, а должны использоваться в комплексе с ними для достижения наибольшей эффективности [1].

Биометрические методы идентификации основаны на уникальных физиологических и поведенческих характеристиках человека.

Среди наиболее распространенных технологий:

1. Распознавание лиц: применяется для поиска подозреваемых и идентификации личностей на видеозаписях.
2. Дактилоскопия: классический метод, который продолжает совершенствоваться благодаря цифровым алгоритмам.
3. Сканирование радужной оболочки глаза: один из самых точных способов идентификации, используемый в ситуациях, требующих высокой степени безопасности.
4. Голосовая идентификация: позволяет идентифицировать подозреваемого по телефонным звонкам или аудиозаписям.

Каждая из этих технологий имеет свои преимущества и ограничения. Согласно исследованиям Т. В. Борисовой, основной проблемой в области биометрической идентификации является конфликт между требованиями безопасности и правом на частную жизнь граждан [2].

Использование биометрических данных должно соответствовать основным принципам прав человека, закрепленным в международных и национальных актах. Основные вопросы, требующие внимания: защита персональных данных; биометрическая информация считается особо чувствительной категорией данных. Ее сбор, обработка и хранение должны строго регулироваться.

Согласие субъектов. Важно обеспечить прозрачность процедур и информированность граждан о целях использования их данных.

Риски дискриминации. Некоторые алгоритмы могут демонстрировать предвзятость в зависимости от пола, расы или возраста, что требует независимой экспертизы и аудита используемых систем.

Несмотря на высокий потенциал, биометрические технологии в процессе реализации заставляют сталкиваться с рядом технических проблем. Для преодоления этих вызовов важно разрабатывать стандарты безопасности и внедрять инновационные технологии шифрования.

Как утверждает Е. С. Поляков, важно учитывать международный опыт при разработке отечественного законодательства. Например, европейская практика регулирования биометрических данных в рамках GDPR (General Data Protection Regulation) может служить моделью для разработки правовых норм в России.

Для повышения эффективности использования биометрических технологий и минимизации рисков необходимо:

- разработать детализированные нормы регулирования сбора, обработки и хранения биометрических данных;
- ужесточить требования к безопасности биометрических систем;
- создать независимые органы контроля за использованием биометрической информации;
- организовать образовательные программы для правоохранительных органов, направленные на повышение их компетенции в данной области [3].

Технологии биометрической идентификации являются мощным инструментом в процессе раскрытия и расследования преступлений, однако их применение требует тщательного правового регулирования и технической доработки. Только при соблюдении баланса между эффективностью и защитой прав граждан они могут стать основой современной криминалистики и способствовать укреплению доверия общества к правоохранительным органам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л. С. Биометрические технологии в оперативно-розыскной деятельности: проблемы и перспективы // Криминалистика: теория и практика. – 2020. – № 4. – С. 22–35.
2. Борисова Т. В. Баланс между правом на частную жизнь и обеспечением безопасности: анализ применения биометрических технологий // Проблемы права и безопасности. – 2019. – № 3. – С. 66–78.
3. Поляков Е. С. Правовое регулирование обработки биометрических данных: европейский опыт и российские перспективы // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 5. – С. 34–47.

Слушатель Воронежского института МВД России

Е. А. Лихачева

Научный руководитель: Е. И. Пырьева,

кандидат юридических наук, доцент

**ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ
И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВ, СОПРЯЖЕННЫХ
С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Современные цифровые технологии, обеспечивая беспрецедентные возможности коммуникации, одновременно создают новые риски для правопорядка. Одним из наиболее сложных с точки зрения доказывания является расследование вымогательств, сопряженных с распространением порочащих сведений в сети Интернет. Такие преступления характеризуются высокой латентностью, использованием анонимных каналов связи и трансграничным характером, что требует применения специализированных судебных экспертиз, адаптированных к цифровой среде.

Правовой основой для назначения и производства экспертиз в рамках уголовного судопроизводства выступают положения главы 27 УПК РФ, Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», а также ведомственных методических рекомендаций. Согласно ст. 195 УПК РФ, судебная экспертиза представляет собой исследование, проводимое экспертом на основе специальных знаний для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. В контексте киберпреступлений данная норма приобретает особое значение, поскольку объекты исследования часто носят виртуальный характер, а их фиксация требует соблюдения строгих процессуальных и технических стандартов.

Ключевой особенностью расследования вымогательств в сети Интернет является необходимость комплексного подхода к назначению экспертиз. Телекоммуникационная экспертиза, например, направлена на анализ IP-узлов, веб-страниц, биллинговых систем и данных о маршрутизации трафика. Она позволяет установить факты вмешательства в работу сетей связи, подмены номеров или искажения передаваемой информации.

Не менее важную роль играет компьютерно-техническая экспертиза, объектами которой становятся электронно-вычислительная техника, носители информации и периферийные устройства. Её задачи включают идентификацию устройств по серийным номерам, восстановление удаленных данных и анализ программного обеспечения на предмет наличия вредоносного кода. Для обеспечения процессуальной достоверности в постановлении о

назначении такой экспертизы необходимо детально описать изымаемое оборудование, включая марку, модель, серийный номер, а также указать логины и пароли доступа, что прямо вытекает из требований ст. 195 УПК РФ.

Особого внимания заслуживают традиционные криминалистические экспертизы, такие как молекулярно-генетическая и дактилоскопическая. Их проведение актуально в случаях, когда на изъятых устройствах обнаруживаются биологические следы (например, отпечатки пальцев на клавиатуре или сим-карте). Установление связи подозреваемого с этими объектами может стать ключевым доказательством в деле. Параллельно назначается экспертиза материалов и средств звукозаписи, направленная на идентификацию лиц по голосу и проверку подлинности аудио- и видеоматериалов [1]. Это особенно важно при расследовании шантажа, когда преступники угрожают жертвам распространением компрометирующих записей.

Отдельным направлением является техническая экспертиза документов, которая выявляет признаки подделки, монтажа или замены частей документов, созданных с использованием компьютерной техники. В случаях, когда вымогательство связано с финансовыми операциями, назначается судебно-бухгалтерская экспертиза, исследующая документы бухгалтерского учета на предмет нарушений. Кроме того, при наличии сомнений в психической полноценности подозреваемого может быть инициирована судебно-психиатрическая экспертиза, что соответствует требованиям ст. 196 УПК РФ.

Несмотря на широкий арсенал экспертных методов, их применение сталкивается с рядом системных проблем. Одной из них является риск утраты цифровых следов из-за некорректного изъятия устройств. Например, мобильные телефоны с активным интернет-соединением требуют немедленного перевода в «авиарежим» и изъятия сим-карты, чтобы исключить удаленное стирание данных [2]. Другая проблема – дефицит квалифицированных кадров, способных работать с современными телекоммуникационными системами и сложным программным обеспечением.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода. Перспективным направлением представляется разработка межведомственных протоколов, унифицирующих методики сбора и анализа цифровых доказательств. Важную роль могло бы сыграть создание специализированных образовательных программ для подготовки экспертов-криминалистов, сочетающих знания в области права и IT-технологий. Кроме того, внедрение инструментов искусственного интеллекта для автоматизации обработки больших массивов данных (например, биллинговых записей) способно повысить эффективность расследований. Не менее значимым является укрепление международного сотрудничества, учитывая трансграничный характер многих киберпреступлений.

Таким образом, расследование вымогательств, сопряженных с распространением порочащих сведений в сети Интернет, требует не только глубоких специальных знаний, но и адаптации традиционных криминалистических

методов к цифровой реальности. Успех таких расследований зависит от слаженного взаимодействия юристов, экспертов и IT-специалистов, а также от модернизации процессуальных и технических стандартов. Только при условии интеграции усилий государства, науки и бизнеса возможно создать эффективную систему противодействия киберпреступности, отвечающую вызовам современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. – Москва : Норма, 2018.– С. 81.
2. Гайдин А. И., Звягин И. С., Пидусов Е. А. Практика расследования преступлений, совершаемых с использованием технологий IP-телефонии и программ подмены номеров : аналитический обзор. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2021. – С. 28.

Слушатель Воронежского института МВД России

Д. Ю. Ломакин

Научный руководитель: Е. И. Пырьева,

кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШИХ И ОБСТАНОВКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Анализ личности потерпевших и обстановки совершения преступлений экстремистской направленности занимает центральное место в криминалистической характеристике данного вида деяний. Установление взаимосвязи между социально-демографическими, психологическими и этноконфессиональными признаками жертвы, мотивами преступника и условиями реализации преступного умысла позволяет формировать эффективные методики расследования и профилактики.

Личность потерпевшего как элемент криминалистической характеристики определяется совокупностью биологических, социальных и идеологических признаков, которые нередко становятся катализатором противоправных действий. Наиболее уязвимыми группами выступают лица мужского пола подросткового и молодого взрослого возраста, что обусловлено их повышенной вовлеченностью в социальные конфликты и публичное пространство. Значительную долю жертв составляют представители этнических и религиозных меньшинств, чьи антропологические или культурные особенности провоцируют ненависть со стороны экстремистски настроенных лиц. Отдельную категорию образуют священнослужители, правозащитники, а также бездомные, воспринимаемые преступниками как «социально чуждые» элементы.

Криминалистическая значимость изучения личности жертвы заключается в возможности реконструкции мотивации преступника, прогнозирования его поведения и установления круга соучастников [1]. Например, преступления, совершаемые по мотивам религиозной вражды, часто направлены на публичную демонстрацию силы, что отражается в выборе символических объектов посягательств – храмов, мест отправления культа.

Обстановка совершения преступления формируется под влиянием факторов, связанных с местом, временем и способом реализации противоправных действий. Типичными локациями выступают зоны межэтнической напряженности: районы компактного проживания мигрантов, транспортные узлы, образовательные учреждения с иностранными студентами [2]. Религиозные объекты и общественные пространства, такие как вокзалы или площади, становятся мишенями из-за их символического значения и высокой концентрации людей. Отдельного внимания заслуживает цифровая среда, где экстремистские призывы и вербовка осуществляются анонимно, а

местом преступления признается территория, с которой распространялась противоправная информация.

Временные параметры обстановки также имеют криминалистическое значение. Наибольшая активность преступлений против жизни и здоровья наблюдается в летний и осенний периоды, а также в вечерние часы, что коррелирует с повышенной социальной активностью и снижением видимости. Сезонные и праздничные события, связанные с национальными или религиозными традициями, нередко используются экстремистами для усиления резонанса своих действий.

Криминалистический анализ личности потерпевших и обстановки совершения экстремистских преступлений раскрывает системные закономерности, позволяющие оптимизировать работу правоохранительных органов. Учет этноконфессиональных, возрастных и социальных характеристик жертв, а также особенностей места и времени преступления способствует не только раскрытию конкретных деяний, но и разработке мер по нейтрализации условий, способствующих экстремизму. Интеграция данных подходов в криминалистическую методику является необходимым условием противодействия идеологически мотивированной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скориков Д. Г., Шувалов Н. В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2 (36). – С. 152.

2. Сунагатуллин Т. Ш. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности // Форум молодых ученых. – 2020. – № 10 (50). – С. 589.

К ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ АНОНИМИЗАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

С января по декабрь 2024 года в РФ зарегистрировано 765,4 тыс. киберпреступлений, что на 13,1% больше, чем за аналогичный период 2023 года. По данным МВД, в 2024 году четыре преступления из пяти (84,8%) были совершены с использованием интернета. Всего таких преступлений зарегистрировано 649,1 тыс., это на 23% больше, чем годом ранее. [2]

Анонимность является ключевым фактором, способствующим развитию киберпреступности в современном мире. Это усложняет работу правоохранительных органов, потому что злоумышленники могут легко скрывать свою личность и местоположение и совершать противоправные действия с минимальными рисками для себя. Научный мир всесторонне рассматривает преступления в сети Интернет и целеустремленно ищет методы борьбы с ними. Но мир инфокоммуникационных технологий интенсивно развивается, а результатом становятся новые продукты и инструменты.

Давайте рассмотрим технологии применяемые для анонимизации при совершении преступления в сети «Интернет»:

Прокси-серверы –это сервисы, позволяющие скрывать пользователям их реальный IP-адрес и обеспечивать анонимность в сети.

Виртуальные частные сети (VPN) –это сервисы, создающие зашифрованное, защищенное соединение между пользователем и интернет-ресурсами, посредством подключения к удаленному серверу, принадлежащему поставщику VPN. Используются для обхода блокировок веб-сайтов.

Анонимные сети –это особые сервисы, позволяющие обеспечивать высокий уровень приватности и скрытности пользователей в сети Интернет. Тор-сеть (The Onion Router) –самая известная анонимная сеть, использующая многоуровневое шифрование и маршрутизацию через цепочку добровольных узлов. Обеспечивает высокий уровень анонимности, позволяя пользователям получать доступ к скрытым сайтам (так называемым "hidden services"). Используется для проведения нелегальных операций, таких как торговля наркотиками, оружием, фальшивыми документами, а также для распространения вредоносных программ.

Операционные системы для анонимной работы позволяют пользователям минимизировать риск обнаружения и отслеживания, безопасно и конфиденциально находиться в сети. Например, Tails, Whonix, Qubes OS.

Скрытые платежи и криптовалюты. Используются различные сервисы, например «миксеры», которые позволяют смешивать множество транзакций для затруднения отслеживания происхождения средств правоохранными органами. Такие операции с криптовалютами позволяют злоумышленникам сохранять высокий уровень анонимности.

Наибольшую угрозу совершения противоправных действий представляет теневой Интернет (Дарквеб). Доступ к сети Дарквеб осуществляется при помощи браузера Tor, обеспечивающего анонимный обмен информацией. К основным сегментам преступлений, совершаемых при помощи сетей Дарквеб, относятся оборот оружия, боеприпасов, наркотических веществ, продажа и реализация персональных данных физических и юридических лиц, продажа фальшивых денежных купюр, распространение и пропаганда террористической и экстремистской направленности и др. [1]

Для борьбы и сокращения количества контента, нарушающего законы России, а также количества киберпреступлений государство совместно с правоохранными органами принимают активные меры по борьбе с анонимностью в сети «Интернет». Внедряются различные технологии и методы, а именно мониторинг, анализ сетевого трафика, сотрудничество с интернет-провайдерами и платформами. Разработка законодательных инициатив, направленных на усиление ответственности за преступления в сети, является одной из приоритетных задач. Эти задачи нацелены на создание более безопасной информационной среды, в которой злоумышленники не смогут легко скрывать свою личность или деятельность, что способствует более быстрому выявлению и пресечению преступных схем. Однако при этом возникает дисбаланс между обеспечением национальной безопасности и защитой прав граждан на приватность и свободу выражения мнений. Дискуссия о том, как эффективно бороться с киберпреступностью, не ущемляя при этом основные права пользователей интернета открыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейников Д. П., Зык А. В. Современные технологии анонимизации в сети Интернет // Образование и право. – 2021. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 15.06.2025).

2. В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya> (дата обращения: 15.06.2025).

3. Родивилина В. А., Родивилин И. П., Коломинов В. В. Проблемы противодействия использованию анонимности в сети Интернет в преступных целях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n> (дата обращения: 15.06.2025).

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ДРОППЕРОВ

Под дропперством надлежит понимать деятельность лиц, осуществляющих осознанно с целью получения материальной выгоды либо из иных личных побуждений незаконные внесение, перевод, обналичивание, физическую передачу денежных средств, электронных средств платежа, в том числе платежных карт, а также предоставляющих третьим лицам доступ к незаконному осуществлению финансовых операций от его имени, либо лиц, неосознанно вовлекаемых злоумышленниками в преступную цепочку по обналичиванию денежных средств и (или) осуществлению с ними вышеуказанных финансовых операций в целях сокрытия преступной деятельности и оказания существенного противодействия установлению личности преступников, а равно осуществляемую в указанных выше целях деятельность по вовлечению дропов (как разводных, так и неразводных) к участию в преступных цепочках, т.е. дроповодство [1].

В зависимости от субъективного отношения к совершаемому деянию дропперов справедливо подразделять на разводных и неразводных, а последних дополнительно:

- на граждан, умышленно в качестве пособника оказывающих содействие в совершении мошенничества, кражи или иного преступлениях и действующих из корыстных или иных личных побуждений;
- граждан, хотя и не осведомленных об истинном предназначении осуществляемых финансовых операций и преступных целях, но сознательно передающих банковские карты, иные электронные средства платежа третьим лицам или осуществляющих финансовые операции и иные действия в интересах указанных лиц.

Уголовно-правовая характеристика дропперства отражает высокую взаимосвязь между объективной и субъективной стороной совершаемых дроппером деяний, комбинации которых позволяют рассматривать такое явление либо в качестве самостоятельного преступления, предусмотренного ст. 187 или 174 УК РФ, либо в качестве особого способа пособничества в совершении преступлений, как связанных с хищениями электронных денежных средств, так и не связанных с этим, либо в качестве правомерного поведения, не образующего состав преступления в случаях, если деяние, кроме нарушения правил оборота средств платежей, совершается под влиянием обмана или добросовестного заблуждения [2].

Дропперы участвуют в преступных цепочках осознанно и бессознательно в качестве обнальщиков, заливщиков, транзитников и бесконтактников.

К главным характеристикам криминалистического портрета их личности справедливо относить:

- отсутствие работы либо ее низкая оплата;
- стремление к быстрому и легкому заработку;
- низкий уровень социального положения, экономической культуры и финансовой грамотности;
- молодой либо пожилой возраст.

Следовая картина дропперства характеризуется многообразием информационных материальных и идеальных следов, установление которых обычно требует серьезных временных затрат и взаимодействия с банковскими учреждениями, организациями связи и судебными органами.

Знание механизма и особенностей вовлечения дропов в преступную деятельность, особенностей личности и мотивов, обстановки и способов совершения преступного деяния, типичных идеальных и материальных следов деяний дропперов является необходимым условием расследования и раскрытия преступлений, связанных с привлечением последних.

Организация расследования преступлений, связанных с привлечением дропперов, требует оперативности и своевременности проведения необходимых процессуальных и следственных действий с целью максимально быстрого установления личности лица, совершающего преступление. Следователь должен обладать необходимыми знаниями в области организации процессуального и непроцессуального взаимодействия с банковскими учреждениями и организациями, предоставляющими услуги связи, уметь обнаруживать, описывать и фиксировать электронные следы [3].

Вместе с тем особое криминалистическое значение в вопросе противодействия дропперству является организация разъяснительной работы с населением, направленной на повышение финансовой грамотности граждан, в том числе доведение до их сведения правил обращения с банковскими картами, основных преступных схем и методов вербовки дропперов и ответственности за оказание содействия преступным лицам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Криминалистика : учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – С. 46.
2. Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. Проблемы квалификации неправомерного оборота средств платежей // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 3 (70). – С. 15–20.
3. Сычева А. В. О некоторых проблемных вопросах расследования мошенничеств в современных условиях // Юрист-Правоведъ. – 2023. – № 4 (107). – С. 195.

Слушатель Воронежского института МВД России

С. С. Мурсалова

Научный руководитель: Е. А. Пидусов,

кандидат юридических наук, доцент

АНАЛИЗ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ КАК СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В современном обществе использование электронных платежных систем позволили упростить проведение финансовых операций не только при осуществлении покупок, оплате услуг, но и при совершении преступлений. Электронные платежные системы, не имеющие пройденной идентификации, являются очень удобным средством для реализации преступных целей, так как происходит облегчение расчетов по криминальным операциям.

Указом Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [1] были разработаны положения в информационно-телекоммуникационной области, в том числе, связанные с цифровой экономикой. Основная задача использования информационных и коммуникационных технологий для развития экономической сферы деятельности – улучшение механизмов предоставления финансовых услуг в электронной форме и обеспечение их информационной безопасности.

Для достижения поставленной задачи государство должно реализовать до 2030 года ряд мероприятий:

- усовершенствовать законодательство, регламентирующее доступ организаций к данным о гражданах и юридических лицах, включая порядок обработки сведений и государственной защиты персональных данных;
- реализовать защиту данных с помощью применения российских информационных технологий в сфере защиты сведений;
- обеспечить с помощью применения национальной платежной системы и элементов информационной инфраструктуры безопасность проведения в сети Интернет финансовых операций, прозрачность трансграничных платежей.

Таким образом, из-за расширения области использования и применения электронных денежных средств, возникла необходимость не только в урегулировании порядка реализации платежей на законодательном уровне, но и в понимании их функционирования, что позволит исключить пробелы в нормативных правовых актах и совершение преступных действий с использованием электронных платежных систем.

Электронная платежная система (далее – ЭПС) должна обеспечивать следующие операционные процедуры:

- 1) предоставление в пределах электронной платежной системы для участников платежной системы и их клиентов доступ к услугам по переводу денежных средств, включая использование электронных средств платежа;

2) обеспечение обмена электронными сообщениями между участниками ЭПС, между участниками ЭПС и их клиентами, платежным клиринговым центром, расчетным центром, а равно между последними.

Все это является главными функциями платежной системы, в которой главными субъектами финансовых отношений выступают оператор платежной системы, оператор услуг платежной инфраструктуры и иные участники расчетов, совершаемых в платежной системе [2, с. 125].

На основании п. 6 ст. 3 ФЗ № 161 под оператором платежной системы подразумевается организация, определяющая требования и правила платежной системы, а равно выполняющие иные обязанности, установленные законодательством [3, с. 26]. На территории Российской Федерации операторами платежных систем являются юридические лица, получившие лицензию от Центрального банка России (ЦБ РФ) на осуществление деятельности по переводу денежных средств.

Функционирование электронной платежной системы выстраивается в зависимости от способа осуществления перевода денежных средств между плательщиком и получателем денежных средств, в том числе электронных денежных средств.

Для начала необходимо рассмотреть алгоритм работы платежной системы, с использованием банковских карт и лицевых счетов.

В настоящее время большая часть населения осуществляет перевод денежных средств, хранящихся на расчетном счете, с использованием мобильных приложений, что упрощает процедуру проведения расчетной операции и экономит время. Такая процедура имеет свой определенный алгоритм, в котором принимает участие множество субъектов ЭПС.

Система переводов децентрализована и состоит из множества участников, каждый из которых играет свою роль. «Главный оператор» зависит от конкретного платежа. Например, в масштабе РФ Центральный банк играет ключевую роль в регулировании и надзоре за финансовой системой, включая платежную систему. Однако он сам не осуществляет большинство переводов непосредственно. Центробанк устанавливает правила и следит за их исполнением операторами платежных систем.

В масштабе международных переводов работают различные международные платежные системы (SWIFT, например) и банки-корреспонденты, которые сотрудничают для осуществления трансграничных платежей.

Выбор операции и ввод реквизитов плательщиком формирует соответствующее распоряжение, которое проверяется оператором по переводу денежных средств. В ходе данной процедуры оператор проверяет добровольность выполняемой плательщиком операции, но если он заподозрит обман своего клиента, злоупотребление его доверием, оказываемое психологическое давление, то оператор имеет право отказать в совершении платежной операции.

Если все проверки пройдены успешно (достаточность средств для платежа, корректность реквизитов, безопасность, лимиты, санкции, технические проблемы) и система не обнаружила никаких признаков для отказа, то платеж должен быть обработан и завершен).

Срок такого перевода не должен превышать 3 рабочих дней с момента списания денежных средств со счета плательщика. Исключением являются переводы, где банковские счета получателя входят в состав единого казначейства, так как срок таких платежей составляет не более одного рабочего дня, следующего за днем списания денежных средств со счета плательщика.

Необходимо отметить деятельность банковских платежных агентов (далее – БПА), которые привлекаются операторами по переводу денежных средств, являющихся кредитными организациями, в том числе небанковскими кредитными организациями.

Целью привлечения БПА является участие в оказании ими услуг по переводу денежных средств в пользу физических лиц, для погашения кредитов, оплаты услуг операторов сотовой связи, коммунальных услуг, телевидения и услуг сети Интернет; пополнение электронных кошельков, оплаты товаров и услуг, а равно выдача банковских карт физическим лицам.

Одним из популярных БПА является ФГУП «Почта России», реализующая платежные услуги по приему платежей физических лиц. Статистический отчет показал, что в 2023 году 79732 операции были проведены для оплаты коммунальных услуг; 13625 операций – оплата услуг операторов фиксированной связи; 6341 операция связана с оплатой услуг сотовой связи; 421 операция – оплата товаров и услуг [4, с. 3].

После проведения всех вышеуказанных процедур, осуществленных оператором по переводу денежных средств, распоряжение плательщика поступает в платежный клиринговый центр, который отвечает за исполнение распоряжения участников платежной системы (проверяет наличие денежных средств на счету для исполнения распоряжения, соблюдение требований и определяет клиринговые позиции).

Если на счете клиента недостаточно денежных средств, то платежный клиринговый центр имеет право направить участникам платежной системы запросы о переводе денежных средств на банковские счета участников системы.

Платежные клиринговые позиции – это задолженность или кредиторская задолженность, возникающая между участниками клиринговой системы в результате проведения платежных операций (это баланс взаимных обязательств, который формируется в результате того, что участники системы перевели друг другу деньги, но еще не завершили процесс полного расчета)

Однако до поступления распоряжения в расчетный центр клиринговым центром автоматически посылается запрос в банк-эмитент для дальнейшего проведения авторизации платежа. Если представленный этап оплаты товара заканчивается успешно, то за ним наступает этап аутентификации.

Этап аутентификации регламентируется положениям ГОСТ Р 58833-2020, в котором закрепляется, что аутентификация проводится с целью проверки банком-эмитентом достоверности в том, что лицо, проводящее расчетную операцию, действительно является тем зарегистрированным субъектом доступа, за кого себя выдает предъявленным идентификатором доступа.

При проведении расчетного платежа зачастую используется однофакторная система защиты, которая характеризуется использованием в качестве аутентификационного информационного пароля, пин-кода, CVV или ответа на вопрос, который знает исключительно пользователь. В ходе однофакторной аутентификации принимают участие субъект доступа, инициирующий проверку (банк-эквайер), и объект доступа, являющийся проверяющей стороной (банк-эмитент).

После проведенной проверки клиринговым центром последний направляет распоряжение в расчетный центр, который в последующем списывает денежные средства с банковского счета плательщика и зачисляет на банковский счет получателя [5, с. 13].

Окончание расчетной операции зависит от операторов по переводу денежных средств, обслуживающих плательщика и получателя:

- если одинаковые операторы, то окончание приходится на момент поступления денежных средств на счет получателя;
- если разные операторы, то окончание приходится на момент поступления денежных средств оператору по переводу денежных средств получателя [6, с. 114].

Следующим способом проведения расчетной операции, является перевод денежных средств по требованию получателя.

Особенность такого перевода связана со списанием денежных средств с расчетного счета плательщика с его согласия (акцепта плательщика) по распоряжению получателя денежных средств. На практике такие операции присущи для автоматического списания денежных средств в счет оплаты кредитов, подписок в приложении и др.

Договор с плательщиком обязательно должен быть заключен с соблюдением ч. 1 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно: свобода граждан и юридических лиц в заключении договора [7]. Данный принцип составляет основу списания денежных средств с лицевого счета плательщика в пользу получателя по требованию.

При наличии такого согласия и заключенного договора, оператор по переводу денежных средств автоматически реализует списание денежных средств с лицевого счета своего клиента в назначенный срок в пользу получателя.

Следующий алгоритм функционирования электронной платежной системы связан с электронными денежными средствами, среди которых можно выделить: электронные кошельки, внутренние валюты сервисов и использование сервисов с криптовалютой.

Алгоритм проведения платежа с помощью электронных денежных средств схож с алгоритмом проведения безналичных операций с использованием банковских карт, однако имеются и отличительные особенности.

Во-первых, электронным платежным средством при осуществлении операции с ЭДС, являются: электронные кошельки, доступ к которым предоставляется через компьютеры, сотовые устройства, специального программного обеспечения, устанавливаемого на вышеуказанных технических средствах, а равно банковские предоплаченные карты [8].

Во-вторых, денежные средства клиентом могут вноситься, как с применением банковского счета, так и без его использования (через банковских платежных агентов).

В-третьих, наличие ограничений, связанных с процедурой прохождения идентификации клиента.

Идентификация подразумевает под собой совокупность мероприятий по установлению сведений о клиентах, их представителях, выгодоприобретателях и подтверждению достоверности имеющихся сведений с использованием оригиналов документов или заверенных копий, или государственных и других информационных систем.

Выделяют два вида идентификации: полную и упрощенную идентификацию.

В первом случае, для прохождения идентификации физического лица необходимо установить следующие сведения: фамилию, имя, отчество (при его наличии), гражданство, дату рождения, данные документа, удостоверяющего личность, данные миграционной карты, документа, подтверждающего право иностранца на нахождение на российской территории, адрес места жительства (регистрации), места пребывания.

Данный вид идентификации предоставляет право гражданину получить персонифицированное платежное средство и использовать его для проведения операций до 600 тысяч рублей.

В ходе прохождения упрощенной операции лицом предоставляются следующие сведения: фамилия, имя, отчество, номер и серия документа, удостоверяющего личность. В ходе прохождения данного вида идентификации, физическое лицо имеет право применять ЭПС для перевода ЭДС в сумме, не превышающей 60 тысяч рублей, а на протяжении месяца не более 200 тысяч рублей.

В случае не проведения процедуры идентификации, физическое лицо не может осуществлять операции, превышающие денежную сумму в размере 15 тысяч рублей, так как ЭПС является неперсонифицированным.

Относительно идентификации юридических лиц, для них присуща исключительно полная идентификация, при прохождении которой, они имеют право осуществлять перевод денежных средств на сумму, не превышающую 600 тысяч рублей [9, с. 25].

Так как использование электронных платежных средств занимает лидирующие позиции по их использованию на территории России, то необходимо отметить, что основная проблема их нормального функционирования связана с небезопасностью их применения. Распространение вредоносных программ, хакерских атак зачастую являются основной причиной потери доступа к аккаунту мобильного кошелька и иных платежных средств.

Для недопущения данных проблем и бесперебойности функционирования платежной системы, в последней выстраивается система управления рисками, регламентированная ст. 28 ФЗ № 161.

Основными мероприятиями данной системы являются:

- доведение информации о рисках до оператора платежной системы;
- определение методик анализа рисков;
- определение порядка изменения операционных и технологических средств и процедур и другие.

Необходимо отметить, что основной порядок функционирования электронной платежной системы закреплён в ФЗ №161, однако аспекты, связанные с проведением расчетных операций с использованием электронных денежных средств отражаются и в иных нормативных правовых источниках, что формирует разброс нормативных требований.

Алгоритм проведения расчетных операций, независимо от электронного платежного средства, имеет схожесть непосредственно в самой процедуре функционирования. Несмотря на это, стоит выделить характерные особенности для некоторых видов ЭПС.

Основными участниками национальной платежной системы являются операторы по переводу денежных средств (операторы электронных денежных средств), в обязанности которых входит обслуживание счетов плательщика и получателя денег: получение распоряжения плательщика (требование получателя), проверка необходимых реквизитов, добровольность проведенной операции. После проведения всех вышеуказанных действий, распоряжение (требование) передается в платежный клиринговый центр. На данном этапе происходит проверка наличия денежных средств на счету для исполнения распоряжения, соблюдения требований и определения клиринговые позиции. Положительная реализация вышеуказанных процедур, формирует автоматический запрос в банк-эмитент о проведении авторизации и аутентификации. Далее, распоряжение передается в расчетный центр, который производит выплату получателю денежных средств со счета плательщика.

Относительно проведения расчетных операций с использованием ЭПС стоит отметить следующие особенности:

- специфичные электронные платежные средства;
- денежные средства клиентом могут вноситься как с применением банковского счета, так и без его использования;
- наличие ограничений, связанных с процедурой прохождения идентификации клиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
2. Криворучко С. В. Национальная платежная система: структура, технологии, регулирование. Международный опыт, российская практика : монография. – Москва : ЦИПСир, 2013. – С. 125.
3. Рогова М. И. Правовое регулирование деятельности операторов платежных систем // Юридическая наука. – 2022. – № 8. – С. 26.
4. Обзор деятельности банковских платежных агентов, платежных агентов и организаций федеральной почтовой связи по оказанию платежных услуг в 2023 году : информационно-аналитический материал. – Москва, 2024. – С. 3.
5. Овчинникова О. П. Региональный расчетно-клиринговый центр как элемент производственной банковской инфраструктуры территории // Финансы и кредит. – 2018. – № 1. – С. 13.
6. Лихолетова Н. В., Олейникова И. Н. Экономическая культура и основы финансовой грамотности : учебник. – Таганрог : Издательство ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. – С. 114.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
8. О предоставлении клиентам – физическим лицам информации об использовании электронных денежных средств клиентами – физическими лицами : информационное письмо Банка России от 26 октября 2021 г. № ИН-04-45/84. – URL: www.garant.ru (дата обращения: 23.04.25).
9. Голованов Н. М. Субъекты перевода электронных денежных средств по российскому законодательству // Глобус: экономика и юриспруденция. – 2019. – № 2. – С. 25.

Слушатель Воронежского института МВД России

В. В. Перепечина

Научный руководитель: Е. А. Пидусов,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ С КИБЕРВАЛЮТАМИ

Расследование преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, может быть эффективным только при условии четкого понимания особенностей осуществления операций с криптовалютами, механизма функционирования технологии блокчейн. Механизм функционирования криптовалюты непосредственно обуславливается той системой, в которой валюта обращается. Особенности осуществления операций с криптовалютами проанализируем на примере самой распространенной криптовалюты bitcoin.

Механизм осуществления операций с bitcoin основан на центральном платежном реестре – блокчейн (цепочке блоков), под которым понимается распределенный реестр для хранения и передачи цифровых активов (беспрерывная последовательная цепочка блоков). На этом публичном коллективном регистре основана вся сеть Bitcoin.

Специфика блокчейна состоит в том, что в этой системе вся информация распределена по блокам, в каждом новом блоке содержатся данные по совершенным операциям за конкретный отрезок времени [1, с. 49]. Это разновидность распределенной сети, база данных которой представлена в виде цепочки последовательно связанных блоков, записанных на компьютерах («нодах»). Понятие «блокчейн» трактуется как «вносимая в память компьютера электронная закодированная запись о выполненных операциях с применением криптовалюты, как технология шифрования и хранения данных реестра, распределенных между множеством компьютеров, объединенных в одну общую сеть» [2, с. 56]. Технология блокчейн предназначена для хранения данных, содержащихся в цепочке последовательно связанных блоков на компьютерах. Это выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков информации, копии которых хранятся и обрабатываются на множестве компьютеров. В каждом таком блоке заключен уникальный код (хеш), также содержащий хэш предыдущего блока в цепочке. После того как запись добавлена в цепочку, ее уже изменить нельзя [3].

Схема технологии блокчейн показана на рисунке 1.

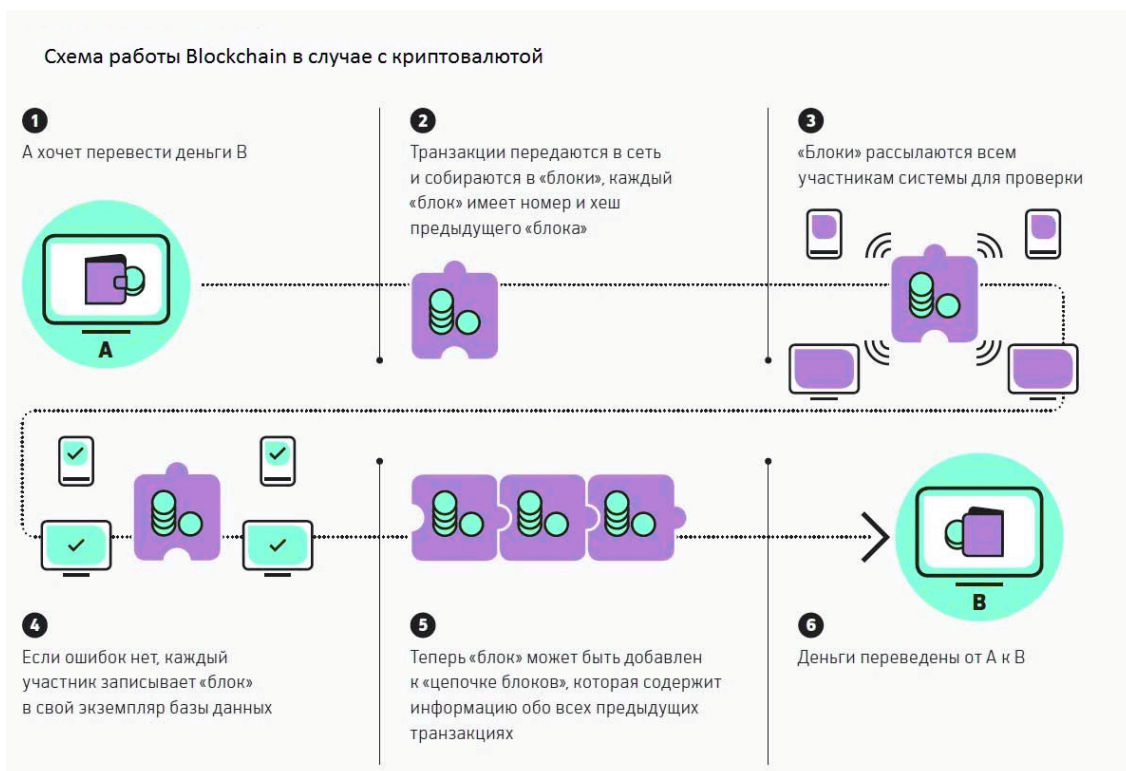

Рис. 1. Схема работы blockchain [4]

Особенности осуществления операций с кибервалютами на основе технологии блокчейн состоят в том, что в каждом последующем блоке цепочки дополняется или изменяется информация предшествующего блока. После внесения подобных изменений (дополнений) компьютер, на котором это выполнено, каждый раз рассылает остальным компьютерам сети новый код денежной единицы. Следует отметить, что в реестре хронологическая последовательность и цельность операций обеспечиваются посредством применения методов криптографии.

Как уже отмечалось нами ранее, блокчейн не предполагает серверные центры. В блокчейне происходит распределение частиц информации по всем подсоединенным к этой сети компьютерам, что обеспечивает невозможность совершения кибератак. А. Б. Судницын и В. В. Молоков обращают внимание на то, что технология блокчейн, выстроенная на основе принципов децентрализации и приватности, способна достаточно эффективно обеспечивать анонимность, безопасность и скорость осуществления транзакций [5, с. 215].

Отправитель для передачи биткоинов должен иметь bitcoin-адреса (один, несколько, любое число), которые представляют собой средство идентификации, необходимое для определения принадлежности конкретных биткоинов. Это уникальные идентификаторы, предназначенные для осуществления операций с цифровой валютой в системе Bitcoin.

Для осуществления транзакций по переводу кибервалюты

(биткоинов) в систему Bitcoin отправляется сообщение с адресами отправителя и получателя, а также с указанием суммы переводимых биткоинов. Далее, получив данное сообщение каждый узел (peer) системы Bitcoin, выполняет обновление своей версии платежного реестра, после чего передает сообщение о совершенной операции другим узлам, которые также фиксируют поступившую информацию. Следует отметить, что у лица, генерирующего сообщение о передаче bitcoin с одного адреса на другой, должна иметься информация о пароле, относящемся к данному адресу. Владелец биткоина должен обладать цифровым ключом в виде комбинации цифр, позволяющей выполнить доступ к системе блоков. При этом требуется наличие и частного (закрытого), и публичного (открытого) ключей.

Примеры публичного и частного ключей представлены на рисунке 2.

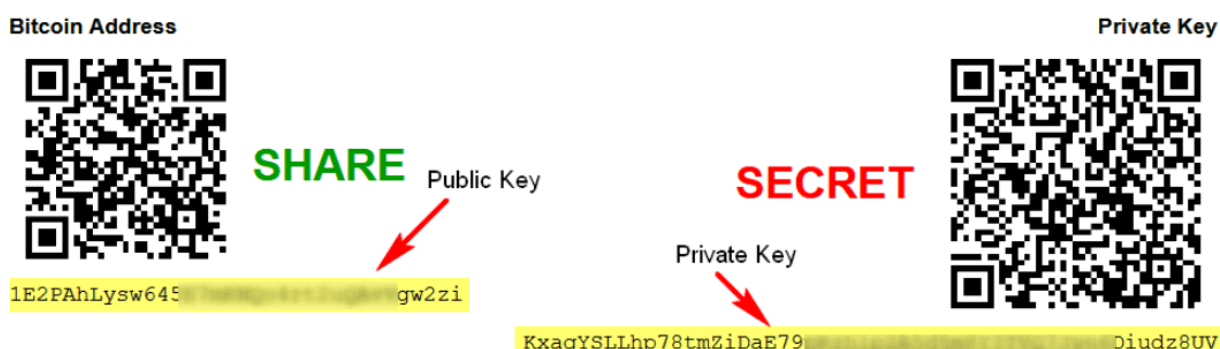

Рис. 2. Публичный и частный ключи

Приватный ключ генерируется случайным образом и доступен только владельцу криптокошелька, а публичный – создается посредством криптографического преобразования приватного ключа. Цель публичных и приватных ключей состоит в том, чтобы доказать действительность подписания проведенной транзакции владельцем средств [6, с. 76]. Публичный и приватный ключи представляют собой взаимосвязанные буквенно-цифровые комбинации. При этом такая связь между ключами имеет односторонний характер – зная приватный ключ, можно восстановить ключ публичный, но в обратном порядке данная схема не работает: узнать приватный ключ с помощью одного лишь публичного ключа нельзя.

Важно различать публичный (открытый) ключ и адрес (аккаунт, счет), несмотря на их сходство. Если адрес формируется из публичного ключа, то публичный ключ из адреса получить невозможно. Можно полагать, что адрес – это неполная (защищенная) версия публичного ключа. Публичный ключ имеет вид набора случайных символов и цифр, например, «1A1zP1eP5QGefi2DMPTfTL5SLmv7DivfNa». Он является уникальным идентификатором пользователя в сети Bitcoin, средством расшифровки публичной информации. Публичный ключ участвует в генерации адреса получателя. Адрес могут увидеть все, например, кто отслеживает транзакцию определенной монеты в блокчейне, попадавшей на данный адрес.

Приватный ключ (Private Key) имеет вид особой сложной криптограммы, комбинации символов, созданной с использованием алгоритма шифрования и предоставляющей доступ и распоряжение средствами. «Это случайное число длиной в 256 бит, генерируемое для каждого счета пользователя» [7]. Данный уникальный идентификатор используется для подтверждения прав на совершение транзакции с его адресом-парой. Он может выглядеть как как QR-код или как хаотичный набор букв и цифр.

Пример приватного ключа на блокчейне биткойна: 5JPeWYZx922hXi49Lg2RIPWLIqcmDGS9YegMNgANvx8cJa6kNK8

Приватный ключ выполняет следующие основные функции: надежное хранение криптовалюты, что возможно благодаря тому, что проведение операций с этими цифровыми активами доступно лишь лицу, обладающему приватным ключом; выполнение приватным ключом роли цифровой подписи при проведении транзакций (подпись транзакций) [8, с. 219].

Операции с кибервалютами осуществляются на основе принципа сбалансированности всех сделок, что предполагает совпадение числа биткойнов на входах транзакции с числом биткойнов на выходах. Таким образом обеспечивается проведение верификации.

Как уже отмечалось, в системе Bitcoin транзакции объединяются в блоки, которые собираются в цепочку блоков. Причем в цепочке каждый последующий блок соединен с предыдущим блоком. В том случае, когда транзакции не связаны в блок, то они признаются неподтвержденными. Следует отметить, что безопасность перевода биткойнов обеспечивается за счет выжидания определенного периода времени (не менее десяти минут). Вследствие этого работа соответствующей сети устроена таким образом, чтобы каждый последующий блок присоединялся к цепи один раз в десять минут.

Процесс построения блоков и их добавления к цепочке именуется майнингом. Данная цепочка блоков создается майнерами – компьютерами, оснащенными мощной видеокартой и специальным программным обеспечением. Майнинг реализуется, как правило, организованными группами майнеров (пулами, организующими майнинг-фермы) [9, с. 94].

Оборот (продажа и покупка) кибервалюты происходит с помощью бирж, пункта обмена или лицами, обладающими цифровыми активами. Схема оборота данной цифровой валюты посредством специализированной биржи мы представили на рисунке в приложении. Все биржевые площадки (любого типа и функционала) работают по подобному принципу.

Алгоритм таких действий включает:

- 1) прохождение регистрации. Сначала вводится логин и пароль с подтверждением e-mail, а затем возможна идентификация личности пользователя с проверкой его личных данных;

- 2) пополнение счета. Для начала торгов вносятся средства на счет (кибервалюта или фиатные деньги);

3) оформление заявки на сделку (куплю-продажу) с избранным цифровым активом. С учетом конкретной ситуации пользователем совершается сделка по текущей рыночной цене, либо он выставляет свою стоимость, ожидая ее выполнения. Стоит обратить внимание на то, что некоторые криптобиржи обладают внутренним сервисом для конвертации криптовалют между собой или на фиатные деньги. В результате становится возможным моментальное проведение обмена;

4) вывод денег на криптокошелек, электронную платежную систему или банковскую карту. Деньги могут быть оставлены на внутреннем бумажнике биржи, однако долго хранить не следует, ибо приватными ключами распоряжаются владельцы площадок [10].

При использовании кибервалют для покупки и продажи товаров (услуг) алгоритм оплаты биткоинами предполагает следующую последовательность действий: запуск на смартфоне биткойн-кошелька → поиск QR-кода на сайте онлайн-магазина в разделе «Финансы» → сканирование QR-кода счета оплаты → нажатие кнопки Send (Отправить) → подтверждение действия своим PIN-кодом [11].

Следует указать на то, что имеется множество различных способов обналачивания кибервалюты (ее вывода и обмена на фиатные деньги), в частности с помощью обменников, через биржи, при личной встрече за наличные деньги. Через обменники (специальные сервисы) осуществляется продажа криптовалюты и затем – перевод денежных средств на банковскую карту. Конечная цель оборота криптовалюты состоит в монетизированности, то есть в получении наличных денег, а не биткоинов.

По нашему мнению, алгоритм обналачивания биткоинов включает определенную последовательность действий:

- выбор пользователем обменника;
- указание данным пользователем наименования криптовалюты и ее объема, предполагаемого к выводу;
- указание в ответ обменником получаемой суммы в рублях и адреса, куда необходимо перевести деньги;
- перевод пользователем денежных средств по этому адресу (на сайте обменника может потребоваться нажать кнопку «оплатил»);
- обработку сотрудниками обменника транзакции после поступления в его адрес кибервалюты и перевод денежных средств на счет пользователя.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы:

1. Механизм осуществления операций с bitcoin основан на центральном платежном реестре – блокчейн (цепочке блоков), под которым понимается распределенный реестр для хранения и передачи цифровых активов (беспрерывная последовательная цепочка блоков). Технология блокчейн предназначена для хранения данных, содержащихся в цепочке последовательно связанных блоков на компьютерах. Это выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков информации, копии которых хранятся и обрабатываются на множестве компьютеров. В

каждом таком блоке заключен уникальный код (хеш), также содержащий хэш предыдущего блока в цепочке. После того как запись добавлена в цепочку, ее уже изменить нельзя.

2. При использовании криптовалюты для покупки и продажи товаров алгоритм оплаты биткоинами включает: запуск на смартфоне биткойн-кошелек → поиск QR-кода на сайте онлайн-магазина в разделе «Финансы» → сканирование QR-кода счета оплаты → нажатие кнопки Send (Отправить) → подтверждение своим PIN-кодом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафарли А. Х., Мамедов М. А., Болонин А. И. К вопросу о текущем состоянии и перспективах дальнейшего развития мирового рынка криптовалют // Финансы и управление. – 2022. – № 3. – С. 49.

2. Изотов Ю. Г., Лушникова М. В. Теория криптовалют : монография. – Москва : Проспект, 2022. – С. 56.

3. Основы криптоиндустрии. Что такое Блокчейн (Blockchain). – URL: <https://habr.com/ru/articles/816045/> / (дата обращения: 25.03.2025).

4. Схема работы blockchain. – URL: <https://in.pinterest.com/pin/> (дата обращения: 25.03.2025).

5. Судницын А. Б., Молоков В. В. Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). – С. 215.

6. Мельник Л. Л. Классификация интернет-ресурсов, используемых при расследовании преступлений, совершенных посредством криптовалют и электронных денег // Предварительное расследование. – 2021. – № 1. – С. 71–76.

7. Что такое приватный ключ для крипто-кошелька. – URL: <https://mining-cryptocurrency.ru> (дата обращения: 04.04.2025).

8. Кожедубова В. А., Ковалева Т. В. Криптовалюты в России: анализ правового статуса, проблемы использования и перспективы развития // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 4-1. – С. 219.

9. Шурухнов Н. Г., Мерещкий Н. Е., Жердев П. А. Роль криминалистических данных о механизме функционирования криптовалюты в выявлении и раскрытии преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (46). – С. 94.

10. Принцип работы бирж криптовалют. – URL: <https://tehnoobzor.com/cryptolife/birzhi> (дата обращения: 26.03.2025).

11. Чернышева М. А., Гребеник В. В. Криптовалюта, как платежный инструмент денежно-кредитной сферы // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14. – № 3. – URL: <https://esj.today> (дата обращения: 26.03.2025).

Курсант Воронежского института МВД России

А. В. Пряников

Научный руководитель: Е. С. Бондаренко

О ПЕРСПЕКТИВАХ ВНЕДРЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИННОВАЦИОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Из-за высокой скорости научно-технического прогресса современное мировое общество стало информационным, так как получило доступ к новейшим цифровым и инфокоммуникационным технологиям. К слову, информатизации общества как мировому явлению способствовала так называемая «Четвертая промышленная революция» К. Шваба [1]. Безусловно, процесс информационной технологизации в Российской Федерации не мог не коснуться органов государственной власти, осуществляющих административно-юрисдикционную деятельность, и, соответственно, обеспечить должностных лиц современными информационно-коммуникационными достижениями науки для повышения эффективности их работы.

Сегодня в научно-технической разработке искусственного интеллекта в органах внутренних дел Российской Федерации тестируется множество разнообразных проектов, однако, следует выделить самые перспективные из всех.

В 2023 году Заместитель Министра внутренних дел В. Д. Шулика утвердил план по внедрению технологий ИИ в деятельность МВД России. Крупнейшими разработками, которые должны были внедрены до 2025 года являются проекты «Клон» и «Конъюнктура». Остановимся на каждом более подробно.

«Клон» – это система искусственного интеллекта, главной задачей которого является проверка подлинности изображений, видеозаписей. В частности, стоит отметить, что данная система очень полезна для выявления фальсификаций и манипуляций с визуальными материалами, которые в соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ являются доказательствами [2].

Говоря об использовании данной системы в административно-юрисдикционной практике, стоит отметить, что ее функции значительно оптимизируют деятельность правоохранительных органов в производстве административного расследования в порядке ст. 28.7 КоАП РФ. Особенно актуально применение системы ИИ «Клон» для проверки материалов по делам о нарушениях законодательства в сфере использования средств массовой информации: например, злоупотребление свободой массовой информации (ст.13.15 КоАП РФ).

Система ИИ «Конъюнктура» призвана прогнозировать негативные события и чрезвычайные ситуации, а также моделировать сценарии

реагирования на них. В правоохранительной деятельности органов внутренних дел данная система будет достаточно актуальна. Например, не говоря об административно-юрисдикционной практике, а затрагивая отдельные аспекты деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений, следует отметить, что данная система может использоваться в деятельности по предупреждению преступлений, а именно: исходя из данных о личности прогнозировать его возможную модель поведения и выстраивать сценарии реагирования.

Также стоит сказать, что данная система прогнозирует динамику как общей преступности, так и ее отдельных видов.

Касаясь непосредственно административно-юрисдикционной деятельности, на наш взгляд, применение данного ИИ значительно облегчит деятельность подразделений по делам несовершеннолетних (КДН и ЗП) в части, касающейся проведения профилактических мероприятий и мероприятий, связанных с предупреждением правонарушений.

В Москве уже начаты испытания нейросетевых систем на ключевых дорогах для обнаружения нарушений правил дорожного движения, связанных с использованием средств индивидуальной мобильности, включая электросамокаты. Это было объявлено начальником городской Госавтоинспекции Александром Быковым.

Конкретная функция нейросети пока не известна, но предполагается, что она будет выделять пользователей самокатов из общего транспортного потока. МВД России планирует использовать столичную систему видеонаблюдения для отслеживания перемещений граждан. Пользователи самокатов часто следуют одним и тем же маршрутам. На основе данных с камер ГАИ может быть начато административное расследование по ст. 28.7 КоАП РФ, которое длится до двух месяцев и включает запрос видео, опрос свидетелей и установление личности нарушителя.

Из всего вышесказанного следует вывод, что использование нейросетей в органах внутренних дел является очень актуальным направлением деятельности правоохранительных органов. Несмотря на то что на данный момент эта технология в основном на практике использует такую область действия, как распознавание, ее возможности будут гораздо шире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции : пер. с англ. – Москва, 2018. – С. 14.
2. Клон и Конъюнктура: МВД России анонсировало внедрение ИИ в правоохранительную деятельность к 2025 году. – URL: <https://www.securitylab.ru>.

Слушатель Воронежского института МВД России

Э. Э. Саатбеков

Научный руководитель: И. С. Звягин,

кандидат юридических наук

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) – преступление, при котором жертва под воздействием угроз, жестокого обращения или систематического унижения решается на суицид. Преступление требует прямой причинно-следственной связи между действиями преступника и самоубийством жертвы.

Различают контактные и дистанционные формы совершения преступления. Контактные формы включают физическое насилие, угрозы, социальную изоляцию, экономическое давление. Контактные формы характерны для семейных, трудовых, учебных и закрытых сообществ (например, религиозные секты, исправительные учреждения) [1]. Примером контактного доведения до самоубийства является дело, рассмотренное Хабаровским гарнизонным судом, где сослуживец систематически унижал жертву, что привело к суициду [2]. Для дистанционных форм отличительной чертой является использование интернета: кибербуллинг (травля в соцсетях), манипуляции в «группах смерти», которые вовлекают подростков через игры и задания, ведущие к суициду, используя психологические методы давления. Примером дистанционного доведения до самоубийства отражен в приговоре Собинского суда по созданию суицидальной группы в соцсети «ВКонтакте» [3].

Жертвы доведения до самоубийства обычно не имеют изначальной склонности к суициду. Они обладают такими чертами, как:

- повышенная восприимчивость к критике и унижениям;
- склонность к самообвинению и зависимость от мнения окружающих;
- идеализм и высокая требовательность к себе;
- эмоциональная неустойчивость и тревожность.

Большинство жертв – женщины (73,2%), возрастная группа 15–35 лет (62,5%). Также уязвимой группой являются подростки из-за психологической незрелости и социальной зависимости. Жертвы кибербуллинга чаще страдают от депрессии, тревожных расстройств, психосоматических симптомов и склонности к самоповреждению [4].

Преступники – чаще мужчины (89,6%), многие злоупотребляют алкоголем, не имеют постоянной работы, 27,5% имеют судимости.

Основные черты личности преступника:

- жестокость, цинизм, низкий уровень эмпатии;

- уверенность в безнаказанности (72,3% случаев);
- стремление к доминированию и моральному унижению жертвы.

Мотивы включают жажду власти, месть, развлечение или самоутверждение. В дистанционных формах (кибербуллинг, «группы смерти») преступники часто используют анонимность и манипуляции, опираясь на низкую социальную компетентность жертв. В 72,4% случаев преступник и жертва состоят в близких отношениях (семья, супруги, соседи). Длительные конфликты и неприязненные отношения усугубляют психологическое давление [5].

При рассмотрении следов, возникающих при совершении преступления – доведения до самоубийства – а также методов их фиксации и извлечения, следует учитывать, что могут быть оставлены как материальные следы, такие как суицидальные записки, дневники, письма, трасологические следы (отпечатки рук, следы обуви, петли на веревке), биологические материалы (кровь, волосы), повреждения на теле потерпевшего (раны, признаки борьбы), видеоматериалы с записями унижений или насилия, а также идеальные следы: воспоминания свидетелей, мысленные образы событий.

Анализ материальных следов проводится в соответствии с видом обнаруженного следа. Так, при обнаружении суицидальных записок проводится почерковедческая экспертиза для определения авторства и условий написания (стресс, давление). При обнаружении же трасологических следов проводят сравнение отпечатков для исключения инсценировки самоубийства. Если на месте преступления имеется огнестрельное оружие или иные орудия, возможно имеющие отношение к смерти потерпевшего, проводится анализ направленности выстрелов или характера ран для установления обстоятельств смерти.

Отдельно выделяют «цифровые» следы, подразделяющиеся на *пассивные цифровые следы*:

- история посещения сайтов, поисковые запросы (например, «как довести человека до самоубийства»);

– метаданные файлов (время создания, местоположение устройства);

активные цифровые следы:

- переписки в соцсетях и мессенджерах, содержащие угрозы или манипуляции, публичные страницы, чаты и т.д.

Стоит отметить, что для доступа к данным соцсетей и мессенджеров требуется судебное решение (ст. 185, 186.1 УПК РФ), а для изъятия и анализа цифровых следов необходимо привлечение IT-специалистов (ст. 168 УПК РФ).

Различают следующие методы фиксации и изъятия цифровых следов:

- физическое копирование данных с устройств (компьютеров, смартфонов);
- анализ браузерной истории и кэша с помощью специализированного ПО (EnCase, FTK);
- восстановление удаленных данных (Recuva, Disk Drill);

- запрос логов у интернет-провайдеров;
- создание скриншотов и расчет хеш-сумм для верификации данных [6].

Таким образом, доведение до самоубийства – многогранное преступление, включающее психологическое и физическое насилие, угрозы и манипуляции. Важной особенностью является то, что преступник стремится к подавлению воли жертвы до уровня, при котором она принимает решение о самоубийстве как о единственном выходе. Применяемые способы варьируются от контактного давления до дистанционного, часто через интернет, что обуславливает определенные особенности в расследовании данной категории преступлений, фиксации и изъятии следов преступления. Контактные формы преступлений характерны для близких социальных групп (семья, учебные заведения, места работы), а дистанционные формы часто проявляются через кибербуллинг и участие в «группах смерти». При этом дистанционные методы становятся всё более популярными в условиях цифрового общества, а подростки оказываются наиболее уязвимыми для такого вида воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюпов В. Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2012. – № 2 – С. 16.
2. Приговор Хабаровского гарнизонного военного суда. – URL: <https://habargvshbr.sudrf.ru>.
3. Архив Собинского городского суда. – URL: <http://oblsud.wld.sudrf.ru>.
4. Вишневецкий К. В., Доев В. А. Виктимологическая характеристика личности жертвы доведения до самоубийства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 52.
5. Буряковская Е. В. Доведение до самоубийства как негативное социально-правовое явление // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 11. – С. 215.
6. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3 – С. 44.

Курсант Воронежского института МВД России

В. Ю. Тимофеева

Научный руководитель: Е. И. Пырьева,

кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) представляют большую угрозу современному обществу, которая требует проведения комплексного криминалистического анализа. Криминалистическая характеристика этих преступлений включает в себя такие элементы, как способы совершения, механизмы слеодообразования, личность преступника и потерпевшего, а также обстановка совершения преступлений.

Способы совершения преступлений в ИТТ варьируются от фишинга и взлома до DDoS-атак и распространения вредоносного ПО [1, с. 12].

Механизмы слеодообразования имеют специфичный характер и включают в себя целый ряд следов: электронные следы, IP-адреса, логи серверов и другие цифровые данные, которые требуют специальных навыков для обнаружения и проведения анализа.

Личность лица, совершающего преступления в сфере ИТТ, может быть различной: от одиночек-хакеров до организованных преступных групп. Значительная цифровизация общественных отношений исследование личности киберпреступника приобретает особую важность.

Классификация киберпреступников, основанная на уровне их умений и навыков в области информационных технологий, включает следующие категории:

- лица с различной степенью владения IT-навыками, не занимающиеся систематической преступной деятельностью;
- лица со средним или недостаточным уровнем IT-компетенций, которые систематически осуществляют преступную деятельность, часто это происходит в составе организованных групп;
- лица с высоким уровнем знаний в сфере информационных технологий, регулярно осуществляющие преступные действия [2, с. 28].

Личность потерпевшего представляет особую важность, поскольку уровень его цифровой грамотности и защищенности может повлиять на выбор способа совершения преступления.

Ещё одним элементом криминалистической характеристики, является обстановка совершения преступления, которая включает в себя место и время, а также обстоятельства, при которых совершалось преступление [3, с. 114]. Важность также представляет анализ географии преступлений,

которая может быть как локальной, так и трансграничной, поскольку преступники могут находиться в одной стране, а их жертвы – в другой. Это свидетельствует о том, что важным аспектом является международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью. Использование анонимных сетей и криптовалют затрудняет установление местонахождения преступников и отслеживание финансовых потоков.

Для расследования и раскрытия преступлений в сфере ИТТ сотрудники ОВД занимаются изучением используемых информационных систем, сетевой инфраструктуры, программного обеспечения, проведением компьютерно-технических экспертиз, анализом цифровых следов, а также использованием методов оперативно-розыскной деятельности в виртуальной среде. Анализ уязвимостей и слабых мест позволяет не только выявить причины успешного совершения преступления, но и разработать меры по их устранению в будущем.

Особенности расследования преступлений в сфере ИТТ требуют применения специальных знаний и навыков в области компьютерной техники и информационных технологий. Важным аспектом является сбор и анализ цифровых доказательств, которые могут быть представлены в виде электронных писем, файлов, логов серверов и другой цифровой информации. Предупреждение преступлений в сфере ИТТ требует комплексного подхода, включающего в себя разработку и внедрение эффективных мер кибербезопасности, повышение уровня цифровой грамотности пользователей и совершенствование законодательства в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вехов В. Б. Компьютерные преступления. Способы совершения, методики расследования. – Москва : Право и Закон, 1996. – 182 с.
2. Жижина М. В., Завьялова Д. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах – Москва : Проспект, 2023. – 136 с.
3. Поляков В. В. Обстановка совершения преступлений в сфере компьютерной информации как элемент криминалистической характеристики // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2-1 (78). – С. 114–116.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СУДЕБНОЙ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В последние годы судебная дактилоскопическая экспертиза претерпела значительные изменения благодаря внедрению новых технологий. Проблема заключается в необходимости адаптации традиционных методов к современным требованиям, что требует глубокого анализа существующих подходов и их эффективности. В данной работе ставится цель исследовать современные методы дактилоскопической экспертизы, выявить их преимущества и недостатки, а также оценить влияние инновационных технологий на судебную практику. Ключевыми фигурами в этой области являются как ученые, занимающиеся разработкой новых методов, так и практикующие эксперты, которые применяют эти технологии в своей работе. Важным аспектом является также влияние автоматизированных систем идентификации отпечатков, которые значительно изменили процесс дактилоскопической экспертизы. Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях растущей преступности и необходимости повышения эффективности судебных процессов как в России, так и в мире, внедрение новых технологий становится неотъемлемой частью работы правоохранительных органов. В рамках данной темы можно попытаться решить задачи, связанные с сравнительным анализом традиционных и современных методов, оценкой эффективности автоматизированных систем и изучением этических аспектов применения новых технологий в судебной практике [1]. Таким образом, данное исследование направлено на глубокое понимание влияния новых технологий на судебную дактилоскопическую экспертизу и их роль в изменении судебных процедур. В основной части работы будет представлен детальный анализ современных методов и инструментов, а также их практическое применение в судебной системе.

Дактилоскопия, основанная на уникальности и неизменности папиллярных узоров пальцев рук, на протяжении столетия является одним из наиболее надёжных методов идентификации личности. Однако в эпоху стремительного развития информационных технологий, традиционные методы дактилоскопической экспертизы нуждаются в совершенствовании и адаптации к новым реалиям. Появление новых видов преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, требует разработки более точных, быстрых и эффективных методов дактилоскопической идентификации.

В связи с этим, современные исследования в области судебной дактилоскопии направлены на решение следующих задач [4]:

1. Повышение точности и надёжности идентификации личности по отпечаткам пальцев.
2. Использование новых технологий для визуализации и анализа папиллярных узоров.
3. Автоматизация процессов дактилоскопирования и экспертного анализа.
4. Разработка интеллектуальных систем автоматической идентификации личности.

Одной из важнейших задач современной дактилоскопической экспертизы является повышение точности идентификации личности по отпечаткам пальцев.

Эта задача решается путём [2]:

1. Совершенствования методов выявления, фиксации и изъятия следов рук. С каждым днём создаются и разрабатываются новые химические реактивы, порошки и методы обработки различных поверхностей, которые позволяют выявить скрытые и слабовидимые следы рук, пригодные для идентификации.

2. Внедрения методов статистической оценки результатов дактилоскопической экспертизы. На постоянной основе разрабатываются математические модели, позволяющие оценивать вероятность совпадения папиллярных узоров у разных людей, что позволяет повысить объективность и обоснованность экспертных заключений.

3. Развития методов анализа сложных и фрагментированных следов рук. Разрабатываются алгоритмы, которые позволяют восстанавливать повреждённые и неполные папиллярные узоры, а также проводить идентификацию по отдельным деталям папиллярных линий.

Повысить эффективность и значительно сократить время проведения экспертизы позволяет автоматизация процессов дактилоскопирования и экспертный анализ.

Эта задача решается путём:

1. Разработки и внедрения автоматизированных дактилоскопических идентифицированных систем (АДИС). Эти разработки позволяют автоматически сканировать, обрабатывать и сравнивать отпечатки пальцев, а также выдавать результаты сравнения в виде списка наиболее вероятных кандидатов.

2. Создания автоматизированных рабочих мест экспертов-дактилоскопистов, которые обеспечивают данных специалистов современными средствами визуализации, анализа и обработки изображений, что позволяет им более эффективно проводить экспертизы.

3. Разработки алгоритмов автоматической классификации папиллярных узоров. Алгоритмы автоматической классификации позволяют автоматически определять тип и подтип папиллярного узора, что значительно ускоряет процесс идентификации [3].

Развитие новых технологий не стоит на месте, с каждым днём идёт разработка таких технологий, как 3D-моделирование, цифровая микроскопия и спектральный анализ, открываются новые возможности для визуализации и анализа папиллярных узоров.

1. *3D-моделирование папиллярных узоров* – позволяет создавать трехмерные модели папиллярных узоров, что облегчает их анализ и сравнение, особенно в сложных случаях, когда отпечаток пальца оставлен на неровной поверхности или деформирован.

2. *Цифровая микроскопия* – позволяет получать высококачественные изображения папиллярных узоров с высоким разрешением, что облегчает выявление мелких деталей и особенностей.

3. *Спектральный анализ* – позволяет определять химический состав веществ, оставленных на поверхности вместе с отпечатком пальца, что может помочь в установлении личности человека, оставившего след.

Одним из перспективных направлений исследований в области судебной дактилоскопии является разработка интеллектуальных систем автоматической идентификации личности, основанных на методах машинного обучения и искусственного интеллекта [5].

1. Использование нейронных сетей для распознавания папиллярных узоров. Нейронные сети позволяют обучаться на больших объемах данных и автоматически распознавать папиллярные узоры с высокой точностью.

2. Разработка алгоритмов, имитирующих процесс мышления эксперта-дактилоскописта. Эти алгоритмы позволяют автоматически анализировать папиллярные узоры, выявлять их особенности и сравнивать их с эталонными образцами.

3. Создание экспертных систем, способных давать рекомендации по проведению дактилоскопической экспертизы. Эти системы позволяют экспертам-дактилоскопистам получать консультации и рекомендации по сложным вопросам, возникающим в процессе проведения экспертизы.

Цифровая дактилоскопия, основанная на использовании электронных сканеров отпечатков пальцев, становится все более распространенной в различных областях, таких как контроль доступа, биометрическая идентификация и мобильные платежи.

В судебной дактилоскопии цифровая дактилоскопия может быть использована:

- для создания электронных дактилоскопических баз данных;
- проведения дистанционных дактилоскопических экспертиз;
- обеспечения безопасности и достоверности дактилоскопической информации.

В заключение, проведенный обзор исследований в области судебной дактилоскопической экспертизы в контексте развития новых технологий демонстрирует значительный прогресс в направлении автоматизации, повышения точности и расширения возможностей анализа отпечатков пальцев.

Внедрение передовых методов визуализации, таких как химическая визуализация и использование наночастиц, позволяет обнаруживать и идентифицировать следы папиллярных узоров даже на сложных поверхностях и после значительного времени. Развитие алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения, особенно глубоких нейронных сетей, значительно улучшило автоматическую идентификацию и сопоставление отпечатков пальцев, снижая вероятность ошибок и ускоряя процесс экспертизы. Интеграция новых технологий в судебную дактилоскопическую экспертизу открывает новые перспективы для повышения эффективности расследований и обеспечения справедливости правосудия. Однако, для успешного внедрения необходимо учитывать как технологические, так и этические и правовые аспекты, а также продолжать инвестировать в дальнейшие исследования и разработки в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изотермические полуприцепы. – URL: <http://mosdesignmash.ru>. – (дата обращения: 01.06.2025).
2. Полстовалов О. В. Криминалистическое обеспечение профилактики, расследования и раскрытия преступлений, совершаемых блогерами: контуры видовой характеристики // Правовое государство. – 2024. – № 2. – С. 81–89.
3. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Харьков, 1967. – С. 26.
4. Воробьева И. Б. Практикум по криминалистике: общая теория криминалистики и криминалистическая техника : учебно-методическое пособие. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2023. – 84 с.
5. Далгатова З. М., Юсупкадиева С. Н. Научные основы дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 1. – С. 54.
6. Кирдяшкина А. Ю., Норенков Д. Н. Современные проблемы криминалистики // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 15 марта 2019 года. – Казань : ЮрЭксПрактик, 2019. – С. 100–103.

Курсант Воронежского института МВД России

А. С. Тириченко

Научный руководитель: Е. И. Пырьева,

кандидат юридических наук, доцент

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕСТУПНИКА КАК МЕТОД КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной криминалистике возрастает значимость методов, направленных на установление личности неустановленного преступника. Одним из таких подходов является построение психологического портрета (профиля) преступника. Метод базируется на комплексном анализе особенностей преступного деяния (*modus operandi*), обстоятельств совершения преступления и поведения преступника на месте происшествия с целью выявления его устойчивых психофизиологических, социальных и поведенческих характеристик. Актуальность метода обусловлена необходимостью оптимизации процесса расследования, особенно в условиях сложных, серийных или латентных преступлений. Целью статьи является анализ методологических основ, содержания и практической значимости психологического портрета преступника как криминалистического метода. В международной практике метод известен как *criminal profiling*, в отечественной – как «психологический портрет преступника». Развитие информационных технологий предоставляет новые инструменты для сбора и анализа данных, повышая эффективность метода.

Процесс построения психологического портрета начинается со скрупулезного изучения и анализа всей информации, доступной на месте преступления: способа совершения и сокрытия преступления (*modus operandi*), особенностей поведения преступника, характеристик жертвы и обстоятельств события. Теоретической основой метода выступает учение о криминалистической характеристике преступлений, разрабатывающее систему типичных взаимосвязей между способом совершения, обстановкой, личностью преступника и жертвы. Основная задача метода – на основе этих взаимосвязей определить наиболее вероятные психологические, социальные и физические характеристики неизвестного преступника, сузив круг подозреваемых.

Содержание психологического портрета формируется как система вероятностных выводов о его характеристиках.

Традиционно выделяют следующие группы признаков:

- *демографические*: пол, возраст, раса;
- *социальные*: образование, род занятий, социальный статус, место проживания;
- *психологические и поведенческие*: психические особенности, характерный стиль поведения, уровень агрессии, мотивация;
- *физические*: особенности телосложения, физической силы;

– *криминалистически значимые*: криминальный опыт, специфические навыки.

Психологический портрет представляет собой гипотетическую информационную модель личности преступника, выполняя ориентирующую функцию:

- задает направления для установления личности;
- позволяет выдвинуть и проверить версии;
- помогает планировать оперативно-розыскные мероприятия;
- определяет тактику следственных действий.

Исследования подчеркивают, что преступное поведение часто детерминировано специфическим алгоритмом действий (*modus operandi*) и эмоциональным состоянием преступника.

Одной из наиболее известных методик профилирования является подход ФБР США (Behavioral Science Unit).

Он основывается на анализе:

1. Характера преступления (*modus operandi* и «почерк» преступника).
2. Криминалистического анализа места преступления.
3. Анализа жертвы (Victimology).
4. Реконструкции мотивов.
5. Формирования профиля.

Базовый технологический алгоритм построения психологического портрета включает этапы [1-4]:

1. Сбор и криминалистический анализ исходных данных.
2. Реконструкция психологической модели поведения преступника.
3. Интерпретация и синтез характеристик.

Таким образом, метод психологического портрета представляет собой важное направление криминалистики. Его теоретической основой выступает учение о криминалистической характеристике преступлений. Практическая значимость метода заключается в его ориентирующей функции: сужение круга подозреваемых, определение направлений розыска, выбор тактики расследования. Несмотря на вероятностный характер выводов, дальнейшая разработка методик, интеграция достижений психологии и использование новых технологий (искусственный интеллект, большие данные) остаются актуальными задачами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Енгальчев В.Ф. Криминалистическое профилирование: Теория и практика построения психологического портрета преступника. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 208 с.
2. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. А. Г. Филиппова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2021. – 743 с.
3. Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений : учебное пособие. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 320 с.
4. Криминалистическая психология : хрестоматия / Сост. В. Ф. Енгальчев. – Москва : МПСИ, 2006. – 432 с.

Слушатель Воронежского института МВД России

А. В. Французов

Научный руководитель: Е. И. Пырьева,

кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Современный этап развития информационного общества характеризуется стремительным ростом киберпреступности, что обусловлено как усложнением технологических процессов, так и расширением сферы цифровых взаимодействий. Особую актуальность приобретает исследование личности преступника, совершающего мошеннические действия в сети Интернет, поскольку понимание его криминологических характеристик позволяет не только совершенствовать методику расследования, но и разрабатывать эффективные меры предупредительного характера.

Личность преступника, специализирующегося на кибермошенничестве, формируется под влиянием совокупности социальных, психологических и технологических факторов. В первую очередь, такие лица обладают высокой степенью компетентности в области информационных технологий, что позволяет им не только разрабатывать сложные схемы обмана, но и эффективно скрывать следы противоправной деятельности.

Мотивационная структура интернет-мошенников отличается выраженной корыстной направленностью, однако в ряде случаев преобладают иные побуждения, такие как самоутверждение, исследовательский интерес или стремление к деструктивным действиям [1]. Психологический профиль таких преступников зачастую включает такие черты, как высокий уровень абстрактного мышления, склонность к манипулированию, а также сниженную эмпатию, что облегчает процесс эксплуатации жертв.

В криминалистической практике можно выделить несколько устойчивых типов преступников, действующих в цифровой среде:

1. Хакеры представляют собой категорию лиц, чьи действия мотивированы не только материальной выгодой, но и стремлением к демонстрации собственных возможностей. Их отличительной чертой является глубокая вовлеченность в виртуальную среду, что нередко приводит к социальной изоляции и формированию специфического мировоззрения, оправдывающего противоправные действия.

2. Инсайдеры осуществляют мошеннические схемы, используя служебное положение или доступ к конфиденциальной информации. Их поведение зачастую обусловлено личностными конфликтами, финансовыми трудностями или осознанной корыстной заинтересованностью.

3. Организованные мошенники (кардеры, фишеры, спамеры) действуют в рамках преступных групп, применяя системный подход к обману пользователей. Их деятельность характеризуется высокой степенью профессионализма, использованием социальной инженерии и тщательным планированием операций.

Особенностью расследования кибермошенничества является необходимость анализа не только цифровых следов, но и поведенческих паттернов преступника.

Ключевыми элементами криминалистического портрета выступают:

- технические навыки, позволяющие разрабатывать и внедрять вредоносные программы;
- способы маскировки личности (использование анонимных сетей, поддельных документов);
- методы социальной инженерии, направленные на манипуляцию жертвами.

Эффективная борьба с интернет-мошенничеством требует комплексного подхода, включающего как технические меры защиты информационных систем, так и криминологическое прогнозирование. Важную роль играет повышение цифровой грамотности населения, ужесточение законодательства в сфере кибербезопасности и развитие международного сотрудничества в области пресечения транснациональных преступных схем.

Таким образом, формирование криминалистического портрета интернет-мошенника позволяет не только оптимизировать процесс раскрытия преступлений, но и разрабатывать превентивные стратегии, направленные на минимизацию киберрисков. Дальнейшее исследование личности преступника в цифровой среде должно учитывать динамику технологического развития и соответствующие изменения в способах совершения противоправных деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В. А., Молчанова Т. В. Особенности личности современного интернет-мошенника в механизме индивидуального преступного поведения // Криминологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 80.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Современная цифровая криминалистика переживает период активной трансформации, обусловленный стремительным развитием информационных технологий [1]. Сегодня она играет ключевую роль в расследовании преступлений, связанных с использованием цифровых устройств и интернет-технологий. Однако постоянно растущие объемы данных, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, требуют внедрения новых, более эффективных методов анализа [3].

Искусственный интеллект открывает перед криминалистикой принципиально новые возможности [1, 3]. Алгоритмы машинного обучения и нейронные сети позволяют не только ускорить обработку информации, но и повысить точность расследований за счет выявления скрытых закономерностей. В данной работе рассматриваются ключевые направления применения ИИ (далее – искусственного интеллекта) в цифровой криминалистике, а также анализируются связанные с этим технологические и этические вызовы [4].

Основные технологии ИИ в криминалистике:

1. Машинное обучение обеспечивает супервизорное обучение и помогает классифицировать данные и выявлять подозрительные активности на основе исторических примеров [1]. Нейросетевые модели обнаруживают сложные взаимосвязи в больших массивах информации, что особенно ценно при анализе цифровых следов. Например: обнаружение мошеннических схем, анализ поведения пользователей в Darknet [3].

2. Современные NLP-системы способны анализировать тексты на разных языках, определять эмоциональную окраску сообщений [1]. Они используются для мониторинга социальных сетей, расшифровки аудиозаписей, автоматизации обработки отчетов сотрудников правоохранительных органов. Перспективным направлением является - выявление скрытых угроз в онлайн-переписках [4].

3. Компьютерное «зрение» позволяет достичь 98% точности в распознавании лиц и объектов [1]. Оно применяется для анализа видео с камер наблюдения, восстановления поврежденных изображений и позволяет достичь 98% точности в распознавании лиц и объектов. Например: определение поддельных фотографий и видеозаписей [3].

4. Анализ больших данных позволяет интегрировать данные из разных источников (базы правоохранительных органов, открытые данные, IoT-устройства), пространственно-временной анализ помогает выявлять

"горячие точки" преступности, аналитика прогнозирования предназначена для оптимального распределения полицейских ресурсов [1, 3]. Например, автоматизация обработки цифровых доказательств.

Современные ИИ-системы способны автоматически категоризировать и индексировать электронные доказательства, восстанавливать удаленные и поврежденные файлы, выявлять плагиат и авторский стиль в текстах, анализировать метаданные для установления цепочек событий [1, 3].

Ключевые преимущества:

- сокращение времени обработки доказательств на 60-80% [3];
- повышение объективности за счет минимизации человеческого фактора [4];
- возможность обработки больших объемов данных [1].

Однако, остаются серьезные вопросы, ввиду того, что внедрение ИИ в криминалистику не несет в себе юридическую силу доказательств, сгенерированных или проанализированных искусственным интеллектом [2]. В отличие от традиционных цифровых доказательств, чей процесс сбора и анализа строго регламентирован (например, ФЗ-149 «Об информации» и УПК РФ), доказательства, обработанные ИИ, находятся в правовом вакууме [2, 4].

Современные нейросетевые алгоритмы, демонстрируя впечатляющие результаты в анализе цифровых доказательств, несут в себе фундаментальную проблему – отсутствие прозрачности в принятии решений [4]. Это явление, известное как «проблема черного ящика», создает серьезные сложности для их использования в судопроизводстве [4].

В киберкриминалистике нового поколения используются ИИ для расследования сложных кибератак и автоматическое отслеживание криптовалютных транзакций [3, 4].

Внедрение искусственного интеллекта в цифровую криминалистику открывает новые горизонты для борьбы с преступностью [1, 3].

Однако максимальная эффективность может быть достигнута только при условии:

- постоянного совершенствования алгоритмов [1];
- подготовки квалифицированных кадров [3];
- развития нормативно-правовой базы [2];
- контроля за использованием технологий [4].

Будущее цифровой криминалистики видится в создании гибридных систем, где ИИ выступает интеллектуальным ассистентом экспертов, сочетая скорость машинного анализа с критическим мышлением человека [3, 4]. Это позволит создать более безопасное цифровое пространство при сохранении фундаментальных прав и свобод граждан [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин А. Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 2. – С. 25–33. (дата обращения: 22.06.2025).

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве : Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ . – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 22.06.2025).

3. Себякин А. Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки решений // Правоведение и юридическая практика. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 21. (дата обращения 22.06.2025)

4. Кокин А. В., Денисов Ю. Д. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе: вопросы правосубъектности и алгоритмической предвзятости // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 19. – URL: <https://www.tipse.ru/jour/article/view/775> (дата обращения: 22.06.2025).

Научное издание

ПРЕСТУПНОСТЬ В СНГ:
ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сборник

Часть 1

В авторской редакции

Оригинал-макет А. Г. Лиопы

Подписано в печать 30.10.2025

Формат 60х84^{1/16}

Усл. печ. л. 16,86

Тираж 60 экз.

Заказ № 177

Воронежский институт МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53

Типография Воронежского института МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53